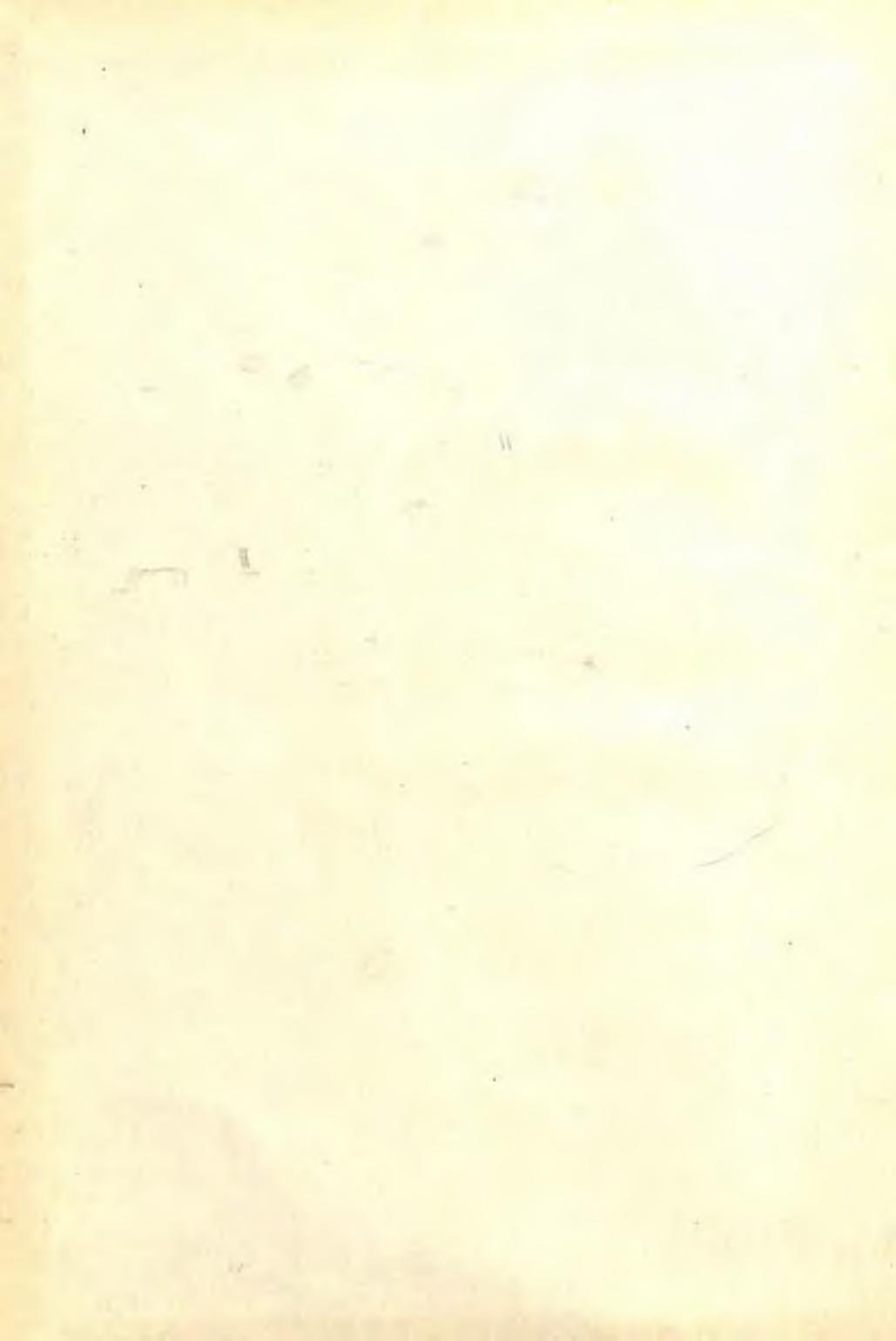
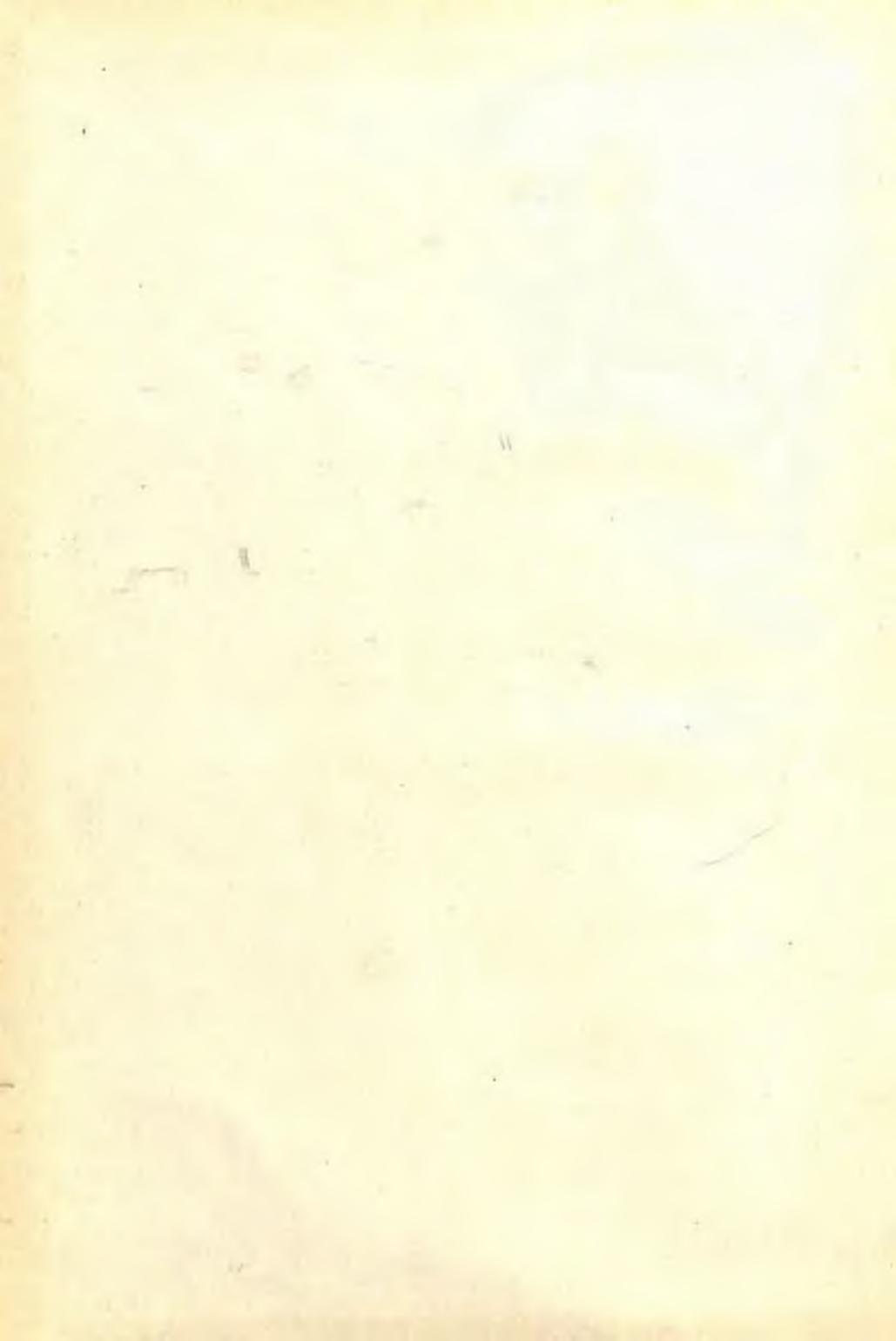


Р. А. АБРАМЯН

АРМЯНСКИЕ
ИСТОЧНИКИ
XVIII ВЕКА
ОБ ИНДИИ









ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԳԵՄԻԱ,
ԱՐԻՎԵԼԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ՍԵՆՏՐ

Ռ. Ս. ԱՐՐԱՀԱՄՅԱՆ

XVIII Գ. ՀԱՅԿԱԿԱՆ ԱՂԲՅՈՒՐՆԵՐԸ
ՀՆԳԱՍՏԱՆԻ ՄԱՍԻՆ

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
СЕКТОР ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Р. А. АБРАМЯН

АРМЯНСКИЕ ИСТОЧНИКИ XVII В.
ОБ ИНДИИ

080004
400080

~~194X651~~



ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН 1968

ВВЕДЕНИЕ

Армянские источники сообщают множество интересных фактов о героической борьбе индийского народа против английских и других европейских колонизаторов, знакомят с 2000-летней историей дружественных связей между армянским и индийским народами. Вместе с тем эти источники свидетельствуют о том сходстве культуры, языка, мифологии, которое сближает и роднит два народа.

Несмотря на богатство рукописных и архивных материалов по армяно-индийским взаимоотношениям, основная часть их до сих пор не опубликована. Некоторые же материалы, изданные в свое время на древнеармянском языке, давно забыты.

До сих пор мы не имеем какой-либо источниковедческой или иной работы, куда могли бы войти русские переводы наиболее ценных древнеармянских источников об Индии и армяно-индийских взаимоотношениях. Такая работа была бы ценной для истории Индии и в то же время помогла бы разоблачению фальсификации исторических фактов буржуазной, особенно английской, историографией. Этой именно цели служит наша настоящая работа «Армянские источники XVIII в. об Индии»: а) «История Индии» Т. Ходжамаяна; б) «Жизнеописание Хайдара Али-хана» Акопа Симоняна. Оба автора почти всю свою жизнь жили и творили в Индии, были очевидцами и участниками тех событий, о которых пишут.

Важнейшим руководством для правильного понимания описываемых в них событий является работа К. Маркса «Хронологические выписки из истории Индии»¹. К. Маркс прослеживает процесс жестокой эксплуатации народов, населяющих Индию, и роста колониальной империи Великобритании, отмечая в то же время экономические и политические последствия господства англичан для народов Индии.

Различным вопросам истории Индии большое внимание уделял и Ф. Энгельс².

Вопрос об армяно-индийских взаимоотношениях затронут в общих курсах истории армянского народа или же в работах, посвященных истории армянских общин в Индии.

Из этих работ отметим труды Месровба Сета (Сетян)³, Арутюна Тер-Овнанянца⁴, Гевонда Алишана⁵, Лео⁶, Торгома Гушакяна⁷, С. В. Тер-Аветисяна⁸, академика А. Б. Кариняна⁹, Аршака Алпояджяна¹⁰ и др.

Кроме отдельных монографий и исследований, написан ряд статей. Из наиболее ценных можно упомянуть «Армяне в южной Индии»¹¹ С. Тер-Григоряна.

¹ К. Маркс, Хронологические выписки по истории Индии (664—1858), М., 1947.

² К. Маркс, Ф. Энгельс, Сочинения, тт. 9, 12, 14, изд. 2; К. Маркс, Капитал, т. 1, М., 1955, гл. 24; Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, М., 1957.

³ M. J. Seth, Armentans in India.

⁴ Հ. Տեր-Հովհաննէանց, Պատմութիւն Նոր Զուգայու, հատ. 1—2, ն. 2-րդ, 1880:

⁵ Գ. Ալիշան, Սիսական, Վենետիկ, 1893:

⁶ Լեո, Հայկական տպագրութիւն, Պատմա-գրական տետրութիւն հատ. 2, Թիֆլիս, 1901:

⁷ Ք. սրբ. Գուշակեան, Հնդկահայր, Երուսաղեմ, 1941:

⁸ Ա. Վ. Տեր-Ալիեւոյիսյան, Նյութեր հնդկահայ գաղութի պատմութեան համար, Երևանի Պետ. համալսարանի «Գիտական աշխատութեաներ», հատ. 13, Երևան, 1940:

⁹ Ա. Բ. Կարինյան, Ազնարիներ հայ պարբերական մամուլի պատմութեան, հատ. 1, Երևան, 1956:

¹⁰ Մ. Ալպոյանեան, Պատմութիւն հայ գաղթականութեան, հատ. Գ, Լ մաս, Փահիրե, 1960:

¹¹ «Բազմազեպ», Վենետիկ, № 3, 5—6, 1927:

Интересные факты из жизни армян в Бенгалии и об участии армян в антиколониальной борьбе Мир Касима против английских завоевателей сообщают в своих статьях Х. А. Товмасын¹² и другие.

Вопрос об армяно-индийских взаимоотношениях и армянских источниках об Индии рассмотрен также в некоторых статьях автора этой работы: «Из истории армяно-индийских связей»¹³, «Армянские источники об Индии»¹⁴, «Армянский путеводитель по Индии XII в.»¹⁵, «Восстание индийского народа в 1760—1763 гг. и армянская община»¹⁶, «География Индии в древних и средневековых источниках»¹⁷, «Путевые заметки по Ирану и Индии Аветиса Карбеци»¹⁸, «Армянские переселенческие очаги в Индии»¹⁹, «Армянские источники и документы об Индии и армяно-индийских взаимоотношениях»²⁰.

Серьезным подспорьем для исследователя армянских источников об Индии и армяно-индийских взаимоотношениях являются «Очерки истории армянской журналистики» А. Б. Кариняна. Первый том этой работы целиком посвящен армянской журналистике в Индии. Автор анализирует армянскую периодику в Индии, дает марксистский анализ истории армянских общин в Индии и армянских источников о ней.

Особый интерес представляет труд крупного специалиста по армянским общинам в Индии Месровба Сетяна. Этот неутомимый исследователь почти всю свою жизнь посвятил изучению истории индийских армян. Еще в 1895 г. в Калькутте он опубликовал небольшую книгу «Армяне в Индии». Затем Месровб Сетян, в течение сорока лет совершая поездки по всей Индии, собрал множе-

¹² «Բազմազգիք», № 9, 1880.

¹³ «Պատմա-քանոսիրական հանդես», № 2, Երևան, 1958.

¹⁴ «Սովետական Հայաստան», ամսագիր, № 6, 1956.

¹⁵ «Բանրիք Մատենագարանի», № 4, 1959.

¹⁶ «Պատմա-քանոսիրական հանդես», № 2, 1960, Երևան:

¹⁷ «Տեղեկագիր» ՀՍՍՀ ԳԱ հասարակական բաժանմունքի, № 6, Երևան, 1961.

¹⁸ «Սովետական Հայաստան», ամսագիր, № 1, Երևան, 1960.

¹⁹ Ա. Գ. Արրահամյան, Համառոտ ուղագրիժ հայ գաղթականության պատմության, 5. 1, Երևան, 1964, էջ 436—485.

²⁰ «Բանրիք Հայաստանի արխիվների», № 3, Երևան, 1964.

ство материалов, начиная от надписей на надгробных камнях и кончая рассказами очевидцев. Он прочитал немало исследований на местных и европейских языках, архивные материалы, перелистал путевые заметки европейских путешественников и на основе всего этого написал большое число статей о жизни армян в Индии и армяно-индийских взаимоотношениях. Сетян публиковал свои работы в различных журналах и научных сборниках Азии и Европы, а впоследствии обобщил все это в большой монографии, опубликованной в Калькутте в 1937 г.

Под влиянием английской буржуазной историографии Сетян порой приходит к совершенно неверным, односторонним и даже ошибочным выводам, проявляя недостаточную требовательность к подбору исторических фактов.

Говоря об участии армян в том или ином событии, он неуместно преувеличивает роль своих соотечественников, представляет их деятелями, от которых чуть ли не зависела судьба отдельных государств в Индии. Сетян выражает недоверие «мусульманским» авторам, зато целиком полагается на сообщения всякого рода «добрых святых отцов-иезуитов». Первые две обширные главы своего труда он почти целиком посвятил деятельности иезуитов в Индии. Самая обширная глава в работе так и называется—«Иезуиты и Мирза Зу-л-Карнайн».

Много интересного материала содержится и во втором томе «Истории армянского типографского дела» Лео. Эта работа почти целиком посвящена армянским общинам и изданиям на армянском языке в Индии.

Почти все коренные вопросы жизни армян в Индии и связанные с этим события автор рассматривает в свете роста и упадка торгового капитала крупных армянских купцов-ходжа. Опираясь на богатый исторический материал, проф. Лео создал краткую, но интересную историю образования, развития и упадка армянских общин в Индии.

В хранилище и архиве армянского монастыря Ален-напркич в Новой Джуге (Исфахане) имеется огромное количество документов по интересующему нас вопросу. К сожалению, опубликована лишь незначительная часть этих ценных документов. О них мы знаем очень мало.

и то благодаря «Истории Новой Джуги» Ар. Тер-Ованянца. Правда, эта работа посвящена не Индии и армяно-индийским взаимоотношениям, но так как армянские общины Индии были основаны армянами Ирана и Новой Джуги, автор подробно повествует и о своих земляках, находящихся в Индии, приводит много очень ценных архивных документов, относящихся к экономической и политической жизни Индии, в связи с деятельностью там своих соотечественников.

Армянам Индии и армяно-индийским взаимоотношениям немало места уделил А. Алпояджян в своей «Истории армянской миграции». А. Алпояджян широко использовал работы М. Сетяна, Лео и других армянских и европейских авторов.

Во всех упомянутых нами работах досадно мало использованы армянские источники. История армянских общин в Индии и армяно-индийских взаимоотношений нередко дается в отрыве от истории политической и экономической жизни Индии.

Учитывая ценность выбранных нами двух армянских памятников как для истории Индии, так и для истории армяно-индийских взаимоотношений, нам представляется необходимым ввести их в более широкий научный оборот. Для получения полного представления об «Истории Индии» и «Жизнеописании Хайдара Али-хана», кроме исторического исследования и анализа этих работ, нами переведены оба текста с грабара (древнеармянского языка) на русский язык. Перевода этих источников на другие языки не было, а на русский язык они переводятся впервые.

При переводе мы старались сохранить правописание и пунктуацию, а также лексические искажения с тем, чтобы получить наиболее близкий к оригиналу текст.

Собственные имена и географические названия в текстах оставлены в том виде, в каком дают их авторы, в примечаниях и комментариях приведены современные написания на основе работ советских и индийских ученых.

ИЗ ИСТОРИИ АРМЯНО-ИНДИЙСКИХ СВЯЗЕЙ И АРМЯНСКИХ ОБЩИН В ИНДИИ

Армяно-индийские экономические, культурные и научные связи имеют историю тысячелетней давности.

Один из активных деятелей Ост-Индской компании Франсуа Мартен, поселившийся в Малабаре во второй половине XVII века и подробно исследовавший этот край, пишет, что «в Сент-Фоме (ныне Новый Мелабар) активно действовали армяне, которые с давних времен обосновались здесь и занимались торговлей... Здесь были семьи армян, которые имели состояние, стоящее миллионы»¹.

О многолюдности и богатой жизни армянских общин на Малабарском побережье Индии в XVI—XVIII вв. свидетельствуют также архитектурные памятники, часть которых сохранилась и до сих пор. В 1707, 1712 и 1729 гг. здесь, недалеко друг от друга, были построены три церкви². О больших строительных работах, которые проводили армяне, свидетельствует и надпись на стене церкви св. Фомы, датированная 1547 годом. Известны имена строителей-армян тех времен—Махтеси Закария Сафаряна и Петроса Восканяна. Знаменит многоярусный мост, построенный в 1725 г.³ и т. д.

¹ H. D. Lovie, Vestiges of old Madras, vol. 1, London, 1825, p. 285.

² Ք. արք. Գուշակեան, Հնդկահայր, էջ 46.

³ Հուշի տեղում:

С возвышением Мадраса почти все армяне переехали туда, оставив прежние места жительства на Малабарском побережье. В Мадрасе, а впоследствии в Бомбее и Калькутте, образовались самые крупные армянские общины в Индии, сыгравшие большую роль в культурной жизни и формировании национально-освободительных идей армянского народа.

Жили армяне и в Бенгалии еще задолго до появления там европейцев и до основания Калькутты. В 1665 г. армяне получили от Аурангзеба ферман, разрешающий им организовать торговую факторию в Бенгалии⁴. В середине XVII в. армяне пользовались таким большим влиянием, что их связи старались использовать для своих целей европейцы. Когда в 1661 г. англичане отправили к шаху Джахану делегацию для получения разрешения на строительство фактории, одним из руководителей этой делегации был назначен знаменитый купец армянин Ходжа Сахрат⁵.

Архивные документы, рукописи, памятные записки, надписи на надгробных плитах свидетельствуют, что в XVI—XVIII вв. армянские общины существовали в Агре, Адоно, Аркате, Бангалуре, Бихаре, Дакке, Дели, Кандагаре, Кочине, Ориссе, Муршидабаде, Пондишери, Серингатаме, Сурате, Танджуре, Хайдарабаде, Хугли, Мункере, Читангоне и т. д.

Армянские общины в Индии в основном были образованы джугинскими и персидскими армянами. В XVII в., когда началось падение Ирана, Н. Джуга оставалась еще источником доходов персидского двора. В конце XVII в. фанатичный и бездарный шах Хусейн пытался заставить армян принять ислам. Начались страшные гонения, преследования, резня. Джугинские армяне искали выхода из этого земного ада. Они оставляли все—дома, имущество, сады, лавки, мастерские—и переезжали в Индию, Россию и другие страны.

О численности армянских общин в Индии точных сведений не имеется. Дельюре считает, что армян, проживавших в Индии и Индонезии, насчитывалось 25 тысяч.

⁴ См. M. J. Seth, Armenians as Political stepping stones (Kholah Sahrad), Calcutta, 1936.

⁵ См. M. J. Seth, Armenians in India..., p. 571.

Г. Алишан называет цифру в 5 тысяч, К. Шахназарян—1500⁶. В одном из документов Матенадарана значится две тысячи⁷.

Один из современников перечисляет следующие категории в армянских общинах Индии: крупные купцы (некоторые из них имели плантации), мелкие купцы, ремесленники, служащие, рабочие, различные мелкие дельцы.

В торговой и экономической жизни Индии армяне-купцы, особенно крупные купцы, играли значительную роль. Пользуясь покровительством местных властей, они расширяли сферу своей деятельности по всей Индии. Армянские купцы вели торговлю в основном в одиночку. Иногда они создавали «компании», куда, как правило, входили братья или родственники. Их делами ведали «торговые канцелярии», «торговые дома, руководителей которых называли капитанами»⁸.

Они имели широкие торговые связи с Ираном, Россией, Турцией, почти со всеми странами Европы и Азии, и получали колоссальные доходы. Известен, например, факт, когда два брата, вложив в оборот небольшую сумму, за 30 лет получили чистый доход в размере 1 763 000 рупий⁹. Богатые купцы финансировали более мелких купцов, которые платили им 10—12 процентов своего дохода¹⁰.

По утверждению Шеррера, армяне покупали хлопок и отдавали его пряльщикам, затем нитки передавали ткачам и уже готовую продукцию через Бендер-Аббас отправляли в Турцию. Иран и даже на европейские рынки¹¹.

Другое сословие армянских общин в Индии—ремесленники, так же как и купцы, в основном работали в

⁶ Эти цифры взяты из журнала «Մանուկ աղանի», Феодосия, 1860 г., № 2, стр. 31.

⁷ См. Архив Матенадарана, ф. Католикосов, д. 72, л. 457.

⁸ ЦГАДА, фонд сношения России с Персией, 1713—1715, л. 580а.

⁹ Հար. Տեր-Հովհաննեսնց, Պատմութիւն Նոր Ջուղայու, հ. 2, էջ 189:

¹⁰ Առ, Հայկական տպագրութիւն, հատ. 2, էջ 445:

¹¹ Շերրեր, Անգլիական առևտրի պատմութիւնը, Թարգմանութիւն Ազարեղիան, Կ. Պոլիս, 1822, էջ 51:

одиначку, изредка объединяясь в один ремесленный цех. Ремесленники выполняли главным образом разные заказы купцов для внешнего и внутреннего рынка. Известно, что армяне-ремесленники Калькутты изготовили серебряную модель знаменитого храма Боддж-Гая, по-видимому, по поручению английской ювелирной компании «Стейф»¹².

В Историческом музее Еревана хранится ряд работ калькуттских армян-ювелиров, свидетельствующих об их великолепном мастерстве. Руками армянских мастеров было изготовлено большинство подарков джунгинских и индийских армян¹³ русскому царю Алексею Михайловичу, среди которых был знаменитый трон, находящийся сейчас в Оружейной палате. Как указывает «Азгасер», в Калькутте жило много армян-плотников, кузнецов, ювелиров, портных, слесарей, а также каменщиков, строителей. Кроме того, армянские ремесленники изготовляли различные краски для крашения тканей, кожи и т. п. Но основную массу в армянских общинах составляли более мелкие купцы, лавочники, служащие, сопровождающие караваны с товарами кустарей, рабочие и т. д.

Как уже говорилось, еще задолго до появления европейцев в Индии армяне играли значительную роль в жизни страны, вели обширную торговлю почти со всеми крупными странами Европы и Азии.

Поэтому европейцы, поселившиеся в Индии в первой половине XVII столетия, воспользовались связями армян и через них сумели получить у индийских правителей разрешение на строительство факторий и на торговлю в Индии. Армянином был один из членов французской делегации, отправленной к Аурангзебу из Эфиопии. Фраисуа Бернье с недовольством сообщает, что Великий Могол первым принял армянина, имел с ним беседу и одарил подарками. Именно благодаря дружественным

¹² Վ. Աբրահամյան, Արհեստները Հայաստանում, Երևան, 1946, էջ 189.

¹³ Լ. Տեր-Աստվածատրեան, Հայ վաճառականութիւնը Ռուսաստանում 7-18 դդ., Փարիզ, 1906, էջ 11:

связям армянина Моюрата французам удалось получить разрешение на безопасную торговлю по всему Голкондскому побережью¹⁴. Большую роль в английской делегации, отправленной к шаху Джахану в 1651 г., играл хорошо известный в Индии Ходжа Сахрат¹⁵.

Армяне в этот период играли в Индии не только торговую, но и политическую роль¹⁶. Это противоречило интересам проникших в Индию европейцев, в особенности англичанам. Они должны были каким-то образом ограничить действия армян в Индии, однако это было не так-то просто, ибо тогда их было слишком мало— всего горсточка купцов, не обладавших военной силой.

Оставался один-единственный путь—привлечь на свою сторону индийских армян и постепенно взять под свои наблюдения и контроль их действия.

С этой целью англичане предложили индийским армянам проект договора с Ост-Индской компанией, по которому армяне получали все привилегии и права британского гражданства в Индии. Большие привилегии были предоставлены им для перевозок товаров в Европу и из Европы в Индию на судах компании. Армянам было разрешено также поселяться и свободно торговать в городах и гарнизонах компании, где они могли занимать все гражданские посты и должности наравне с англичанами. Далее, армянам было разрешено свободное исповедание своей религии. В качестве дальнейшего поощрения англичане выделяли армянам землю для церквей, которые должны были первоначально строиться за счет компании,—всюду, где только сорок или более армян станут жителями любого города на территории компании. Этот договор был принят частью индийских армян и его подписал Ходжа Фанос Калантар 28 июня 1668 г.

¹⁴ См. Франсуа Бернье, История последних исторических переворотов в государстве Великого Могола, М.—Л., 1936, стр. 138—142. Мемуары для статистики Туркменского края. Вып. III, СПб., 1879, стр. 2.

¹⁵ См. M. J. Seth, Armenians in India..., p. 319—412.

¹⁶ См. M. J. Seth, Armenians as political stepping stones..., p. 3—7.

Из переписки компании с Ходжа Фаносом Калантаром видно, что англичане за большое вознаграждение старались уговорить армян поступить на службу в индийскую колониальную армию, обещая даже плату за проезд тем армянам, которые захотят приехать из Армении и Ирана.

М. Сетян субликовала два интересных документа. В одном из них представитель Совета директоров Ост-Индской компании из Лондона пишет своим представителям в Сурат: «Если вы можете прислать какое-либо количество армян-христиан, желающих быть солдатами, мы, конечно, разрешим дать им такое же жалованье, как и английским солдатам»¹⁷.

Эти попытки англичан, как видно из документов, потерпели неудачу. Никто из индийских и новоджугинских армян не выразил желания служить в английской армии.

После проникновения в Индию, а затем ее завоевания европейцами, в районах, где начали хозяйничать англичане, положение почти всех слоев армянских общин в Индии резко изменилось. Армянские купцы, ремесленники или небольшие торговые компании армян не смогли противостоять мощи европейской Ост-Индской компании, которая к тому времени имела за спиной вооруженную армию и свои торговые и экономические операции часто совершала с помощью кровавых экспедиций и нашествий.

В разорении армянских общин решающую роль сыграло и падение уровня экономической жизни индийского народа.

Несмотря на договор 1668 г. между армянами и английской Ост-Индской компанией, который давал армянам на территориях Ост-Индской компании все права граждан Англии, начиная с середины XVIII в. положение резко меняется, теперь англичанам не нужны были «союзники» — армяне.

Англичане не только притесняют армян как конкурентов в торговле, но и переходят к прямому преследо-

¹⁷ M. J. Seth, *Armenians in India...*, p. 372.

ванню—судят, бросают в тюрьмы, отбирают товары и т. д. Об этом свидетельствуют даже сами англичане. К. Датта в своей статье «История торговли Ост-Индской компании во время Аливарди-хана» пишет: «Вскоре сама компания в Калькутте начала судить индийских и армянских купцов, отправляющих свои товары из города Калькутты, и взимала с них пошлины как со своих должников»¹⁸.

Факт беззакония и преследования армян приводит А. Аляпояджян: «Без всякого обвинения группа армянских купцов внезапно была арестована и даже без вопроса изгнана в глубь страны и посажена в тюрьму. Семьи этих людей были погублены»¹⁹.

В 1746 г. вблизи Мадраса английский адмирал Гриффин реквизировал два торговых корабля бенгальских армян²⁰.

Англичанами был захвачен и «...другой корабль, возвращающийся из Китая... Мы потеряли 250 000 рупий»²¹.

В таких условиях все большие группы армян оставляют территории, захваченные англичанами, и присоединяются к армянам, живущим с индийским населением. Многие армяне переходят на службу к местным властям Индии.

За очень короткое время армянские общины во многих городах Индии разоряются, а некоторые вовсе перестают существовать.

В 1765 г. Семеном Ереванци был составлен список тех городов мира, где существуют армянские колонии. Из индийских городов он упоминает лишь Сейдабад, Бомбей, Калькутту, Мадрас, Сурат, Патну и Шахджаханбад. Г. Инджиджян, анализируя положение индийских армян, особенно тех слоев, которые были тесно связаны с экономической жизнью Индии в период 1750—1757 гг., пишет: «Когда англичане распространили свою власть в Индии, все главные линии торговли, ранее находившиеся в руках армян из Джуги, они взяли в свои руки, хотя

¹⁸ Цит. по диссерт. Э. Н. Комарова, стр. 299.

¹⁹ Ա. Ալյապոյաճյան, *Պատմություն հայ գաղթականության, հատ. Գ, մաս II, էջ 311*։

²⁰ Там же, էջ 317—318։

²¹ Там же, հատ. II, էջ 308։



армяне вели ее с великим мастерством. Теперь редко кто из армян Индии занимается торговлей, да и то мелкой»²².

Индийские армяне на собственном опыте убедились, что ярмо британцев не менее тяжело и опасно, чем кровавое ярмо турецко-персидских ассимиляторов.

Основная масса армянских общин в Индии жила совместно с трудовым народом Индии, при одних политических и экономических условиях, разделяя с ним радость и горечь жизни. Армяне всегда были на стороне индийского народа в их борьбе против колонизаторов.

Агонц сообщает, что когда европейцы вступили в Индию, «множество сражений было между ними и индийскими войсками, а также армянскими войсками, которые сражались против англичан на стороне индусов».

Активное участие приняли армяне в восстании 1662 г. в Меланборе, губернатором которого после восстания был назначен армянин Маркос Хогас (Рогас).

Таких примеров немало в истории Индии. Но самым ярким из них является участие армян в борьбе против англичан в 1760—1764 гг. в Бенгалии, о чем так подробно и интересно сообщает Т. Ходжамаян в «Истории Индии»²³.

²² Ф. Агабег, *Աշխարհադրամ Բրիտանիայի, հատ. IV, ճամփ Գ, էջ 86*.

²³ Там же, *ճամփ II, էջ 86*.

АРМЯНСКИЕ ИСТОЧНИКИ ОБ ИНДИИ И АРМЯНО-ИНДИЙСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ

(Общая характеристика рукописных источников)

Столетиями проживая на индийской земле, армяне были непосредственными очевидцами, а порою и участниками исторических событий, происходивших в Индии. Среди них нашлись такие, которые зафиксировали эти события. Часть этих работ дошла до нас и находится в разных книгохранилищах мира. Считаем нужным кратко остановиться на ряде работ (как известных, так и обнаруженных мной), которые для изучения истории Индии могут представить научный интерес.

Сведения об Индии, индийцах и армяно-индийских отношениях, сохранившиеся в армянских источниках, по нашему мнению, можно разделить на две части. К первой относятся сведения, сообщенные армянскими историками и летописцами в связи с общей историей армянского народа. Об Индии в них сообщается лишь в общих чертах и большей частью это отрывочные сведения. Авторы этих сведений сами не были в Индии. Они главным образом зафиксировали устные рассказы своих соотечественников, побывавших в Индии, или пользовались другими, более древними армянскими источниками.

Индия в освещении этой группы армянских источников не является сказочно богатой, волшебной страной, находящейся где-то вдалеке. Об Индии они имеют конкретное и довольно ясное представление. Из таких источников можно упомянуть работы Агатагехоса (IV в.),

М. Хоренаци (V в.), Егише (V в.), Езника Кохбаци (V в.), Абраама Хостованоха (VI в.), Давида Анахта (VI в.), Анания Ширакаци (VII в.), епископа Себеоса (VII в.), Мовсеса Каганкатуаци (VII в.), Степаноса Асохика (X—XI вв.), Товмы Арцруни (X в.), Аристакуса Ластивертци (XI—XII вв.), Матевоса Урхайеци (X—XI вв.), Неизвестного автора XII в., Вардана Аревелци (XIII в.), Степаноса Орбеляна (XIII в.), Вардана Айгекци (XII—XIII вв.), Гетума (XIV в.), Григора Даранахеци (XVI—XVII вв.), Аракела Даравижеци (XVII в.), Закария Акулеци (XVII в.), Хачатура Джугаеци (XVIII в.).

Во второй группе армянских источников Индия и индийцы являются предметом специального исследования. Здесь можно найти ценные, достоверные сведения как по истории экономической и торговой жизни и культуре Индии, так и об армяно-индийских отношениях.

Авторы порой сами являлись очевидцами, а иногда и участниками тех событий, о которых пишут.

Особенно ценны армянские источники по истории Индии, начиная с XVII в., когда в разных уголках Индии основываются армянские поселения.

Из таких работ большую ценность представляет, как уже говорилось выше, «Учебник торговой школы» Констанда Джугаеци, который почти целиком посвящен Индии. Он содержит подробные сведения о торговой и экономической жизни страны в XVI—XVII вв.

В XVII в. в Н. Джуге было основано торговое училище для детей армянских купцов. Наряду с другими предметами там преподавали экономическую географию, торговое дело, взаимоотношение весов, мер и денежных единиц разных стран. Особое внимание уделялось истории Индии. В этом училище и преподавал автор упомянутого учебника. Констанд Джугаеци—большой знаток экономической и торговой жизни Индии. Его учебник в свое время был широко известен. Впервые на него обратил внимание Тер-Ованянц и привел ряд цитат в своей ценнейшей книге «История Н. Джуги»¹. На основе книги Тер-Ованянца об этом учебнике говорили также

¹ Ք. Տեր-Օովանյանց, Պատմութիւն նոր Ջուղայի, հատ. I, էջ 159—160.

проф. Лео² и акад. А. Каринян³. Полного представления о работе Констанда Джугаеци до последнего времени не имелось из-за отсутствия рукописи.

В поисках материалов для настоящей работы нам удалось обнаружить два до сих пор неизвестных рукописных экземпляра этого учебника в Матенадаране им. М. Маштоца⁴.

Учебник был создан в тот период, когда торговая деятельность армянских купцов (ходжа) находилась в зените развития и они имели теснейшие экономические связи со всеми странами Востока и Европы.

Вот наименования тех городов Индии, с которыми армяне вели деловые операции и где имели общины (по учебнику Констанда Джугаеци): Молтан, Лахор, Акбарабад (Агра.—Р. А.), Кашмир, Хайдарабад, Шахзадапур, Доулатабад, Сурат, Кочин, Сирхинд, Шахджаханабад (Дели.—Р. А.), Патна, Джалапур и т. д.

Костанд Джугаеци сообщает подробные сведения о ценах сотен товаров, о взаимоотношениях мер веса и денежных знаков в разных районах Индии, о методах торговли как товарам, так и сырьем. Автором учебника приводятся десятки таблиц цен и весов драгоценных камней и их сопоставление в разных валютах Индии.

Интересно также сжатое описание брахманов (XVII в.)⁵. Автор рукописи и точная дата этого небольшого текста, к сожалению, не известны. Из памятной записки видно, что рукопись, в которую входит этот текст, написана, вернее переписана, в 1663 г. в Константинополе переписчиком Маргаром Змурнеци. По нашему мнению, автор был армянином, который при составлении

² *Ընդ չափական ազատության...*, հատ. II, էջ 201.

³ *Կ. Բ. Կարինյան, Ակնարկներ...*, հատ. I, էջ 202—205.

⁴ См. Рукописи Матенадарана, № 5994 (стр. 1—1206), № 8443 (148а—248в). Текст не опубликован. Нам удалось выяснить, что один экземпляр рукописи Констанда Джугаеци хранится в исфаганском сборнике армянских рукописей. См. *Խ. Արրահամյան, Չափ-հընդհանի կապերի պատմությունը, «Սովետական Հայաստան», ամսագիր, 1956, № 161*. Сверку древнеармянских текстов, перевод на русский язык с комментариями и исследованием мы готовили к печати еще в 1959 г.

⁵ См. Матенадаран, рук. № 3079, стр. 229а, 213б.

текста пользовался также каким-то иностранным источником.

В этом кратком описании автор с большой теплотой говорит об индусах-брахманах как о честных, трудолюбивых, мирных людях, отвергая ложь колонизаторов.

Буржуазная историография, чтобы оправдать захватническую политику своих государств, характеризует колонизаторов как распространителей европейской цивилизации, злобно клеветая на народы Индии, которые представляются чуть ли не дикими, постоянно занятыми междоусобными войнами, убийствами, грабежами.

Вот маленький отрывок из армянского текста, говорящий совершенно противоположное: «Народ брахманов—это люди чистоплотные и честные, они ведут простую и скромную жизнь. Никогда не допускают недозволенное. Они в основном довольствуются дарами природы.

...У них суд и судьи излишни, так как некого и не за что наказывать или призывать к порядку. Весь народ подчиняется общему закону, против которого никто не идет...»⁶.

«Индийцы никогда не одевают панциря, не берут в руки меча и не поднимаются на войну; они любят мирную жизнь. Никогда друг друга не обижают, между собой не дерутся, они никогда не обманывают, не врут, в их словах нет нечестности...»⁷.

Интересные главы посвящены Индии в одной из рукописей XVII—XVIII вв.⁸. Неизвестный автор довольно подробно описывает границы Индии, моря, омывающие ее берега, климат, фауну и флору, а также внешность и антропологические особенности индийцев. «Индусы живут в благоустроенных городах и деревнях,—пишет автор,—они очень толковые, умные и сообразительные люди, отличные знатоки различного ремесла и науки». В рукописи подробно говорится об экономической жизни Индии, перечисляются товары, которые вывозятся из нее. Особое место уделено религии, обычаям и правам ин-

⁶ Там же, стр. 229б.

⁷ Там же, стр. 230а.

⁸ Там же, № 5026, стр. 396—45а.

двйцев. Почти такой же текст сохранился и в других рукописях XVIII в.⁹

В рукописи № 1770 (XVII в.) сохранились краткие сведения об Чинупатане (Мадрасе). Любопытные сведения об Индии можно встретить и в рукописях № 9100 (XVI в.), 9071 (XVI в.), 1721 (XVII в.). В рукописи № 6823, являющейся сборником географических и исторических названий и имен, также содержится ряд интересных сведений об Индии.

Очень интересные армянские рукописи хранятся в Британском музее. Например, сборник документов, состоящий из нескольких сот страниц, касающийся Индии и армяно-индийских взаимоотношений XVII—XVIII вв., написанных в Сурате, Калькутте, Мадрасе, Н. Джуге и т. д. в период 1733—1740 годов¹⁰. По словам составителя каталога Конибера, они написаны на армянском и индийском языках. Любопытна и история появления рукописи в Лондоне. В 1746 г. адмирал Гриффит конфисковал одно армянское судно «как собственность врага». Все имущество, в том числе и рукопись, было отправлено в Лондон. Впоследствии английский суд оправдал поступок адмирала-пирата, и рукопись осталась в Лондоне.

В том же музее хранится и другая рукопись на армянском языке, написанная в 1698 г. в Чинупатане. Последняя глава этой рукописи представляет собою путевые заметки о поездке в Индию и из Индии в Лондон¹¹.

К концу XVIII в. относится работа двух крупных армянских ученых О. Говерана и Г. Инджиджяна «География Индии». Эта ценнейшая работа до сих пор привлекает внимание исследователей. Авторы на основе архивных рукописных и печатных работ богатейших библиотек Ватикана и св. Лазаря создали подробную научную географию Индии¹².

⁹ Там же, № 1787 (70а—73б) и № 1788 (87б—89б). Оба текста не опубликованы. См. Р. Абрамян, Армянские рукописи и архивные документы об Индии и армяно-индийских взаимоотношениях.

¹⁰ Все материалы этой рукописи еще не опубликованы.

¹¹ А. Coniber, A catalogue of the Armentian manuscripts in British museum, London, 1913, pp. 352—353.

¹² Աղակց. Աշխարհագրութիւն... Արիւմ, հաս. IV, մասն II, էջ 87.

Нашествию в Индию шаха Надира посвящены пять обширных глав «Истории Тахмаси Кули-хана» Тамбурчи Кючука Арутина. Автор был участником похода. Свою работу он написал армянскими буквами на турецком языке.

Интересным источником по истории Индии конца XVIII в. является «Жизнеописание Хайдара Али»¹³ индийского армянина Акопа Симоняна, лично знавшего Хайдара Али. Оригинал этой работы утерян. К счастью, она полностью опубликована в мадрасском журнале «Аздарар» в 1794—1795 гг. Во всем мире сохранилось лишь несколько комплектов этого журнала—первенца армянской периодики. В Советском Союзе есть два комплекта, которые хранятся в Матенадаране¹⁴ Еревана.

По сообщениям А. Чамчяна, ценные сведения об экономической и политической жизни Индии XVII—XVIII вв. имеются в одной из рукописей венецианского хранилища армянских рукописей¹⁵. Эту работу выполнил знаменитый политический деятель и ученый Еремия Челеби Кемурджян (XVII—XVIII вв.) по поручению французского посла в Константинополе.

Совсем недавно из Ливана был получен каталог армянских рукописей Галатского (Стамбул) армянского национального матенадарана (рукописи № 60)¹⁶. По описанию киликийского католикоса Бабкена, рукопись является сборником географических текстов. Много места в ней уделено Индии, ее животному и раститель-

¹³ См. Матенадаран, рук. № 2722, стр. 34—39. Перевод Мунеха Хорхорун опубликован в «Сборнике научных материалов Матенадарана» № 1, 1941, стр. 99—128. «История» Кючука Арутина 1800 г. была опубликована на турецком языке в Венеции. Эта работа вышла в двух переводах на французском языке.

¹⁴ См. «Ազգաբար», Մազգրաս, 1794—1795, стр. 245—253, 287—297, 346—354, 414—425, 478—485, 531—541, 595—597, 652—659, 692—695.

¹⁵ См. Рук. № 509 венецианского хранилища армянских рукописей острова Св. Лазара. Работа не опубликована. См. *Բարկեն Կաթողիկոս Կիլիկիոյ, Յուզան ձեռագրաց Ղալաթիոյ ազգային մատենադարանի հայոց Անթիլիաս, Լիբանան, 1961, էջ 282, 286—288, 412, 504, 856, 891, 1148:*

¹⁶ *Բարկեն Կաթողիկոս Կիլիկիոյ, Յուզան ձեռագրաց Ղալաթիոյ ազգային մատենադարանի հայոց Անթիլիաս, Լիբանան, 1961, էջ 282, 286—288, 412, 504, 856, 891, 1148:*

ному миру, климату, ремеслам, торговле и наукам. Отдельные главы посвящены государствам Малабара, Декана, Сурату, Сомнатху, Лахору, Кабулу, Синду и т. д. Рукопись датирована XVII—XVIII вв.

К первой четверти XVIII в. относится «Хронология индийских царей». В ней подробно описывается борьба последних Великих Моголов за власть. В «Хронологии» указаны точные даты восшествия на трон и свержения некоторых правителей Могольской державы. Ту или иную дату автор дает четырьмя летосчислениями, в том числе и индийским. Автор этой рукописи составил также генеалогическую таблицу Великих Моголов.

В конце хронологии имеются даты смерти двух видных представителей Могольской империи—Аурангзеба и Бахадур-шаха.

Об авторе этого текста существуют два мнения: одни считают его Мартиросом ди Аракелом, другие—Степаносом Даштеци. Но кто бы ни был автор, ясно одно: в начале XVIII в. он находился в Индии и на основе своих наблюдений составил хронологию¹⁷.

Немалый интерес представляют путевые заметки таких армянских путешественников, как Ованес Трапезунц¹⁸, Аветис Карбеци¹⁹, Т. Тер-Овнаниянц²⁰ и Ованес Лазарович²¹.

Ценные сведения об Индии и армяно-индийских отношениях содержат сотни архивных документов и памятных записей армянских рукописей, написанных в Индии,

¹⁷ См. Матенадаран, Рук. № 1783, стр. 98а—1006. Ա. Աբրահամյան, Համառոտ բերվող քաջիա ՀՍՄՀ Մատենագրանի Մանր ժամանակագրության ներքին Մատենագրանի դիտ. աշխատության ներքին մոդոլածու, № 1, Երևան, 1940.

¹⁸ См. Матенадаран, рук. № 618, стр. 82а, 86б. Работа не опубликована.

¹⁹ См. Матенадаран, рук. № 2821. Ա. Աբրահամյան, Այ. Կարբեցու պարսկա-հնդկական ուղևորության ներքին (Սովետական Հայաստան, ամսագիր, 1960, № 1):

²⁰ Рукоп. находится в сбор. армянских рукописей в монастыре Аменапкич. Сокращен. текст был опубликован в журн. «Նոր Ազգարար», 1954—1955 թթ.

²¹ См. Сборн. арм. рукоп. острова Санта Лазара (Венеция), опубликов. отдельной книгой; Ստորագրութիւն Կալկաթա քաղաքին, «Կալկաթա», 1840.

не говоря уже о таких изданиях, как «Ազգարար» («Аздарар»), Мадрас (1793—1795); «Շեմհարան» («Штемаран»), Калькутта (1822—1823); «Ազգասեր» («Азгасер»), Калькутта (1845—1848); «Ազգասեր Արարատյան» («Азгасер Араратян»), Калькутта (1848—1852); «Ասումհասեր» («Усумнасер») (1849—1853); «Եղբայրասեր» («Ехбайрасер») (1862—1863); «Ага» «Ара» (на английском языке) (1898—1895); «Կոր Ազգարար» («Кор Аздарар»), Калькутта (1949—1955).

К сожалению, все эти материалы рассеяны по всему миру—в Матенадаране Еревана, в хранилищах армянских рукописей конгрегации мхитаристов-армян в Венеции и Вене, Иерусалимском монастыре св. Якова, Антипасе, в сборниках Берлина, Константинополя, Лондона, Парижа и т. д.

Особенно богато ценными, но еще не изученными рукописями хранилище армянских рукописей Исфагана (монастырь Аменапркич, епархии которого в течение нескольких веков подчинялись армяне Индии и Ирана). Было традицией посылать туда дневники и переписку, документы деловых операций и завещания персидских и индийских армян. Монастырь служил как бы хранителем всяких документов армянских купцов и ремесленников, находящихся на чужбине. Таким образом там была собрана основная часть армянских рукописей, написанных в Индии и соседних странах.

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТОВМАСА ХОДЖАМАЛЯНА И РУКОПИСЬ «ИСТОРИЯ ИНДИИ»

О жизни и деятельности автора «Истории Индии» Товмаса Ходжамалаяна Джугаеци известно очень мало. Он был родом из Новой Джуги¹ и родился примерно в 20-х годах XVIII столетия. Начальное и среднее образование получил в одной из школ Н. Джуги, по всей вероятности, в знаменитой торговой школе для детей армянских купцов и вельмож. Впоследствии, по-видимому за границей, он обучался морскому делу. По утверждению индийского армянина-ученого М. Тахнадяна, мореплаватель и купец Ходжамалаян имел тесные связи с правящей верхушкой Индии.

Т. Ходжамалаян владел древнеармянским, английским, персидским, бенгальским и некоторыми другими языками, прекрасно знал историю Армении и Индии. О таланте и ораторских способностях Т. Ходжамалаяна говорит тот факт, что он в качестве представителя армянских общин в Индии выступал в Лондоне перед английским парламентом против одного из представителей Ост-Индской компании Ванситтарта и благодаря своим блестящим речам и доводам выиграл суд, заставив «нечестного князя» вернуть деньги, похищенные у индийских армян в размере 500 000 дахеканов.

Товмас Ходжамалаян Джугаеци в 1768 г. приступил к работе над рукописью «История Индии» и в том же году закончил ее.

¹ См. Архив Института истории АН Арм. ССР. Архив С. В. Тер-Аветисяна, каталог армянских рукописей монастыря Аменапркич Н. Джуги, лист 1803.

Из сохранившейся памятной записки Т. Ходжамаляна видно, что в основе «Истории» лежали действительные исторические факты, описанные в документах королевского архива Шах Алама, куда ему удалось проникнуть и сделать нужные выписки.

Об этом автор пишет в своей памятной записки: «В 1768 г. 15-го числа месяца дама² в столице Элбаз (Алахабад.—Р. А.) во времена правления Шах Алама, где находился королевский архив, надзирателями которого были мои друзья Раджа Дириан и Раджа Сенд Раф, ценой больших просьб и молитвий я получил у них разрешение войти в архив. Там в течение 12 дней я делал нужные мне записки и переводы на наш язык с персоязычных книг. Работу мою в архиве я кончил 26 числа месяца дама»³.

Говоря о событиях своего времени, автор использует рассказы современников и участников этих событий, а также печатные работы. Лео о нем писал: «Он собрал также материалы по новой истории. Лично объезжая страну, беседовал с очевидцами и осведомленными людьми. На основе этих материалов он написал историю новых времен до своих дней. История эта кратка, но насыщена фактами»⁴.

Т. Ходжамалян во время работы над своей книгой пользовался также морскими картами и атласами. Этим только можно объяснить, что указанное Т. Ходжамаляном местонахождение того или иного города, особенно морского порта (широта, долгота, градус), почти точно совпадают с морскими картами.

По сообщению М. Сетяна, Товмас Ходжамалян скончался в 1780 г. в Агре и был похоронен в Дели, на старом армянском кладбище. Его могилу с надгробным

² В 1616 г. Азарией Джугаеци был создан новый армянский календарь, но он не получил широкого признания в Армении. Им пользовались лишь армяне Персии и Индии. По календарю Азария Джугаеци 15 числа месяца дама соответствует 22 ноября. См. *Գրոհ. Ա. Ք. Արշակունի, Հայ գրի և գրչոյ թիւն պատմութիւն, Երևան, 1959, էջ 270—274.*

³ Архив Института истории АН Арм. ССР. Архив С. В. Тер-Аветисяна. Каталог армянских рукописей монастыря Аменапркич Н. Джуги, л. 1803.

⁴ *Ան. Հայոց պատմութիւն, հատ. III, էջ 1045.*

памятником с надписью на армянском языке можно увидеть и сегодня⁵. По утверждению того же М. Сетяна, памятник на могиле Т. Ходжамалаяна был воздвигнут его помощником индусом Чихру⁶.

Оригинал рукописи «История Индии», к сожалению, не дошел до нас. До последнего времени существовало мнение, что вообще полный текст «Истории» пропал для науки. Наши поиски показали, что один переписанный экземпляр «Истории Индии» сохранился и находится в исфаганской коллекции армянских рукописей (рукопись № 240, шкаф 14, размер 20 x 15 см, лист 1а, 1026. Вид письма—«шахир», бумага—китайская. Переписчик—Габриел Тер-Андрисян. Место—Агра и Лакнау. Время—1821 г., 21 августа)⁷.

Из памятной записи переписчика видно, что оригинал рукописи еще в 1821 г. хранился у жителя города Агры Цатура Арутюняна из Джуги. В том году представитель Эчмиадзинского синода архиепископ Погос Нахиджеванци по пути в Главнор во время остановки в Агре взял рукопись у Цатура Арутюняна и отдал ее переписать.

Уже с полнившимся, изъеденного молью и неразборчивого оригинала некий Габриел Тер-Андрисян с трудом переписал «Историю Индии» и подарил ее Погосу Нахиджеванци. О своей работе переписчик пишет: «Я считал своим долгом по мере сил переписать рукопись... Действительно, в новые времена нет подобной краткой работы, где бы говорилось о всей Индии и о приезде (европейцев.—Р. А.), о распространении христианства и т. д.»⁸.

В 1822 г. Погос Нахиджеванци переписанный экземпляр «Истории Индии» передал в Калькутте одному из известных общественных деятелей армянской общины в

⁵ См. М. J. Seth, *Armenians in India...*, p. 127.

⁶ Там же.

⁷ См. Архив Института истории АН Арм. ССР. Фонд С. В. Тер-Аветисяна. Каталог армянских рукописей монастыря Аменапркич Н. Джуги, л. 1803—1804.

⁸ Там же.

Индии, редактору армянского журнала «Շտեմարան» Мартirosу Мкртчяну для опубликования⁹.

В том же году после изучения рукописи «Истории Индии» редактор «Штемарана» опубликовал в своем журнале статью о жизни и деятельности Ходжамалияна в надежде найти мецената, который взял бы на себя расходы по публикации «Истории Индии».

М. Мкртчян считал, что рукопись Ходжамалияна представляет большой интерес не столько как источник по истории Индии, сколько как работа, освещающая жизнь армянской общины в этой стране. Между тем английские авторы в своих работах по истории Индии, как правило, обходят историю индийских армян, особенно их участие в антинглийском движении. В качестве примера Мкртчян ссылается на Горгина-хана—армянского военачальника, ближайшего соратника и командующего войск Мир Касима, наваба Бенгалии¹⁰.

Никто из меценатов не изъявил желания издать рукопись, и Мкртчяну пришлось готовить текст для публикации в журнале. Сначала он с грабара (древнеармянского) перевел на ашхарабар (новоармянский) приложение «Истории», посвященное приемному сыну Акбара армянину Зу-л-Карнаину.

Редактор «Штемарана», будучи священником, в первую очередь опубликовал те главы из «Истории», которые относятся к религии: «О христианстве Малабара

⁹ «Շտեմարան». Ежегод. журнал. Печатался в 1922—1923 гг. в Калькутте. Об этом журн. до последнего времени, кроме названия, ничего не было известно. В 1955 г. акад. А. Кариняну удалось в отд. редких книг Армгосбиблиотеки им. Мясникяна обнаружить один экз. «Штемарана». А. Каринян дал подробное описание и ценный анализ его статей. См. Ս. Չարիբեյան, *Իրված աշխ.*, հատ. 1, էջ 228—255.

¹⁰ Между прочим, Мкртчян, говоря об «Истории Индии», сообщает следующие любопытные сведения: «Года три тому назад у г-на Ованеса Петросяна я увидел работу, подобную этой. Ее послал ему г-н Давид Шафрация для опубликования. Не сумев это сделать, О. Петросян рукопись вернул хозяину. К сожалению, в точности не могу передать ее содержание, т. к. я ее только просмотрел. Помню, что она содержит «Историю Индии». В ней говорилось об алфавите Индии, толковалась индийская мифология. По всей вероятности, это была другая работа, другого автора.

(с древних времен до 1750 г.)»¹¹, «Об армянах и сирийских общинах в Кочинне»¹².

В этих главах Ходжамалиян довольно подробно повествует о христианских общинах, начиная с древнейших времен и кончая второй половиной XVIII века, описывает почти все большие христианские храмы на Малабарском побережье, в Бенгалии, Дакке, Сернигапатаме и других местах; кратко сообщает о важнейших событиях в жизни армянских общин, их взаимоотношениях, противоречиях и т. д.

Остальные две главы («О религии Индии»¹³ и «О 12 священных реках и 24 озерах»¹⁴) целиком посвящены религии Индии. Целью этих глав, как пишет Ходжамалиян, является «осведомлять своих читателей-армян о вере народа, среди которого они живут». В этих главах описаны индусские храмы, ритуальные обряды и т. д.

К каждой опубликованной главе Мкртчян дает ценные комментарии, но, к сожалению, «Штемаран» из-за недостатка средств с конца 1822 г. перестал издаваться, и «История Индии» была на время предана забвению.

Впоследствии рукопись «Истории Индии» Ходжамалияна попадает в руки знаменитого публициста, демократа-просветителя, большого друга индийского народа Месровба Тахиадяна, который в 1845—1848 гг. издавал в Калькутте журнал «Азгасер» («Патриот»), а в 1848—1852 гг.—«Азгасер Араратян» («Азгасер Араратян»).

Более 20 лет (1823—1845) Тахиадян изучал рукопись, сравнивал с английскими и местными источниками и исследованиями, редактировал ее и полностью подготовил к печати.

В процессе подготовки рукописи к печати в нее были внесены редакционные изменения, не всегда, однако, удачные. Профессор Лео по этому поводу пишет, что переписанный текст «Истории» издателем Тахиадяном был подвергнут частичной редакционной правке. Таким образом, нельзя сказать, что до нас дошел подлинник

¹¹ См. «Տոմարան», Կալկաթա, 1822, էջ 658—685.

¹² См. там же, стр. 833—835.

¹³ См. там же, стр. 878—884.

¹⁴ См. там же, стр. 884—887.

Т. Ходжамалаяна. Поэтому мы не можем с полной ясностью представить себе литературные способности автора труда¹⁵.

После неудачных попыток опубликовать рукопись отдельной книгой, Тахнадян, в надежде все-таки найти мецената, напечатал в № 8 журнала «Азгасер» за 1845 год «Приложение к «Истории»¹⁶ с ценными комментариями и объяснениями. Видный публицист долго ждал, что появится наконец меценат, но он так и не появился. Поэтому в 1849 г. Тахнадян приступил к периодической публикации отдельных отрывков из второй части «Истории Индии» в журнале «Азгасер» (начиная с № 6)¹⁷.

В журнале «Азгасер Араратян» (№ 31 от 21 августа 1849 г.) мы читаем следующее объявление: «Новая книга Товмаса Ходжамалаяна «История Индии» оформлена и издана типографией «Азгасер Араратян».

Действительно, М. Тахнадян считал более целесообразным издать «Историю» отдельной книгой. Но, к сожалению, из-за отсутствия средств ему удалось опубликовать только вторую часть.

Он остановил свой выбор на второй части «Истории Индии», так как она содержит довольно интересные и малоизвестные сведения об армянах в Индии.

В предисловии к «Истории Индии» М. Тахнадян, так же как и М. Мкртчян, критикует английскую историю за фальсификацию фактов. «Я,—пишет Тахнадян,—не только читал английские книги об Индии, но и исследовал их источники. И чем подробнее исследовал, тем мне становилось яснее, что англичане умышленно умалчивают о славных делах армян в Индии».

«История Индии» была издана очень маленьким тиражом и сейчас является библиографической редкостью. В СССР есть лишь два экземпляра этой работы. Они хранятся в фондах редких книг библиотеки им. Ал.

¹⁵ См. Հն. Հայոց պատմութիւն, հտտ. III, էջ 1014—1015.

¹⁶ М. Тахнадян этот текст перепечатал не с рукописи, а из «Штемарана». Сравнение двух текстов не оставляет в этом никакого сомнения.

¹⁷ См. «Աղբաօր», 1849, էջ 72—74, 102—104, 119—120, 127—128, 135—136, 175—176.

Мисникяна и Матенадараа. По утверждению ректора армянской академии (колледжа) в Калькутте г-на В. Полатяна, там имеется лишь один экземпляр этой работы. Таким образом, в нашем распоряжении имелась только вторая часть «Истории Индии», которая, естественно, не могла дать полного представления о работе Товмаса Ходжамаяна Джугаеци.

Поэтому необходимо было найти первую, неопубликованную часть «Истории». Наша работа в этом направлении увенчалась частичным успехом.

О первой части «Истории Индии» до последнего времени были отрывочные сведения. По краткому описанию М. Тахиадяна, первая часть «Истории Индии» Т. Ходжамаяна содержит хронологию индийских царей, начиная от Фируза-шаха до Али Гоухара (Шаха Алама)¹⁸, описание территории Индии, ее столиц, 12 священных рек, праздников, сведения о языках Индии, а также христиан Малабарского побережья и пастырства армянской церкви.

Более подробное описание, о котором мы говорили, сохранилось в журнале «Штемаран», по которому первая часть «Истории Индии» содержит сведения о мерах и весах Индии, о названии 22 суба (областей), где берут пошлины, называемые у автора «примат», о расстояниях между 22 суба Индии, о размере податей и ежегодной прибыли королевской казны, о подушной подати, называемой «джизия», о территории индийских областей, о названиях индийских племен, о том, какие народности живут и на каком языке говорят в 22 областях, управляемых визиром, о 12 священных реках и 2 священных озерах, называемых «джил», и о христианах Малабарского побережья¹⁹.

Политической жизни страны Ходжамаян целиком посвятил вторую часть своей работы. И не случайно, что в первой части «Истории Индии» лишь в виде краткой хронологии дана политическая карта Индии до завоевания ее англичанами.

¹⁸ См. Ք. Խորանալիանի. Պատմութիւն Հնդկաստ, մասն II, Կալ-կաթն, 1848:

¹⁹ См. «Շեմեարան», էջ 383—385:

Во время работы над «Историей Индии» наше внимание привлекла небольшая хронология, напечатанная в № 55 журнала «Азгасер» за 1846 год, начинающаяся со времени Фируза-шаха, т. е. когда в Армении (имеется в виду Киликийская Армения) правил князь из династии Рубинянов.

Ходжамалиян свою хронологию также начинает с Фируза-шаха, «с времен, когда в Армении (имеется в виду также Киликийская Армения.—Р. А.) правил князь Ошин из династии Рубинянов».

В истории Индии известен ряд правителей по имени Фируз. Здесь речь идет о Фирузе из династии Туглаков (1351—1388). «Хронология» обрывается на Ала-уд-ди Ахмеди (у Ходжамалияна—Алади) из династии Бохматов. Правда, автор в своей хронологии не только сообщает годы царствования того или иного правителя Индии, но упоминает и о больших политических и других событиях в жизни Индии, характеризует ее правителей и т. д.

Исследование этой хронологии показало, что она является первой частью обширной «Хронологии». Одним из верных доказательств этому является описание 1-й части «Истории Индии» Тахиадяна, согласно которой она начинается с хронологии индийских царей тюркского происхождения—с Фируза-шаха. Правда, в журнале не говорится ничего об авторе «Хронологии», но сравнение с текстом «Истории» не оставляет никакого сомнения, что ее автором является Ходжамалиян. В «Азгасере» вообще никогда не упоминалось имя Ходжамалияна, даже во время публикации отрывков из его работы.

В № 8 журнала «Азгасер» за 1845 г. к опубликованному разделу «Истории Индии», как уже говорилось, даны ценные комментарии и объяснения. Чтобы уточнить восшествие Акбара на престол, журнал приводит отрывок из «Хронологии», который начинается с Бабура и кончается Акбаром. Даже после беглого сравнения этого отрывка с тем, что напечатано в № 55 журнала за 1846 год, не остается сомнения, что они—отдельные части одной и той же работы.

Если приведенные факты убедительны, то получа-

ется, что в наших руках имеется еще одна неизвестная глава из первой части «Истории Индии».

К сожалению, эти главы не представляют собой особой ценности и не характеризуют всю первую часть работы. Но все таки, как уже говорилось, сравнение двух описаний первой части и четырех известных нам глав дает более ясное представление о первой части «Истории Индии».

Безусловно ценным в первой части является тот раздел, в котором говорится о податной системе Индии, о которой до сих пор имеется недостаточно ясное представление, а также глава «о мерах и весах» Индии и т. д.

Мы не считаем нужным помещать в работе обнаруженные главы из первой части, так как содержание четырех из них имеет чисто религиозный характер, а «Хронология» не дает ничего нового.

«ИСТОРИЯ ИНДИИ» О ВОССТАНИИ СИРАДЖ-УД-ДОУЛА В БЕНГАЛИИ

Вторая часть «Истории Индии» Товмаса Ходжамаляна начинается со вступительной главы «О том, когда и каким образом европейцы стали проникать в Индию» Автор, по-видимому, имея под рукой опубликованные работы и факты, целиком посвящает эту главу открытию морского пути в Индию Васко де Гамой, строительству первых торговых факторий на индийском побережье как опорных пунктов для дальнейшего проникновения в глубь страны и первым столкновениям с европейскими колонизаторами за овладение Индией.

Последующие две главы «Истории Индии» автор посвятил англо-французскому соперничеству в Южной Индии — в Дакане и Карнатике. Довольно подробно, на основе старых и новых фактов, он дает описание событий в Карнатике.

По-видимому, с историей Южной Индии Ходжамалян не был знаком так же хорошо, как с историей Бенгалии. Автор иногда путает данные, даты, имена.

В последующих главах Т. Ходжамалян на основе нового богатого фактами материала подробно описыва-

ет историю Бенгалии, начиная с правления Наваба Муршид-Кули-хана. Автор характеризует Муршид Кули-хана как умного, делового и храброго правителя, восхваляет его стремление создать независимое государство в составе Бенгалии, Бихара и Ориссы, повествует о строительстве новой столицы Муршидабада.

Специальное место автор отводит событиям в Бенгалии, происшедшим в 1756—1760 гг., т. е. в период навабства Сирадж-уд-доула.

По этому периоду истории Бенгалии английской историографией написаны сотни работ, опубликованы десятки источников, воспоминания и т. д. К сожалению, среди этой огромной литературы трудно найти более или менее объективную работу. Исторические факты так искажены и фальсифицированы английской буржуазной историографией, что сейчас даже в Индии историки часто, оказываясь в безвыходном положении, повторяют англичан (индийских источников по этому периоду, к сожалению, до сих пор не обнаружено).

Большую ценность для интересующего нас вопроса представляют работы советских ученых—доктора-профессора Е. Я. Люстерник и доктора наук К. А. Антоновой. Е. Я. Люстерник в интересной работе «Из истории захвата Бенгалии англичанами»¹ в основном опиралась на европейские источники. Она говорит об одном из первых антибританских выступлений во главе с навабом Бенгалии Сирадж-уд-доулом; здесь подробно исследована история подготовки и захвата Бенгалии в 1757 г. К. А. Антонова в книге «Английское завоевание Индии в XVIII веке»² освещает социально-экономическое положение Бенгалии и Майсора накануне английского завоевания, на основе множества фактов показывает хищную колониальную политику английских завоевателей в конце XVIII века, а также детально описывает все события этого периода в Бенгалии и Майсоре. Основные выводы

¹ См. Е. Я. Люстерник, Из истории захвата Бенгалии англичанами. Ученые записки Ленингр. пед инст. им. Герцена, т. 62 (кафедра Новой истории), Л., 1948.

² См. К. А. Антонова, Английские завоевания Индии в XVIII веке, М., 1958; «Новая история Индии», М., 1961.

ды и оценки этой работы впоследствии вошли в коллективный труд «Новая история Индии»³.

К навабу Сирадж-уд-доулу армянский автор относится недружелюбно, тенденциозно, называя его «человеком крутого характера, большим женолюбом и развратником» и т. д. Причину такого отношения Ходжамаляна к навабу, по всей вероятности, надо объяснить тем, что он был связан с бенгальской верхушкой, против которой боролся Сирадж.

Согласно Т. Ходжамаляну, Аллахварди-хан оставил завещание, по которому его должен был сменить внук (со стороны дочери) Илидж-хан, т. е. старший двоюродный брат Сираджа. Пользуясь отсутствием брата, Сирадж-уд-доул объявил себя навабом. Поспешивший в столицу Илидж во время столкновения с войском брата был убит. Совсем еще молодой наваб не смог бы стать на престол без активной поддержки определенной группировки феодальной верхушки Бенгалии. Его, по-видимому, поддерживала антибританская группировка бенгальских феодалов.

Из армянского источника видно, что, встав на престол, молодой и энергичный наваб сразу же взял в свои руки правление страной и установил строгий контроль над всем государственным аппаратом.

В первую очередь он занялся финансовым аппаратом. И тут столкнулся с крупнейшим банкиром и купцом Джагат Сетхом, который еще при Аллахварди-хане собирал подати и налоги в стране, выдавал жалованье войскам. Сирадж в первые же дни правления потребовал от него подробного отчета и учредил строгий контроль за казной.

Джагат Сетх и другие представители феодальной верхушки Бенгалии, связанные с Ост-Индской компанией, были недовольны молодым навабом и стремились его сменить. Они, по словам Ходжамаляна, в душе своей «готовили яд для укуса» и уничтожения раджи.

Сохранились документы, подтверждающие слова армянского историка. В них говорится, что англичане заключили союз с представителями феодальной верхуш-

³ См. «Новая история Индии», М., 1962, стр. 91—102.

ки Бенгалии с целью убийства Сираджа и возведения на престол другого наваба.

Известно, что недовольные элементы бежали от Сирадж-уд-доула и получили покровительство у англичан в Калькутте. Товмас Ходжамальян указывает, что среди изменников, бежавших к англичанам, был Раджбаллабх, начальник канцелярии Сирадж-уд-доула, которого будто бы Сирадж «из-за незначительной нехватки в казне хотел убить». Ходжамальян, однако, сообщает не все. На самом деле перебежчиком был не Раджбаллабх, а его сын Кришна Даст⁴. Они оба были советниками Гасити Бегум—организатора заговора против наваба. Как отец, так и сын активно поддерживали восставшего против Сираджа Шакуат Джанга. Кроме всего этого, Кришна Дас, будучи управляющим Дакки, захватил с собой 20 млн. рупий государственных денег⁵. Другой армянский источник также подтверждает, что перебежчик был изменником и заговорщиком, поэтому наваб хотел наказать предателя, но тот бежал к англичанам⁶.

Как известно, на письменное предложение наваба вернуть Раджбаллабха и других беженцев-изменников англичане ответили отказом, хотя письма наваба были весьма корректны. Ходжамальян объяснил этот отказ «гуманностью» законов христианских королей, которые не возвращают людей, приговоренных к смертной казни и перебежавших под их защиту.

Получив отрицательный ответ на свои письма, Сирадж начал вести переговоры с Компанией. Все переговоры с англичанами Сирадж вел через своего приятеля, одного из крупнейших банкиров и торговцев Бенгалии армянина Ходжа Вазида. Ходжа Вазид при Сирадже был банкиром Бенгальского двора⁷. «Банкир Двора» имел большие политические полномочия, он был эмис-

⁴ См. В. К. Gypta, *Strajuddaullah and East India Company...*, p. 48.

⁵ См. Hunter William, *A statistical Account of Bengal*, vol. V, p. 123.

⁶ См. Գ. Ազոնց, *Աշխարհագրութիւն չորինց մասանց աշխարհի, Արիա, հատ. IV, մասն II, էջ 63*.

⁷ См. В.К. Gypta, *Strajuddaullah and the East India Company...*, p. 52.

саром наваба. Вазид активно участвовал в обсуждении всех важнейших вопросов, касающихся жизни Бенгалии. Он стоял за то, чтобы наваб противопоставил Англии твердую политику и поставил англичан в определенные рамки⁸. Вазид четыре раза ездил в Калькутту и вел переговоры с Дрейком—губернатором Форта-Вильяма. Через своего посла наваб передавал англичанам: «Я полон решимости ограничить их действия и если англичане намерены остаться в моей стране, они должны иметь в виду, что должны выполнять мои требования. В противном случае я их выгоню из моих провинций»⁹.

Ходжамалияну не мог не быть известен чересчур грубый и бестактный ответ англичан, однако он об этом умышленно умалчивает.

Окончательный отказ вернуть беженцев послужил поводом для того, чтобы уже готовую армию наваба направить против английских колонизаторов. В армию наваба, по свидетельству Додвелла, входили также «народные ополченцы армян»¹⁰. Бенгальская армия почти без затруднений заняла Касимбазар и двинулась на Калькутту.

Английская буржуазная историография всячески пыталась представить, что это антибританское выступление не имело политического характера, а было вызвано просто желанием индийцев ограбить богатых купцов. Винсент Смит пишет: «Молодой наваб стремился захватить богатства иностранных купцов, которых, по слухам, было значительно больше, чем в действительности»¹¹. Т. Б. Маколей считает антибританское выступление наваба результатом ненависти Сираджа к англичанам¹².

На самом деле, причины были более глубокими. Они ясно выражены в письме Сирадж-уд-доула к своему приятелю армянину Ходжа Вазиду. По утверждению современников, Ходжа Вазид был одним из крупных тор-

⁸ См. там же, стр. 53.

⁹ Там же.

¹⁰ H. Dodwell, *The Cambridge history of India*, vol. V, (*British India*), Cambridge, 1929, p. 149.

¹¹ V. Smith, *The Oxford history of India*, vol. II, Oxford, 1958.

¹² Цит. по ук. ст. Е. Я. Люстерник, стр. 178.

говцев и влиятельным лицом в Бенгалии XVIII в., особенно близким человеком Аллахарди-хану, от которого получил монопольное право на торговлю солью. Впоследствии Вазид хотел получить и монополию на соляные промыслы на территориях, захваченных англичанами. Ходжа Вазид накопил огромное состояние. Его еженедельная прибыль исчислялась в 1000 рупий. По какому-то случаю он дал навабу 15 лакхов рупий¹³.

Сирадж-уд-доул писал Вазиду: «Есть три причины, побуждающие меня искоренить из моей страны англичан: 1. Они соорудили сильные укрепления и вырыли большие рвы во владении правителя вопреки установленным в стране законам. 2. Они злоупотребляют привилегиями достатков, передавая их тем, кому не дано право на них, вследствие чего доходы правителя от таможенных пошлин сильно уменьшились. 3. Они покровительствуют тем подданным правителя, которых надлежало бы привлечь к ответственности. Вместо того чтобы выдать их по его требованию, они разрешают таким лицам укрываться в своих владениях». Наваб был глубоко убежден, что именно англичане как в политическом, так и в экономическом отношении являются его злейшими врагами и хотел навсегда избавиться от них.

Ходжамалаян пишет, что англичане, узнав о занятии индийскими войсками Касимбазара, послали к Сираджу «миролюбивого человека» (по-видимому, автор имеет в виду Уотса), чтобы помириться с навабом, но у того ничего не вышло. Ходжамалаяну, видимо, не было известно, что Сирадж сам был заинтересован в мире, но с условием, что англичане выполнят его ультиматум: «1. В течение 15 дней сравнять с землей новые укрепления. 2. Выдать всех беженцев, которые нашли убежище у англичан. 3. Прекратить торговлю достатками»¹⁴.

Как известно, англичане вынуждены были принять ультиматум, но через своих влиятельных людей в Бен-

¹³ См. R. Orme, A history of military transactions of the British nation in Indostan, from the year 1778. Цит. по указ. раб. Е. Я. Лютерник, стр. 173.

¹⁴ Там же.

галли старались уговорить наваба не идти на Калькутту. На деле же они хотели оттянуть время, чтобы подготовиться к сопротивлению.

Как известно, многие авторы по-разному определяют численность войск и жителей Калькутты. В основном эти цифры не превышают 200. Согласно армянскому источнику, солдат гарнизона и жителей-англичан в Калькутте насчитывалось около 450 человек, в то время там жило также 150 армян. Кроме армян, там находились купцы-греки, сирийцы, португальцы и др. Данные армянского источника о численности жителей Калькутты мы считаем наиболее достоверными.

Как пишет Ходжамалия, часть малочисленного гарнизона англичан, вместе с купцами-англичанами, потеряв всякую надежду на помощь, ночью открыла тайные ворота форта и уплыла на юг. По-видимому, индийцы заметили это, но не стали преследовать и дали им возможность уйти. Англичане-беженцы высадились на маленьком острове Фальта. Остальная часть гарнизона, естественно, не смогла оказать сопротивление, и войска Бенгалии штурмом взяли Калькутту.

Сирадж, по рассказу англичанина Холуэлла, служившего в Ост-Индской компании, приказал все 146 человек запереть в помещении площадью в 20 кв. м. с одним маленьким окном. На следующее утро в живых остались 23 человека. Это и была «калькуттская черная яма», вокруг которой и до сих пор столько шумят английские ханжи¹⁵.

Почти все буржуазные историки, пишущие о событиях в Бенгалии в 1757 г., подвергают грубой фальсификации историческую действительность и представляют факты так, будто англичане, эти «мирные торговцы», стали невинными жертвами кровожадного хищника Сираджа и индийцев¹⁶.

Ряд индийских и других прогрессивных ученых в свое время старались опровергнуть фальсификацию

¹⁵ См. указ. работу Е. Я. Люстерник, стр. 173—174.

¹⁶ Talbaus Wheelles, A history of India, London, 1880, p. 271; R. W. Franzer, British India, London, 1917, pp. 92—93; Dodwell, The Cambridge history of India, London, vol. V, p. 144.

Холуэлла. В 1915 году в журнале исторического общества Бенгалии проф. В. Литл опубликовал сообщение, в котором критиковал Холуэлла и его рассказ о «черной яме», считая его ложью¹⁷. Это сообщение было обсуждено 24 марта 1916 года на заседании общества бенгальских историков. Кумар Митра¹⁸, Ф. Дж. Монахан, Е. Оатен и другие поддержали мнение Литла¹⁹.

Английская буржуазная историография стремилась опровергнуть сообщение Литла. Додвелл²⁰, например, заявил, что Холуэлл сообщал правду и Литл напрасно оправдывает наваба и индийцев.

Главу в своей книге «Армяне и «калькуттская черная яма» посвятил этому событию армянский ученый Месровб Сетян. В своем выводе он пишет: трагедия действительно имела место, но Холуэлл все же сгустил краски²¹.

Если верить армянским источникам, а мы не имеем никакого основания не верить им, они дают нам возможность, опираясь на документальные сообщения очевидцев и современников, окончательно отрицать умышленную фальсификацию англичанами истории «черной ямы». Согласно «Истории Индии» Сирадж-уд-доул в Калькутте оставался 25 дней, переименовал город в Алангар, назначил губернатором города раджу Моник Чанда, а сам возвратился в столицу. «Бенгалия,—замечает К. Маркс,—была теперь полностью и весьма радикально очищена от английских незваных гостей»²².

Далее армянский источник впервые сообщает интересные факты, еще раз опровергающие сообщения английских историков о «зверстве» наваба и индийцев.

¹⁷ См. J. H. Little, *The Black Hole: Question of Holwells veracity „Bengal Past and Present“*, XI Calcutta, 1915, pp. 75—104; *The Black Hole Debate*.— „Bengal Past and Present“ XII, 1916, pp. 136—149.

¹⁸ См. Aschary Kumar Mitra, *The Black Hole Debate*.— „Bengal Past and Present“ XI, 1915, pp. 156—171.

¹⁹ См. M. J. Seth, *Armenians in India...*, pp. 471—480.

²⁰ См. Dodwell, *The Cambridge history of India*, vol. V. p. 156.

²¹ См. M. J. Seth, *Armenians in India...*, p. 477—480.

²² К. Маркс, *Хронологические выписки...*, стр. 69.

Уезжая из Калькутты, наваб взял с собой попавших в плен жен служащих английской администрации, в том числе и жену самого Холуэлла—Бэби Джонсон. В столице он всех женщин отпустил, нисколько не обидев их. Ходжамалиян старается это приписать вмешательству армяниня Петроса Тер-Никогосяна, друга Аллахвардихана, имевшего особое положение при Бенгальском дворе. Возможно, что Ага Петрос действительно сыграл какую-то роль, но само собой разумеется, если бы наваб был таким, каким его описывают англичане, никакие старания и подарки не помогли бы освободить из плена этих женщин и не дали бы возможности англичанам уплыть из окруженного форта.

Далее Ходжамалиян сообщает о прибытии в Бенгалию английского военного флота. По его утверждению, в состав военной экспедиции входило восемь кораблей, прибывших из Бомбея, и три из Мадраса. Наряду с командующим Р. Клейвом и адмиралом Уотсоном он упоминает еще имя адмирала Покока. Общую численность английских солдат Ходжамалиян определяет в 3500 человек (300 сипаев и 500 англичан, считая и солдат-беженцев, находящихся на острове Фельта).

Индийские ученые Н. К. Синха и А. Ч. Банерджи также подвергают сомнению рассказ Холуэлла. Они считают, что сохранившаяся комната, служившая тюрьмой, не могла вместить 146 человек, и полагают, что Холуэлл приписывает к числу погибших в «черной яме» всех тех, кто погиб во время обороны города²³.

О «черной яме», как о сильно раздутом сообщении, говорили многие ученые. Но конкретных версий, полностью отрицающих преувеличенное сообщение Холуэлла, до сих пор нет. Ходжамалиян, современник, а может быть, и очевидец этих событий, не отрицает, что войскам наваба пленные англичане были посажены в узкую камеру, но погибшими он называет всего 15 человек. Отрицательное отношение к навабу Спрадж-уд-доулу дает право предполагать, что Ходжамалиян в данном случае не стал бы уменьшать число погибших и сообщает пра-

²³ См. Н. К. Синха и А. Ч. Банерджи, История Индии, М., 1956, стр. 306.

вильную цифру. Число погибших в «черной яме» в другой работе Ходжамалия называется 14 человек²⁴.

Сохранился другой интересный армянский источник, также доказывающий, что Холуэлл преувеличил факты. Это письмо богатого купца-армянина Эмина своему сыну Иосифу Эмину в Лондон в 1767 году. «Безправственный Сирадж-уд-доул,—пишет он,—со всей большой армией приехал в Калькутту. В городе был нарушен порядок. Только я имею ущерб в 16 000 рупий. В *Blas holle* он уничтожил 40 англичан»²⁵.

Купец, имевший тесные экономические связи с Ост-Индской компанией, потерявший 16 000 рупий, естественно, не мог говорить о своем враге, не преувеличивая факты. Даже и в таком случае, как видим, число жертв названо далеко не 131 человек.

М. Сетян в своей книге приводит подробное описание памятника, воздвигнутого англичанами в честь погибших англичан в «черной яме». Удивительно—по его утверждению, на обелиске памятника были написаны фамилии лишь 27 человек²⁶.

Ходжамалия, Эмин и даже современники-англичане ни слова не говорят о том, что армяне или представители других наций также подвергались преследованиям и гонениям или были брошены в «черную яму». Ведь их там было почти половина населения. Это объясняется тем, что «...в глазах наваба миролюбивые армяне не считались врагами»²⁷. Чтобы больше очернить наваба и индийцев и посеять вражду между армянами и индусами, английская буржуазная историография гораздо позже начала необоснованно говорить о том, что «армяне разделили судьбу англичан в «черной яме»²⁸.

Первый удар англичане нанесли по крепости Баджи-Баджи. Крепость защищал гарнизон Сирадж-уд-доула

²⁴ См. *Khodjamall Thomas, Indostan, Allahabad, 1764 p. Cm. Strajuddaullah and East India Company...*, p. 72.

²⁵ *Emin Josep Emin, Life and adventures of Emin Josep Emin Written by Himselt, London, 1792, p. 119.*

²⁶ См. *M. J. Seth, Armenians in India...*, p. 474—479.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

численностью в 2000 человек. Для защиты крепости недалеко от Баджи-Баджи стояла также 2-тысячная конница раджи Маника Чанды. Англичанам не удалось взять Баджи-Баджи сразу же после первой бомбардировки и атаки. Они были отброшены защитниками крепости. После неудачи англичане попытались начать переговоры с индийцами, но это не увенчалось успехом. «Оказавшись в безвыходном положении», они прибегли к коварному и нечестному средству. Им удалось подкупить Маника Чанду. Во время одной из атак англичан конница изменника оставила поле боя. Защитники, не подозревая о предательстве, продолжали сражаться еще четыре дня. На пятый день, узнав об измене, они ослабили защиту. Пользуясь этим, англичанам удалось после ночной атаки занять крепость, а затем Калькутту и Хугли. Ограбив и предав огню город (Хугли.—Р. А.), англичане возвратились в Калькутту. Товмас Ходжамалиян имеет в виду ограбление и поджог правительственных амбаров и складов недалеко от Хугли.

Далее Ходжамалиян кратко сообщает о столкновении войск Сирадж-уд-доула с англичанами в Бахабазаре, вернее, об известном рейде английских войск в лагерь наваба, в котором, по словам Ходжамалияна, участвовали 1200 английских солдат, а не маленькая группа, как умышленно, восхваляя Клайва и своих соотечественников, утверждают некоторые английские историки. Эта операция англичанам стоила дорого—они потеряли 57 человек убитыми и 117 ранеными.

Наваб под давлением феодальной верхушки вынужден был 9 февраля 1757 г. заключить с англичанами тяжелый договор, который впоследствии получил название Аллинагарского договора²⁹. По одному из пунктов договора наваб должен был заплатить компенсацию за потери англичан в Калькутте. Известно также, что 4 марта 1757 года адмирал Уотсон в письме к Сирадж-уд-доуле потребовал в течение 10 дней выполнить все пункты договора. Он угрожал: «...Я зажгу такой пожар в вашей

²⁹ Об этом и вообще о правлении Сирадж-уд-доула подробно см. В. К. Гупта, Sirajuddaulah and East India Company 1756—1757 background to the Foundation of British Power in India. Nalington, 1962.

стране, что все воды Ганга не в состоянии будут его потушить»³⁰. По-видимому, это провокационное письмо не подействовало на наваба. Поэтому решением Калькутского совета в Муршидабад были отправлены адмирал Уотсон и Ага Петрос Арутюнян. Из «Истории Индии» видно, что наваб не хотел выполнять взятые им на себя обязательства даже после того, как представители Калькутты адмирал Уотсон и Ага Петрос прибыли в Муршидабад. По-видимому, наваб всячески хотел выиграть время, пока получит от французов ответ на свое письмо, в котором он предлагал французам: «Давайте объединимся и начнем войну против англичан». Этого как раз и боялись англичане. Они могли оказаться в плачевном состоянии, если бы французы присоединились к навабу. Но французы отнеслись к этому предложению беспечно. Англичане «в знак благодарности», как мы уже говорили, атаковали и взяли французскую крепость Шандернагор, ограбили, предали огню и вернулись в Калькутту. Узнав об отказе французов войти в союз с навабом, Клайв и Уотсон ускорили события. Этому содействовало прибытие в Калькутту свежих военных сил из Бомбея. Обе стороны лихорадочно готовились к решающей встрече. Как всегда, военной подготовке сопутствовали подкупы людей в стане врага.

В «Истории Индии» подробно говорится, как англичанам удалось с помощью Ага Петроса подкупить несколько раз пытавшегося овладеть престолом Бенгалии Мир Джафара (Джафар Али-хана)—командующего войсками Сирадж-уд-доула, одного из самых знатных представителей феодальной верхушки Бенгалии.

Другой армянский источник об этом сообщает: Англичане... заключили тайный договор с Джафар Али-ханом—главнокомандующим наваба. Его и других офицеров подкупили взятками. Джафар Али-хан через посредника-армянина передал англичанам, что если ему дадут навабство, он обещает заплатить англичанам 30 миллионов рупий. Большая часть армян наваба во время войны (битвы при Плесси.—Р. А.) не только не вступила в сражение, но и предала наваба.

³⁰ Цит. по указ. работе Е. Я. Люстерник, стр. 181.

Англичане заранее обусловили с предателем проект договора из восьми пунктов, который означал полную капитуляцию Бенгалии перед англичанами и делал их фактическими хозяевами страны.

Английская буржуазная историография оправдывает предателя, считая его «гибким политиком», который «был заинтересован в торговле с англичанами»³¹.

Чувствуя приближающуюся угрозу, Сирадж, по утверждению Ходжамалеяна, начал готовиться к отпору. Он отдал приказ «по всей стране, где бы ни встречались товары и имущество англичан, все реквизировать и передавать государству». Многие англичане были арестованы, а товары конфискованы, некоторым после этого приказа пришлось оставить фактории с товарами и поселиться в Калькутту.

Войска Сирадж-уд-доула и Ост-Индской компании встретились около деревни Плесси 23 июня 1757 г. Известно, что буржуазная историография до сих пор не жалеет красок для восхваления Клайва, этого «героя» Плесси и его «славной» победы³². Как уже доказано советскими учеными Е. Я. Люстерник³³ и К. А. Антоновой³⁴, не талант «великого полководца», а хитрость «великого хитрика» (К. Маркс) помогла Клайву победить при Плесси.

В буржуазной, в частности английской историографии, о битве при Плесси обычно пишут, что индийцы почти не защищались и при первой же атаке были разгромлены. К сожалению, из-за отсутствия документальных фактов примерно такой же точки зрения придерживаются не только некоторые индийские³⁵, но и советские историки³⁶.

³¹ V. B. Kulkarni, *British statesmen in India*, London, 1961, p. 25.

³² См. R. V. Miley, *Slave of India*, London, 1957, pp. 131—136.

³³ См. Е. Я. Люстерник, Из истории захвата Бенгалии англичанами. Ученые записки Ленингр. гос. пед. инст. им. Герцена, т. 62, стр. 183—187.

³⁴ См. К. А. Антонова, Английские завоевания Индии XVIII в. М., 1958, стр. 85—89.

³⁵ См. Н. К. Синха и А. Ч. Банерджи, История Индии, стр. 306.

³⁶ См. «Новая история стран зарубежного Востока», т. I, М., 1956, стр. 170.

К счастью, этот недостаток восполняет армянский источник.

Вот как описывает эту битву Ходжамалин. Наваб, разделив свою армию на три части, по всему фронту начал сражение против англичан. Особенно храбро сражались против англичан войска Мир Мадана, отважного и преданного навабу полководца. Общее настроение было таково, что даже изменник Мир Джафар не рискнул не вступить в бой. Впоследствии англичанам через своего посыльного удалось выяснить, что войска Мир Джафара стреляют вхолостую. Убедившись в этом, англичане сняли войска, стоящие против Джафар Алихана, и бросили их против Мир Мадана.

Англичанам не удалось сразу добиться успеха. Бенгальские войска под командованием полководца Мир Мадана отразили атаки англичан: англичанам хорошо была известна храбрость бенгальцев и преданность мир Мадана. Они стремились любой ценой вывести его из строя. И тут англичанам помог изменник Джафар Алихан. Он через своего агента указал слона Мир Мадана, который сам переоделся в солдата. Англичанам удалось пушечным выстрелом убить Мир Мадана. «Это была роковая потеря для Сирадж-уд-доула. Мир Мадан был почти единственным человеком из высшего командования, которому Сирадж-уд-доул вполне доверял. Мир Мадан был храбрым воином... настоящим мусульманским героем Плессен»³⁷.

Сирадж-уд-доул не бежал с поля боя. После гибели Мир Мадана и отступления войск, по-видимому, не без ведома англичан, убийцы отрубил голову навабу, подняли ее на кол и возили по стране.

Разгром Сирадж-уд-доула и завоевание Бенгалии, Бихара и Ориссы вызвали беспокойство в других районах Индии. Ходжамалин сообщает о неудачном выступлении наследника трона Али Гоухара и заместника Ауда Шуджа-уд-доула против Мир Джафара, англичан и т. д.

Факты, сообщаемые армянским источником по истории Бенгалии в период Сирадж-уд-доула, разоблачая клевету буржуазной историографии, помогают выяснить

³⁷ Цит. по ст. Е. Я. Люстерник, стр. 212.

историческую правду. Из «Истории Индии» видно, что выступление Сирадж-уд-доула действительно было актом самозащиты. Бенгальцы не хотели мириться с тем, что в их стране хозяйничали незваные гости, и поднялись на борьбу за освобождение своей родины. И не случайно знаменитый советский ученый проф. И. М. Рейснер в своем докладе на I Всероссийской конференции востоковедов имя Сирадж-уд-доула упоминает в ряду имен выдающихся военных деятелей Индии, стремившихся объединить страну в целях отпора чужеземным колонизаторам³⁸.

Победив при Плесси, англичане получили обширную и богатую область, ресурсы которой они использовали во всей своей дальнейшей борьбе за Индию³⁹. Недаром битву при Плесси английские колонизаторы рассматривают как начало британского владычества в Индии.

Победой при Плесси англичане фактически выиграли у французов борьбу за Индию. Как известно, 29 июня (по армянскому источнику—12 ноября 1757 г.) в Муршидабаде Клайв торжественно произвел изменника Мир Джафара в субадары Бенгалии, Бихара и Ориссы с условием, что он оплатит военные издержки и будет защищать владения Хугли, Наваб открыл казну Алахаварди-хана и Мирадж-уд-доула и отдал англичанам 4 корора рупий и множество драгоценных камней⁴⁰.

После того как англичане посадили Мир Джафара на навабский престол, они заключили с ним договор о получении от Бенгалии военного штрафа за Калькутту. В седьмом пункте этого договора наваб обязался платить пострадавшим армянам 7 лакхов рупий.

То же самое повторяет и А. Аляпджан⁴¹.

³⁸ См. I Всесоюзная конференция востоковедов, тезисы докладов, Ташкент, 1957, стр. 133; там же—«Независимая Индия» (сб. статей), М., 1958, стр. 5.

³⁹ К. А. Антонова, Английское завоевание Индии в XVIII в. М., 1958, стр. 89.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ См. Ա. Ալյափճյան, Պատմություն հայ գաղթականության, հատ. Գ, մաս II, էջ 113.

Установив с 1757 г. свою власть в Бенгалии, английские колонизаторы начали беспощадное ограбление страны. Они грабили казну бенгальского наваба — сокровища, накопленные в течение многих лет. Ост-Индская компания захватила не только внешнюю, но в значительной мере и внутреннюю торговлю Бенгалии. Все это разоряло население страны, приводило к обеднению значительной части представителей бенгальского торгового капитала.

«ИСТОРИЯ ИНДИИ» ОБ АНТИКОЛОНИАЛЬНОЙ БОРЬБЕ В БЕНГАЛИИ ВО ГЛАВЕ С МИР КАСИМОМ И УЧАСТИЕ В НЕЙ АРМЯН

Вступив на престол наваба, изменник Мир Джафар уплатил большую сумму компании и ее служителям. А чтобы покрыть эти расходы, увеличил налоги, что вызвало недовольство населения. Как отмечает К. Маркс, имели место «три восстания против Мир Джафара— в Миднапуре, Пури и Бихаре, которые были подавлены»¹. Мир Джафару с трудом удалось с помощью англичан выгнать вторгнувшегося в Бихар Али Гаухара. Это послужило поводом для новых английских требований. Мир Джафар уже не был в состоянии выплачивать англичанам большие суммы и пытался войти в союз с голландцами. Но ему «не удалось заменить иноземного хозяина иноземным союзником»².

Новый губернатор Ванситтарт, в 1760 г. сменивший Клайва, стал подыскивать подходящего кандидата на пост наваба—Мир Джафар уже не устраивал англичан. Они остановились на Мир Касиме—зяте Мир Джафара.

Согласно Ходжамалаяну, Мир Касим стал навабом Бенгалии благодаря помощи Григора Арутюняна. О жизни и деятельности этого человека известно немного.

¹ К. Маркс, Хронологические выписки из истории Индии... стр. 46.

² Н. К. Синха, А. Ч. Банерджи, История Индии, стр. 308.

Он был родом из Н. Джуги, сыном крупного купца Калантара Арутюняна Н. Джугаеци и братом знаменитого Петроса Арутюняна. В молодости Арутюнян приехал в Индию, где сначала занимался торговлей в Муршидабаде. Еще до правления Мир Касима он был близок с феодальной верхушкой Бенгалии. Впоследствии стал крупным военным деятелем и командовал армией Мир Касима, был другом и советником Наваба.

При посредничестве богатых армянских купцов, в частности Ага Петроса, англичане заключили с Мир Касимом тайный договор, согласно которому Мир Касим должен был отдать компании Читтагонг и Бурдван в том случае, если Ост-Индская компания возведет его на трон Бенгалии, отстранив от власти больного проказой Мир Джафара.

Для ведения своих дел Мир Касим оставил своего доверенного в Калькутте, а сам с Григгором Арутюняном и представителями компании возвратился в Муршидабад.

Представители компании предложили Мир Джафару оставить Муршидабад и уехать в Калькутту под предлогом лечения.

20 июня 1760 г. Мир Касим взошел на престол. Навабство Мир Касима для Бенгалии обошлось очень дорого. Шесть членов Бенгальского совета и генерал Кайо получили вместе 200 тысяч фунтов стерлингов. Компания получила три наиболее богатых района Бенгалии—Бурдван, Миднапур и Читтагонг. Наваб лишился тем самым половины своих доходов³.

Английская буржуазная историография Мир Касима характеризует как «...менее стойкого, более податливого, неуверенного правителя, чем его предшественники»⁴.

Однако индийские и советские ученые считают Мир Касима «сильным, энергичным правителем». Мир Касим не собирался быть марионеткой, а с первых же дней начал действовать самостоятельно. Он хорошо понимал, что для приобретения самостоятельности необходимы союзники и привлек на свою сторону Великого Могола

³ См. К. А. Антонова, Английские завоевания Индии, стр. 93.

⁴ V. V. Kulkarni, British statesmen in India, p. 25.

Шах Алама II и правителя Ауда Шуджа-уд-доула. Согласно Ходжамалину, для встречи с ними и ведения переговоров он со своим войском и новым главнокомандующим бенгальской армии Григором Арутюняном прибыл в Ауд, где находился Великий Могол.

Как известно, предшественники Мир Касима не признавали власти Великого Могола. «Новый наваб» — по Ходжамалину — провозгласил Шах Алама падишахом Бенгалии, заключил мир... и получил от него (Великого Могола. — Р. А.) указ о признании его власти над двумя суба (Бенгалии и Бихара)..., а по возвращении приказал чеканить монеты с именем правителя». Хотя более подробных сведений о договоре Ходжамалин не сообщает, не трудно понять, что договор в основном был направлен против английского проникновения в Индию. По всей вероятности, в этих переговорах участвовал также правитель Ауда Шуджа-уд-доул, вошедший в этот союз.

Армянский источник сообщает интересный факт, свидетельствующий об уважении и доверии, которыми пользовались армяне у индийских правителей.

Во время встречи Шах Алама и Мир Касима, командующий бенгальскими войсками Григор Арутюнян лично был принят правителем Индии, который присвоил армянину высший военный чин — звание пятитысячника. Тогда же Арутюнян получил от Шах Алама новое имя Горгин-хан, под которым он оставался до конца своей жизни.

Чтобы быть вдалеке от английского наблюдения и «...более решительно продолжать осуществление своих планов независимости», Мир Касим перевел свою столицу из Муршидабада в Монгхир, в 30 косах от Патны. Ему удалось быстро восстановить почти разрушенный город, а крепость укрепить тридцатью пушками.

После заключения союза с Шах Аламом и перевода столицы в более удобное место Мир Касим в первую очередь приступил к созданию новой бенгальской армии. Наваб понимал, что только при хорошо организованной и хорошо вооруженной армии он сможет освободиться от английской зависимости и стать самостоятельным. Согласно «Истории Индии», это очень важное дело Мир Касим поручил Горгин-хану.

Сведения «Истории Индии» о Григоре Арутюняне (Горгин-хане) как о главнокомандующем и организаторе бенгальской армии подтверждают и другие армянские, индийские и европейские источники.

Арутюн Чарян (XVIII в.) в своей работе «Начальная история всех народов от рождения Христова до наших дней», говоря о событиях 60-х годов XVIII в. в Бенгалии, пишет: «Немного спустя после своего восшествия на престол, Касим Али, не вытерпев угнетения англичан, вступил в войну против них, назначив главнокомандующим своих войск Григора, или Горгин-хана, умного и храброго князя, армяника по национальности».

Современники Ар. Чаряна—Агопц и Инджиджян о Горгин-хане пишут: «...Брат Петроса Арутюняна был умным, храбрым, решительным, деловым человеком и общим любимцем. Касим Али-хан назначил его главнокомандующим своих войск и сделал своим советником и близким другом...».

В одной из тетрадей (№ 13), выпущенной баптистами на армянском языке в 1840 г. в Калькутте, говорится, что о Горгин-хане подробно написано в сборнике «Միջփրփի», выпущенном типографией Очанаспоряна в Калькутте в 1822 г. К сожалению, наши поиски не увенчались успехом—сборник «Цветник» ни в одной из библиотек Армении не найден.

В тетради № 13 приведены краткие, но ценные сведения о Горгин-хане. По-видимому, на основе английских и индийских первоисточников английский ученый Маршман сообщает: «Мир Касим своими успехами главным образом обязан некоему армянину, родом из Исфана, известному на Востоке под именем Горгин-хана»⁵. О нем, как «генерале войск» наваба, упоминает даже Холуэлл⁶.

За небольшой срок Мир Касиму и Горгин-хану удалось собрать большую армию, в которой насчитывалось 15 тысяч конников и 25 тысяч пехоты. Армия была обучена по образцу европейских армий, созданы артилле-

⁵ См. также его брошюру „Corqin Khan“, Calcutta, 1928.

⁶ См. «Միջփրփի», 1880, էջ 240—242.

рийские батальоны, в которые пришлось в основном принять европейцев. Своих солдат Горгин-хан вооружил мечами, ружьями, пистолетами и прочим огнестрельным оружием.

Касим Али назначил в армию новых командиров из индийцев и европейцев, среди них были также армяне.

По сообщениям армянского источника, среди офицеров бенгальской армии, под командованием которых впоследствии бенгальские войска храбро сражались против английских колонизаторов, выделялись и были отмечены Касим Али-ханом несколько армян.

Маркар Ованнес Калантарян из Новой Джуги. «Азгасер Араратян» сообщает, что до приезда в Индию Калантарян служил в Голландии и благодаря своим исключительным способностям достиг звания генерала. О Маркаре Калантаряне как деятеле бенгальской армии говорят индийские историки. Синха и Банерджи упоминают об «армянине Маркаре», как об одном из главнокомандующих армии Касим Али-хана⁷. Будучи образованным человеком и большим патриотом, Маркар Калантарян с целью сохранить родной язык у армянских юношей и девушек организовал у себя дома школу⁸.

Арутюн Маркарян из Новой Джуги. О нем, как об одном из ведущих командиров армии Мир Касима, упоминает Ар. Чарян: «Касим Али-хан... имел также двух командиров-армян — Маркара и Арутюна, которые прославили свои имена надолго, храбро сражались против англичан»⁹.

Григор Нагапетян Айвазян из села Чареу Новой Джуги.

Петрос Аствацатрян из деревни Ахидзик (Армения).

Мартирос Григорян из Мараха.

Казар Акопян из деревни Хора Атрапатаканской области. Из одного сообщения в журнале «Азгасер» мы узнаем, что Казар Акопян еще в 1755 г. имел звание

⁷ См. Н. К. Синха, А. Ч. Банерджи, История Индии, стр. 309.

⁸ См. «Ազգասեր Արարտիկան», 1951, էջ 611.

⁹ Զ. Չարեան, Սկզբնական պատմություն..., էջ 397.

тысячника¹⁰ и верно служил у Аллахварди-хана. Особенно прославился он во время столкновений с маратхами. «Он играл большую роль во время той длительной войны, которую вел ивааб против маратхов»¹¹.

Сукиас Аветисян из Атрапатакана.

Сванес Назарян из Тавриза. Мир Касим, как указывает Т. Ходжамаян, назначил его начальником своей охраны.

По сообщению Ар. Чаряна, «число армян—младших и старших офицеров—достигло в бенгальской армии 10 000 человек»¹².

Кроме них, в армии наваба сражался армянский батальон¹³. Горгни-хан имел целый батальон, организованный в основном из джугинских армян¹⁴.

После создания регулярной армии перед Мир Касимом встали серьезные трудности, связанные с ее вооружением.

Естественно, что англичане не помогали навабу вооружить бенгальскую армию. Бессмысленно было надеяться на французов или на кого-либо из соседей. Оставался единственный выход—на месте организовать производство оружия. Это трудное и почетное дело наваб также поручил главнокомандующему своих войск. Григору Арутюняну удалось силами индийских, вероятно, и армянских, оружейников на месте, тайно от англичан, организовать производство оружия. «Горгни-хан,—пишет армянский источник,—самостоятельно отлил оружие, превосходящее европейское». Кроме мушкетов и другого военного снаряжения индийские оружейники отливали пушки и изготовляли ядра.

Участие армянских оружейников в изготовлении оружия для бенгальской армии мы считаем весьма вероятным, так как в этот период в Индии были известны армянские оружейники. Особенно был известен Шахназар.

¹⁰ См. «Աղբյուր», 1847, էջ 512.

¹¹ Ա. Արթուրյանյան, Պատմութիւն հայ զազխականութեան, հատ. Գ, մաս Ա, էջ 341:

¹² Հ. Չարեան, Սկզբնական պատմութիւն..., էջ 397:

¹³ См. Էն, Հայոց պատմութիւն, հատ. III, էջ 1045:

¹⁴ См. Ա. Արթուրյանյան, Պատմութիւն հայ զազխականութեան, հատ. Գ, մաս Ա, էջ 341:

который отлил знаменитую «Замаама», сохранившуюся до сих пор и находящуюся в музее Лахора. «Замаама» была отлита в 1761 г., примерно в то же время, когда Горгин-хан организовал производство орудий в Монгхире. Армяне в Индии были не только известными купцами, но и искусными командующими и мастерами... уникальных орудий...»¹⁵.

Сообщение Ходжамалияна подтверждает другой армянский источник: «Горгин-хан не только обучал индийские войска по европейским правилам, но и стал производить бомбы и организовал производство мушкетов, по качеству превосходящих английское, усовершенствовал и отлил пушки...»¹⁶.

Маршман в своей «Истории Бенгалии» подтверждает сообщение армянских источников. Он пишет: «Горгин-хану удалось на месте организовать производство огнестрельного оружия, по качеству превосходящего английское»¹⁷.

Из всего этого становится неоспоримым, что армяне участвовали в производстве и вооружении индийской армии против английских колонизаторов в один из тяжелых моментов истории индийского народа.

Смелые и самостоятельные шаги нового наваба не могли не тревожить англичан. Но Мир Касим регулярно платил обещанные деньги. Посредством резкого увеличения налогов, сокращения расходов двора и закрытия ряда канцелярий (например, канцелярии Антилопы, канцелярии Рама) и других учреждений он сумел собрать большую сумму и передать ее Ост-Индской компании.

Из дальнейшего сообщения армянского источника видно, что Мир Касим с первых же дней своего правления готовился к борьбе с англичанами. После создания и вооружения армии, закрепления союза с Великим Моголом он старался обеспечить тыл, обезвредить влиятельных лиц (англофилов) в стране и т. д.

В этот период опасными противниками для Бенгалии были ее вассалы на северных границах. Особую

¹⁵ M. J. Seth, *Armenians In India...*, p. 115—120.

¹⁶ Printed of the Baptist mission Press, for the Armenian Religions tract soceti, 13, Calcutta, november, 1848, p. 65.

¹⁷ «*Քաղաքագրություն*», 1880, էջ 240.

опасность представлял раджа Дурбан Сингх. Опираясь на свою армию в 20 тысяч человек и на поддержку англичан, этот «независимый» раджа не хотел платить подати Бенгалии и фактически отделился от нее. Мир Касим отправил к северным границам страны бенгальские войска под командованием тысячника Григора Айвазяна. В решающей битве он разгромил 20-тысячную армию раджи Дурбана Сингха, занял его столицу Вуксар и заставил уплатить государственные подати.

Одновременно с этим Мир Касим направил сильные отряды на юг и запад своих владений для охраны границ. Хотя Ходжамалин подробно излагает сведения о военных миссиях наваба с единственной целью — прославить имена военачальников-армян, возглавляющих отряды бенгальской армии, эти данные для историков имеют большое значение. Они свидетельствуют о том, что Мир Касим стремился укрепить военные силы Бенгалии, подготовить ее к столкновению с Ост-Индской компанией.

Уплатив англичанам долги, создав и вооружив армию, укрепив границы своей страны, Мир Касим принялся управлять Бенгалией как настоящей ее хозяйин. Он хорошо понимал, что этого может добиться, если ему удастся прекратить или хотя бы ограничить торговлю достатками, разоряющую страну.

Как известно, английская Ост-Индская компания еще в 1717 г. получила право на беспошлинную торговлю. Однако служащие компании и отдельные английские купцы пользовались этим правом также и для частной торговли.

Англичане торговали документами на право беспошлинного провоза товаров (достатками). Индийские купцы, агенты английской Ост-Индской компании, беспошлинно привозили свои собственные товары под видом товаров, якобы принадлежавших компании, и продавали их в Калькутте. Англичане сами взыскивали пошлины с индийских и армянских купцов, отправляющих свои товары из Калькутты в другие районы Бенгалии¹⁸.

¹⁸ См. Э. Н. Комаров, Аграрные отношения и земельно-налоговая политика английских колонизаторов в Бенгалии (диссертационная работа), стр. 349.

Несмотря на ограничения и контроль со стороны бенгальских властей, Ост-Индская компания укрепила свое влияние в Бенгалии и постепенно забирала в свои руки монополию торговли, а затем начала вмешиваться и в государственные дела страны.

Уорен Хейстинге отмечал, что такое положение не сулило ничего хорошего ни для доходов наваба, ни для спокойствия страны. В 1762 г. Мир Касим и Хейстинге договорились, что англичане должны платить небольшую (9%) пошлину¹⁹. Этот договор английскими «торгашами» в Калькутте был встречен очень недружелюбно. «Английские купцы, — пишет Ходжамалаян, — единогласно заявляли, что отказываются платить пошлины». Они считали, что этот договор позорит их как англичан и погубит всю частную торговлю и торговлю компании²⁰. Кейт с упреком говорит, что Ванситтарт договором 1762 г. с Мир Касимом обесчестил свое имя как главы компании²¹. Совет компании аннулировал это решение, издав специальный приказ арестовывать и заключать в тюрьму чиновников Мир Касима при всякой попытке взимать пошлины.

Разгром местного торгового капитала осуществляется как методами прямого насилия и ограбления индийских купцов англичанами и их агентами, так и распоряжениями английских властей в Калькутте о запрете торговли.

В таких условиях навабу оставалось одно — приравнять англичан к другим купцам путем отмены пошлин на торговлю всех товаров.

По сообщению Т. Ходжамалаяна, Мир Касим для развития экономической жизни Бенгалии «ради еще большего процветания своей страны» отдал приказ об отмене по всей стране пошлины на торговлю по водным и сухопутным дорогам.

По армянскому источнику, приказ наваба гласит: «Те из европейских купцов, которые желают пользоваться этими дорогами, могут свободно проехать в наши го-

¹⁹ См. Н. К. Синха и А. Ч. Банерджи. История Индии, стр. 309.

²⁰ См. Dutt Romesh. The economic history of India..., p. 24.

²¹ См. А. В. Кейт A constitutional history of India 1660—1935, London, 1937, p. 30.

рода и торговать без всякой пошлины, и пусть процветает и наволаживается наша страна благом...».

«Услышав об этом,—пишет Ходжамалин,—французские, голландские, португальские, датские купцы и купцы других национальностей развернули большую торговлю».

Это умное решение Мир Касима явилось тяжелым ударом для компании. Англичане не только потеряли монополию достатков на торговлю в самых богатых районах страны, но и должны были выдерживать конкуренцию с индийскими, армянскими и другими купцами. Это решение открывало дорогу бенгальским товарам на широкий рынок, давая местному рынку возможность получать товары, необходимые для индийской экономики. Правда, этим решением казна наваба отчасти лишалась доходов, но зато политический и экономический выигрыш был колоссальным.

Известно, что это решение Мир Касима в Калькуттском совете Ост-Индской компании было принято враждебно. Англичане всячески старались восстановить свои привилегии.

По решению Калькуттского совета для переговоров в Монгхир была отправлена делегация во главе с Вансиптартом.

Ходжамалин пишет, что в состав английской делегации входил также Петрос Ага Арутюнян, старший брат Горгин-хана. Возможно, что англичане умышленно включили его в состав делегации, надеясь, что он через брата подействует на наваба или они сами смогут воспользоваться дружескими взаимоотношениями между Мир Касимом и Петросом. Но переговоры, продлившись 28 дней, не дали англичанам положительных результатов, был лишь «возобновлен прежний союз».

Тогда Калькуттский совет решил с целью урегулирования спорных вопросов отправить в Монгхир делегацию во главе с Амнаттом.

«Приехав в Монгхир,—пишет Ходжамалин,—мистер Амнатт начал настойчиво уговаривать Касим Али-хана отменить договор, обязывающий англичан платить пошлину 9%. Но Касим Али-хан был немолим».

Амнатт, убедившись, что не добьется результатов, вернулся в Калькутту. В эти же дни, по сообщению Ход-

жамалаяна, во время ареста английских шпионов солдаты Горгин-хана обнаружили при обыске зашифрованные письма и приказы. В этих письмах, адресованных начальникам гарнизонов английских войск в Бихаре и в районе Патны, где под командованием Эдната находилась английская армия, насчитывающая 4000 сипайских и 600 английских солдат, приказано было двинуть войска, внезапно напасть на Патну и захватить ее. Письма такого содержания были захвачены и в других местах.

До описания событий в Патне армянский источник рассказывает об одном серьезном инциденте, вернее, военном столкновении между англичанами и бенгальцами.

Наваб Мир Касим, боясь, что братья Джагт Сетхи «могут присоединиться к англичанам, принял решение арестовать их, из Муршидабада перевести в Монгхир, чтобы они всегда были под наблюдением». Опасения наваба имели основания. Семья Джагт Сетхов была самой богатой в Бенгалии и одной из богатейших во всей Индии. Эти некоронованные короли Бенгалии оказывали влияние на всю ее политическую жизнь. Они имели право чеканить монету. Им было дано право собирать около двух третей поземельного налога и т. д. Они были главными организаторами заговора и убийств Сарфараз-хана и Сирадж-уд-доула. Сетхи часто финансировали англичан.

Проявляя осторожность, Мир Касим не хотел разделить судьбу своих предшественников. Арест братьев Сетхов, по сообщению Т. Ходжамалаяна, Мир Касим поручил армянскому отряду во главе с Арутюном Маркарянном.

Удачно выполнив задачу, отряд с арестованными собирался в обратный путь. Но англичане, естественно, не желали терять таких союзников, как Сетхи, и их богатства. Калькуттский совет приказал английским войскам, стоящим вблизи Муршидабада, любой ценой освободить Сетхов, но атака англичан была отбита. «Храбрые армяне,—пишет Ходжамалаян,—сражались с большим мужеством и не выпустили своих пленных из рук». Сетхов с их богатством доставили в Монгхир. Тогда англичане начали переговоры с навабом, убеждая его отпустить Джагат-Сетхов в Муршидабад. «Мы Сетхов перевели

сюда (в Монгхир.—Р. А.), чтобы они способствовали процветанию... торговли... в моей стране. Ни их, ни их богатства я не собираюсь держать под замком».

После получения приказа из Калькутты начальник английской фактории Элисе продвинул войска и окружил город Патну. Англичанам удалось воспользоваться внезапностью нападения и после нескольких часов битвы взломать крепостные ворота с восточной стороны, ворваться в город и заставить конный гарнизон, защищающий город во главе с Мехти Кули-ханом, оставить город.

По сообщению Ходжамаляна, еще до этих событий командование бенгальской армии предполагало совершить нападение на Патну. Для обеспечения безопасности города туда была направлена 10-тысячная армия. Командование этой большой группой бенгальской армии наваб поручил тысячнику Калантаряну и строго предупредил командование, что начать действие против англичан можно только в том случае, если враг нападет на них, «...а если нет, оставайтесь там с миром». По-видимому, наваб не хотел давать англичанам повода для начала военных действий в невыгодное для себя время. Но события были ускорены ранее задуманным агрессивным нападением англичан на Патну. Из «Истории Индии» далее мы узнаем, что после нападения англичан на город бенгальская армия ускорила свой поход и вскоре добралась до Патны, окружила город с целью освободить его штурмом. Главный удар по противнику был нанесен с восточной стороны, где англичане сосредоточили свои основные силы и отчаянно защищались. Бенгальцам удалось в ожесточенном бою разрушить защиту англичан и прорваться в захваченный англичанами город. Штурмом индийских войск командовал Маркар Арутюния. Армянский источник сообщает: «Здесь (т. е. в Патне.—Р. А.) войска храброго Маркара Арутюняна отбили у войск англичан 370 европейских и 1000 сипайских солдат». Остатки разгромленных отрядов Элисса оставили Патну и бежали на север. Насколько нам удалось выяснить, эти интересные подробности о событиях в Патне до сих пор были не известны.

Но разгромом английских войск в Патне невозможно было остановить последующие события. Началось

открытое выступление Мир Касима против англичан. Блестящая победа в Патне воодушевляла народ, началось восстание, к которому присоединились разные слои населения, начиная от крестьян и ремесленников и кончая крупными купцами.

После освобождения Патны войска продолжали преследовать неприятеля. Громя отдельные части англичан и предавая огню английские фактории, бенгальские войска окружили отступающих англичан в небольшой крепости. «Струсившие английские войска,—пишет Ходжа-малян,—открыв крепостные ворота, выходящие к реке, в страхе перебрались через реку, бросили там свои корабли и бежали на север». В руки индийских войск попало большое количество трофеев и богатств. За эту блестящую победу над неприятелем командование армии все богатство и имущество, захваченное у англичан, роздало солдатам—участникам освобождения Патны.

Тысячник Маркар Арутюнян, который «прославил свое имя во время взятия Патны, получил от наваба Мир Касима слона с многочисленными подарками».

Разгром хорошо обученных и тренированных английских войск только что организованными бенгальскими войсками, в результате которого англичане оставили на поле боя 1370 человек убитыми, одна из блестящих страниц героической борьбы индийского народа против английских колонизаторов.

Командование патнаской группировки бенгальских войск получило приказ наваба и главнокомандующего непрерывно преследовать и громить отступающие английские войска. Против врага были направлены новые части бенгальских войск, к которым присоединился со своими войсками раджа Газипура. Туда же из Баксара индийцы двинули группировки своих войск под командованием Григора Айвазяна. К преследовавшим англичан бенгальским войскам по пути присоединилась конница союзника Мир Касима—раджи Чандра. Объединенные войска союзников после двухдневного преследования окружили войска колонизаторов и после четырехчасового сражения заставили их «нобросать свое оружие» и сдаться на милость победителя. Согласно «Истории Индии», число пленных англичан (без сипайских солдат) достигло

600 человек. По утверждению армянского историка, победители отпустили домой всех индийских солдат и жителей, которые попали в плен, а пленных англичан «накормили, одели и отправили в Монгхир к Горгинхану, где он всех их посадил в тюрьму».

После этой победы Мир Касим начал активно действовать по всей стране. Им был отдан приказ, который, согласно Ходжамаяяну, гласил: «Где бы ни встретились англичане в моем государстве, арестовывать их и с их имуществом доставлять ко мне». Вскоре вся Бенгалия, очищенная и освобожденная от английских купцов и факторий, была подвластна навабу.

Участие армян в освободительной борьбе было столь значительным и они пользовались таким уважением у своих союзников-индусов, что в дни побед над врагом наряду с индийскими поднимали знамена с крестом в честь армян.

Интересно отметить, что навабу Мир Касиму помогали даже те слои армянских общин в Индии, которые еще недавно верили обещаниям, данным им англичанами в договоре, заключенном еще Ходжа Петросом Калантарем.

Из другого сообщения Т. Ходжамаяяна мы узнаем еще об одном до сих пор неизвестном факте. Продвигающаяся к Монгхиру английская армия была внезапно атакована конницей союзника Мухаммеда Таджи-хана. Растерявшись от неожиданного нападения, английская армия оставила артиллерию и пустилась в бегство. Однако в конце концов им удается сосредоточить свои силы, контратакой вернуть свою артиллерию и заставить войска союзника Мир Касима отступить. В составе индийского войска находились также полки тысячников Маркара Калантаряна, Казара Акопяна и Артура Маркаряна. Командование этой двадцатитысячной армией наваб поручил Сумру, авантюристу из Эльзаса. Ходжамаяян с болью отмечает досадную ошибку нерасчетливого наваба, которая состояла в том, что он не сам руководил армией и не поручил это Горгинхану.

Впоследствии к этой группировке индийских войск присоединилась конница Сенд Мухаммед-хана. Ходжамаяян рассказывает, что противники встретились на берегу

реки Багратки, притока Ганга, на поле Сонти. Между двумя армиями лежал непроходимый овраг. С обеих сторон лихорадочно готовились к бою. Индийцы построили деревянный мост для переправы.

Англичане после трехдневного изучения расположения индийских войск перешли в наступление против войск, стоящих на южном крыле. При поддержке соседней группы бенгальской армии атака после трехчасовой битвы была остановлена. Встретив серьезное сопротивление, английское командование направило следующую атаку против более слабого места в расположении бенгальской армии—против Сумру, который не сумел организовать защиту.

Т. Ходжамалин с упреком говорит о беспечности тысячников-армян, проявивших малодушие. Сводя личные счеты, они не спешили на помощь Сумру и дали возможность англичанам обратить командующего фронтом в бегство. Увидев это, войска в панике покинули фронт. Вся артиллерия Сумру попала в руки англичан. Англичанам быстро удалось нанести поражение и другой группе бенгальских войск, а затем направить свой удар против отрядов, которыми командовали тысячники Казар Акоюн и Маркар Калантарян. Эти военачальники, объединив силы, не только остановили атаку англичан, но и перешли к контратаке. После шестичасовой битвы бенгальская армия «...заставила их (англичан) обратиться в бегство», во время которого «...многие из сипаев и англичан погибли...».

После победы, возвращаясь на свои позиции, бенгальские войска заметили сквозь пороховой дым приближающиеся отряды с флагом Сумру. Но когда те подошли, оказалось, что это враги. Опять начался бой, закончившийся не в пользу бенгальцев. Потеряв 800 человек, остатки бенгальской армии отступили.

После восстановления порядка в отступающих войсках, бенгальцам удалось сосредоточить силы и занять новую позицию на берегу реки Ганг—между бирбхунскими лесами и большим оврагом в районе Удхунала. На помощь Мир Касиму поспешила шеститысячная конница Сеида Мухаммед-хана под командованием Наджиб-хана.

Из рассказа Т. Ходжамалияна видно, что бенгальские войска здесь заняли очень удобную позицию и укрепили ее пушками. Для отражения возможного речного десанта были выделены особые соединения, которые имели в своем распоряжении лодки и другие приспособления.

Английская армия после пятнадцатидневного отдыха также туда подошла и заняла позиции напротив армии Мир Касима.

О битве при Удхунале как в английской, так и индийской историографии очень скупо говорится—почти без всякого труда за несколько дней майор Адамс разгромил армию Мир Касима.

Из подробного описания битвы при Удхунале в «Истории Индии» (кстати, это пока самое подробное описание битвы в известной нам литературе) мы также узнаем, что индийские войска потерпели поражение, но победа англичан была нелегкой.

Ходжамалиян сообщает, что «бой начался после четырехдневной лихорадочной подготовки. Сражение продолжалось более сорока дней. Первые тридцать дней никому не принесли победы». Чтобы выдержать натиск в течение тридцати дней превосходно обученной и вооруженной армии, индийские солдаты должны были проявить истинные огромную храбрость и выносливость. Войска Мир Касима не только защищались, но иногда переходили и в контрнаступление. Ходжамалиян описывает следующий эпизод: «Во время одной из контратак тысячнику Маркару Калантаряну удалось... со своими войсками напасть на англичан. Он сражался до тех пор, пока не заставил англичан пуститься в бегство». Это сражение не закончилось полной победой индийцев лишь в результате нелепого поведения Сумру. Во время преследования, когда кончились боеприпасы у наступающих частей, командующие послали гонца к Сумру с просьбой о помощи. Но он, вместо того чтобы послать помощь, приказал наступающим войскам вернуться на свои позиции.

Бенгальская армия в этом сражении, по-видимому, нуждалась в артиллеристах. И поэтому, очевидно, Горгин-хан по совету Сумру согласился освободить из тюрьмы человек сорок пленных артиллеристов—французов и

немцев по национальности, ранее служивших в английской армии, и послал их на фронт. Ходжамалаян пишет, что против этого решения возражали тысячники-армяне. Но с возражениями тысячников-армян никто не считался.

Эти сорок артиллеристов, собрав подробные сведения о расположении войск Мир Касима, перебежали к англичанам.

Английское командование, получив от них важные сведения, на сорок второй день начало новую атаку. Судьба боя решила невнимательность дозоров армии Мир Касима. Большая группа английской армии, по видимому переодетая в индийскую форму, подошла к укреплениям противника. Ей удалось обмануть охрану индийской армии и выдать себя за разведчиков, возвратившихся с задания. Продвигаясь в глубь обороны бенгальской армии, англичане начали стрелять в спавших индийских солдат. В панике, сонные солдаты открыли стрельбу по своим войскам, а английская армия начала в это время атаку.

Т. Ходжамалаян с насмешкой говорит, что Сумру, вместо того чтобы организовать защиту, «...струсил... и, со страха, побросав свои знамена, бежал со своими войсками».

Побег главнокомандующего и отход джагарийских конников решили судьбу почти полуторамесячного сражения. Остальные войска тоже «...вынуждены были начать отступление». К сожалению, Ходжамалаян не сообщает конкретной даты.

После этих неудач Мир Касим, посоветовавшись с Горгии-ханом, решил укрепиться в крепости Рохтас, восстановить силы, организовать новую армию, попросив помощи у маратхов и других народов, и продолжать борьбу против англичан. С этой целью Мир Касим и Горгии-хан, оставив в Монгхире небольшой гарнизон под командованием Петроса Аствацатрияна и Казара Акопяна, забрав все богатства и казну, через Патну двинулись на Рохтас тремя группами, которыми командовали Мир Касим, Горгии-хан и присоединившийся к ним Сумру.

На четвертый день пути около деревни Телипур, недалеко от Монгхира, командование бенгальской армии решило дать отдохнуть уставшим войскам.

В эту же ночь Горгин-хан был смертельно ранен. Об этом историки рассказывают разное. Т. Ходжамалин сообщает следующие подробности. Горгин-хан со своими двумя охранниками возвращался с обхода войск. По дороге ему повстречался сотник по имени Сабр-бек, с 300 конниками, и от имени командующего потребовал жалования. Когда Горгин-хан приказал ему уйти с дороги, Сабр-бек бросился на него и тяжело ранил. Один из охранников Горгин-хана, пытавшийся вмешаться, тоже получил тяжелые ранения, второму удалось погнать вперед лошадь Горгин-хана, но мятежники поймали веревкой его коня и нанесли Горгину еще несколько ран. Убийце удалось скрыться, но 300 кенников были разрублены солдатами Горгина.

По приказу Мир Касима тяжелораненый Горгин-хан был доставлен в лагерь.

11 августа 1763 г. Горгин-хан скончался. Индийцы с большими почестями, согласно армянским церковным обычаям, похоронили своего любимого командира. Убийство Горгин-хана, вероятно, организовали англичане, которые хотели убрать его, поскольку считали, что Горгин-хан мешал им подавить восстание Мир Касима. Как известно, высшее английское командование несколько раз предлагало Горгин-хану арестовать наваба и перейти на сторону англичан, обещая чуть ли не навабство, но всякий раз он с отвращением отклонял предложения с предательстве.

После неудач с подкупом англичане постарались другим путем отстранить Горгин-хана и армянских тысячников, распространяя слухи о их неверности. Были составлены ложные письма от имени Петрос-ходжа, родного брата Горгин-хана, в которых сообщалось, что якобы готовится арест наваба, с целью передать его в руки англичан. Англичане постарались, чтобы письма эти попали в руки наваба и вызвали у него сомнения по поводу верности Горгина, но и это не помогло. Наваб, хорошо знавший своего командира, оставил письма без внимания.

После этих неудач убийство было единственным путем к тому, чтобы убрать с дороги Горгин-хана. К нему англичане и прибегли, использовав своего агента Джан-Мухаммеда Сабр-бека.

Английские историки в убийстве Горгин-хана обвиняют Мир Касима. Одни утверждают, что наваб, сомневаясь в верности своего главнокомандующего и боясь измены, убил его. Другие заявляют, что Мир Касим, оставшись один против английских сил, якобы преднамеренно убил Горгин-хана, чтобы этим доказать англичанам свою невиновность в антибританском восстании и всю ответственность возложить на Горгин-хана. В этой клевете особо изощряется Маршман. «Мир Касим,—пишет он,—послал своего человека и подло убил своего главнокомандующего по следующим причинам. Брат Горгин-хана, Ходжа Петрос, который находился в Калькутте и был близким другом Хейстингса и Ванситтарта, отправляет тайное письмо к Горгину, в котором старается уговорить его оставить службу у наваба и, выбрав удачный момент для ареста наваба, сдать в плен англичанам. Главный телохранитель наваба, узнав об этом, посылает своего человека, чтобы предупредить об этом Мир Касима. В результате—спустя 12—14 часов, Горгин-хан, один из величайших людей своего времени, был убит»²².

К сожалению, ложные версии Маршмана повторяют М. Сетх²³ и Алпояджян²⁴. Факты, сообщаемые «Историей Индии» Ходжамалиана, неоспоримо свидетельствуют о том, что Горгин-хан был верен своему долгу и честно сражался за свободу и независимость Индии.

На стене дворца в Монгхире, где жил Горгин-хан в 1760—1763 гг., была поставлена мемориальная доска со следующей надписью: «В этом дворце с 1760 по 1763 гг. жил армянин-премьер и главнокомандующий войсками последнего наваба Бенгалии, Бихара и Ориссы Мир Касима—Горгин-хан...»²⁵.

Горгин-хан является одним из главных героев исторического романа «Чендрошекхор» (1874) классика бенгальской прозы Бонкимчондро Чоттопадхая (Чондра Чаттерджи, 1838—1894).

²² M. J. Seth, *Armenians in India*, p. 370.

²³ См. там же.

²⁴ См. Ս. Ալպոյաճյանի, *Պատմագրություն հայ զորավարների վերին հատվածի վրա*, էջ 299.

²⁵ M. J. Seth, *Armenians in India*, Calcutta, 1898, p. 23.

После похорон своего командира Мир Касим поехал в Патну, где приказал Сумру расстрелять всех пленных англичан, в том числе братьев Сетхов. Двести пленных англичан, в том числе Элиос, Хей, Лушингтон, 5 октября 1763 г. были казнены. Англичане обещали 40 тыс. рупий за арест Сумру, но ему удалось бежать.

Разъяренный неудачами и потерей Горгин-хана, Мир Касим начал очень жестоко расправляться с англичанами: «...он убивал всех своих врагов, которые имели несчастье попасть ему в руки...».

С остатками своих войск Мир Касим двинулся в Буксар. Оставив там один полк под командованием Григора Ривазяна, сам двинулся дальше. Английское командование после победы при Удхунаеми и трехдневного отдыха начало продвигаться в глубь страны по следам отступающего наваба. Не встречая никакого сопротивления, они окружили столицу Бенгалии Монгхир. Принято говорить, что индийцы как в монгхирском, так и других сражениях не оказали должного сопротивления англичанам, и немногочисленные войска англичан разгромили тысячные полки Мир Касима. А вот что об этом сражении говорит армянский источник. После отказа индийского гарнизона сдаться без боя, англичане подвергли осажденный город яростной бомбардировке, которая длилась три дня. После бомбардировки восемь дней подряд англичане безуспешно атаковали крепость. Все атаки англичан были отбиты. Защита крепости продолжалась. Лишь после того как кончились боеприпасы и питание, да еще вспыхнула дизентерия и пришла весть о гибели Горгин-хана, когда были потеряны всякие надежды на получение подкрепления, командование крепости начало вести переговоры с англичанами. Только на двадцать второй день защитники покинули крепость. Англичане на двадцать третий день вошли в незащищенный и безлюдный город.

После трехдневного сражения пал также город Патна. Англичанам сравнительно легко удалось занять Буксар. По-видимому, этот последний район, принадлежащий Мир Касиму, был покорен ценой подкупа управляющего Рохтаса Юсуф-хана.

Армянский источник далее рассказывает о странствии Мир Касима с остатками своих войск. С ним, по утверждению Ходжамаляна, были также два тысячника армянина—Григор Айвазян и Сукнас Аветисян. Их он оставил со своим богатством в Бенаресе, а сам с частью войск поехал к Шудж-уд-доулу, чтобы объединиться с ним. «как с родным братом, и пойти войной на англичан».

Объединенные силы Мир Касима и правителя Ауда Шудж-уд-доула, насчитывающие около 120 тысяч человек, перешли границу и двинулись к Патне. Англичане предложили договор, обязуясь платить ежегодно большую сумму за Бихар и Бенгалию. Этот договор был отвергнут.

Сражение, длившееся 25 дней, не дало никакого результата. Шудж-уд-доул после ранения во время одной из атак англичан снял с позиций свою армию и удалился. Касим Али остался один с остатками своей армии, которая не имела ни оружия, ни боеприпасов.

После победы англичан участники восстания подверглись кровавым репрессиям. Репрессии против армян носили столь жестокий характер, что они вынуждены были оставить районы, захваченные англичанами. Вскоре англичане предприняли еще ряд насилий против армян. Как известно, в 1688 г. организованная Ост-Индская компания заключила договор с армянами, по которому они получали равные права с англичанами на территориях английских факторий²⁶. Правда, этот договор давно уже потерял силу, но юридически существовал.

Спустя несколько лет после событий при Патне палата общин в Лондоне обсудила вопрос, касающийся армян, проживающих на территории Ост-Индской компании в Индии. По решению палаты «неблагодарные» армяне были лишены всех прав, которые давал им договор 1688 г.²⁷.

Еще до этого, по утверждению Э. Н. Комарова, «...всем иностранным купцам в Бенгалии, включая армян и португальцев и даже их потомков, было запре-

²⁶ См. «Взгляд», № 37, стр. 132—138, № 38, стр. 139—141.

²⁷ См. Архив Института истории АН Арм. ССР, дело 148, тетрадь № 21, лл. 28—31.

щено под страхом сурового наказания вести какие бы то ни было торговые операции за пределами Бенгалии, Бихара и Ориссы».

Начиная с того дня, когда англичане обосновались в Индии, индийские армяне и материально, и морально оказались подавлены, так как английская торговля нанесла сокрушительный удар по ослабевшей Индии.

Освободительная борьба индийского народа, которая происходила при непосредственном участии армян, живущих в Индии, несмотря на поражение, не прошла бесследно для армян. Она оказала влияние на формирование идей таких передовых мыслителей и деятелей армянского освободительного движения в Индии, как Иосиф Эмин, Шахимир Шахамирян, Мовсес Баграмян и др.

ПРИЛОЖЕНИЕ «ИСТОРИИ ИНДИИ»

Немалый интерес представляет последняя глава «Истории Индии» Товмаса Ходжамалаяна—«Об усыновлении правителем Акбаром сына господина Аюнджана Джугаеци, которого звали Зу-л-Карнайн».

Как уже говорилось выше, эта глава впервые была опубликована в журнале «Штемаран» под заглавием «Об усыновлении Зу-л-Карнайна индийским царем Акбаром»¹.

Вторично текст был опубликован в калькутском армянском еженедельнике «Азгасер»². Несмотря на то, что издатель М. Тахиадян не указал на источник, откуда взят текст, даже беглый взгляд не оставляет сомнений, что его основой послужила не сама «История Индии», а текст, изданный журналом «Штемаран».

Впоследствии арменовед Александр Ерицян (Ерицов) сжато привел рассказ Т. Ходжамалаяна о Зу-л-Карнаине в серии своих статей «Армянские богатые завещания» в газете «Кавказ»³.

¹ См. «Շտեմարան», 1832, стр. 833—839.

² См. «Ազգասեր», 1845, № 8.

³ См. «Кавказ», Тифлис, № 81. 82—84 за 1883 г.

В 1918 г. Гарегин Левонян, один из крупных специалистов армянской печати и периодики, по-видимому, имея в основе «Штемаран», напечатал в журнале «Айкашен»⁴ о Мирзе Зу-л-Карнаине статью «Индийские поэты, по национальности армяне, в XVI веке». Г. Левонян, вместо того чтобы разыскивать в армянских, индийских или европейских источниках исторические факты и данные, освещающие события рассказа, всю свою статью посвятил пересказу его содержания и толкованию происхождения имени героя и сделал весьма ненаучный вывод, что Зу-л-Карнаин—это армянское имя Сурен.

Не вдаваясь в подробности и не установив, что послужило источником для рассказа, Г. Левонян приписал его «неизвестному индийскому автору». По его мнению, редактор «Штемарана», который перевел рассказ, плохо владел языком индийского оригинала—неправильно прочитал в тексте имя героя рассказа. Ученого, по-видимому, ввели в заблуждение комментарии редактора, данные к тексту рассказа, в которых говорится, что текст взят из «Истории Индии» и «*սրբազան է*», но имя автора «Истории» не упоминается. Слово «*Սրբազան է*» в грабаре означает «собрать», «корректировать», «обработать», а не «переводить», как это неправильно понимает Г. Левонян.

Статью Г. Левоняна в 1919 г. перепечатал журнал «*Փրփրիկ*» («Пюник», Нью-Йорк)⁵. В следующем же номере этого журнала по поводу статей Г. Левоняна напечатано письмо проф. Вагана Тиракяна⁶. Автор письма отмечает научное толкование имени Зу-л-Карнаин Г. Левоняном и утверждает, что оно не искажено. По сообщению Тиракяна, «Зу-л-Карнаин»—это арабское слово и означает «двурогий».

Некоторое время спустя в «Фениксе» была напечатана статья ориенталиста Шахана Натали, посвященная статье Г. Левоняна⁷.

Ш. Натали в отличие от Г. Левоняна критически разобрал весь рассказ о Зу-л-Карнаине, приведенный в

⁴ См. «*Հայկազեն*», 1918, № 1—2.

⁵ См. «*Փրփրիկ*», Նյու-Իորք, 1919, էջ 509—510.

⁶ См. там же, стр. 546—548.

⁷ См. там же, стр. 576.

статье, и постарался рассказать в индийских и европейских источниках исторические факты, проливающие свет на личность Зу-л-Карнайна. В конце своей статьи автор привел несколько четверостиший, которые, по его мнению, принадлежат перу Зу-л-Карнайна.

И наконец, Зу-л-Карнаину три обширные главы посвятил М. Сетян в своей книге «Армяне в Индии». Особенно обширна глава «Мирза Зу-л-Карнаин и иезуиты». Маститый ученый с присущей ему добросовестностью и требовательностью разыскал десятки источников и исследований, путевые записки и письма, нашел в них десятки фактов, говорящих о Мирзе Зу-л-Карнаине как поэте, так и политическом деятеле. Сетян самым подробным образом во всех трех главах на фоне исторических событий Индии рисует образ Зу-л-Карнайна.

В приложении к «Истории Индии» Т. Ходжамальяна рассказывается следующее. Во время царствования Акбара из Джуги в Индию приехал купец-армянин некий Аконджан (Акон), обосновался в Кашмире и занялся торговлей. Спустя некоторое время посетивший Кашмир Акбар на улице случайно увидел сына армянина, который ему очень понравился. Бездетный в то время император уговорил отца отдать ему ребенка и усыновил маленького армянина, назвав его Зу-л-Карнаином, а его отца взял к себе на службу. Спустя год одна из жен Акбара родила сына, которого впоследствии звали Джахангир. Наследник трона и его приемный брат росли и воспитывались вместе во дворце Великого Могола. Уже зрелым человеком Зу-л-Карнаин получил должность управляющего соляными промыслами в Лахоре и Замбахаре, а впоследствии управление Замбахарским краем.

В конце своей жизни он отошел от политики, занялся сочинением песен и стихотворений и стал одним из знаменитых сочинителей индийских песен. Ходжамальян пишет, что стихи и песни Зу-л-Карнайна как лучшие образцы поэзии того времени вошли в сборник «Рагмала».

Из исследований Сетяна, Ш. Натали и других видно, что в «Акбарнаме» и «Айни Акбари», в которых самым подробнейшим образом говорится о жизни Великого Могола и аккуратно упоминаются имена всех тех, кто так или иначе был связан с двором шаха Акбара или по

той или иной причине посетил его, не встречалось ни имени Зу-л-Карнайна, ни какого-либо упоминания об усыновлении Акбаром армянина.

Таким образом, сообщение Ходжамалияна об усыновлении императором Акбаром армянина Зу-л-Карнайна при дворе Великого Могола в эпоху Акбара как будто не подтверждается.

Совершенно другая картина выясняется после исследования источников периода Джахангира. Почти детально подтверждаются все факты, приводимые Т. Ходжамалияном в приложении к «Истории Индии». Об этих фактах говорят как индийские, так и европейские источники. К сожалению, о них ничего не говорят армянские источники.

В источниках периода Джахангира сохранились интересные сведения о Зу-л-Карнаине. Только в отличие от армянского источника, где отца Зу-л-Карнайна называют Аконом, в них он именуется Искандером. О Зу-л-Карнаине самые ценные сведения сообщает сам Джахангир: «Зу-л-Карнаин является сыном Искандера, того армянина, которому довелось быть на службе у Акбара...»⁸.

Искандер, по свидетельству других источников, управлял правительственными соляными промыслами в Замбахаре, а затем в Лахоре. Ряд современников подтверждает, что он благодаря женитьбе на дочери армянина Ходжа Абдул-хана, главного судьи Акбара, сблизился с двором и с правителем Акбаром.

Вот цитата из книги Сетяна. Сведения взяты им из отчета одного католического священника, написанного в 1628 году.

«Когда в Индии царствовал царь Акбар, туда, во дворец, прибыл почтенный человек, армянин по имени мирза Искандер (Александр), уроженец Халеппо. Царь приказал встретить его с почестями, так как он, будучи молодым джентльменом, обладал прекрасными способностями и среди прочих талантов—знанием различных языков, в особенности португальского. В течение нескольких лет он жил в больших городах Индии в качестве купца. С этих пор царь не только возвел его в ка-

⁸ М. J. Seth, *Armenians in India...*, p. 4.

валеры, по женил на одной из девушек, по имени Юлиана, дочери другого почтенного армянина—Ходжи Абдаллаха, которого знал и я. Благодаря этой связи мирза Искандер был еще более почитаем при дворе. Первородный сын мирзы Искандера от названной Юлианы—наш учредитель мирза Зу-л-Карнайн. Это имя было дано ему самим царем в знак его к нему благоволения. Это было имя Александра Великого, которого индийцы зовут Скандер Зу-л-Карнайн»⁹.

Правда, в этом сообщении не совпадают имя отца Зу-л-Карнайна (в армянском тексте—Акоп Акопджаян, в письме—Искандер) и место, откуда он приехал (в армянском тексте из Джуги, а в других—из Алеппо), но зато мы имеем свидетельство современников и очевидцев, что при дворе Акбара служил армянин, сына которого звали Зу-л-Карнайн. Для изучения армяно-индийских взаимоотношений представляют большую ценность сведения о службе армянина Искандера, Ходжа Хая¹⁰ и других при дворе Акбара.

Интересно, что в июне 1609 г. некий архимандрит Овсен написал письмо в Индию знаменитому Ходжа Воскану с просьбой разузнать и сообщить что-либо о его брате Искандере¹¹, который уже много лет находится в Индии и занимается торговлей... «Доходят слухи, что последнее время он находился в Лахоре». Интересно, не о нашем ли Искандере идет речь? Ведь известно, что Искандер (отец Зу-л-Карнайна) как раз в эти годы имел монополию на торговлю солью и жил в Лахоре.

Во времена Джахангира Искандер подвергся гонению, так как отказался принять ислам. В 1613 г. он скончался.

Совершенно другая картина предстает после исследования источников по истории Индии сразу после царствования Акбара. О Зу-л-Карнайне как о крупном

⁹ M. J. Seth, *Armenians in India...*, p. 39.

¹⁰ Согласно «Айни Акбари», Абдул Хай действительно был армянином. Его полное имя было Ходжа Мир Абдул Хай Мир Табака. Он занимал должность главного судьи при дворе Великого Могола. В «Акбар наме» он упоминается как активный участник религиозных дискуссий, организованных Акбаром.

¹¹ См. Ф. Տեր-Նովմեցյան, *Պատմություն Երբ Ջալալի, հտտ. III*,

политическом деятеле и известном поэте, начиная со времени Великого Могола Шаха Джахангира и кончая перепишкой иезуитов, действующих в это время в Индии, источники говорят очень обстоятельно и детально. По их свидетельству, после смерти матери Зу-л-Карнаина и его брата «царь отдал одной из своих жен, которая была бездетна. По приказу шаха она должна была усыновить их и воспитывать как своих родных детей». Она выполнила этот приказ. Дети воспитывались при царском дворе. По свидетельству Сетяна, она была армянкой, по имени Юлиана¹².

По-видимому, именно этот факт и послужил поводом приписать Акбару факт усыновления Зу-л-Карнаина.

У Ходжамаяна говорится, что «когда Зу-л-Карнаин стал совершеннолетним, король Акбар подарил ему жамбир с городом Хугли, а также поместье в провинции Замбахар в Акбарабаде, откуда получают благородную соль...»

А вот что свидетельствует сам император Джахангир. Совсем еще молодому Зу-л-Карнаину, который «...был умен и любил работать, во время моего царствования главный диван доверил вести дела, касающиеся правительственных разработок соли в Замбахаре. Возложенные на него обязанности он выполнил честно. Теперь он назначен фаудждаром этих областей».

Исследование других источников показывает, что действительно после смерти отца с 1613 г. в руках Зу-л-Карнаина было управление соляными копями на Замбахарском озере с ежегодным доходом в пять-шесть лакхов рупий¹³.

В годовом отчете из Гои за 1619 г. Зу-л-Карнаин упоминается в должности наместника Замбахара. Некый Микел Анджело Луалади в 1619 г. писал: «...уроженец Армении Мирза Зу-л-Карнаин властвовал на Замбахаре с 1619 г., имея титул губернатора»¹⁴.

В одном из номеров калькуттского армянского журнала «Азгасер Араратян» некий Арутюн Куртюнян из

¹² См. M. J. Seth, *Armenians in India...*, p. 68.

¹³ См. там же, стр. 10.

¹⁴ Там же, стр. 61.

Шандернагора опубликовал очень интересное сообщение. Автор пишет, что в Шандернагоре долгое время сохранялась медная дощечка, на которой была выгравирована надпись о передаче Хугли как джагира в дар Зу-л-Карнайну от Великого Могола. Арутюнян с болью пишет, что эта дощечка была похищена каким-то священником, продана англичанам и, тем самым была «опозорена армянская нация в Индии»¹⁵.

Имя Мирзы Зу-л-Карнайна как «губернатора Лахора» источники упоминают с 1648 г.

У Ходжамалияна говорится, что после смерти Акбара взаимоотношения Зу-л-Карнайна со двором испортились. Основная причина этого заключалась в том, что Зу-л-Карнайн не поздравил нового императора с коронацией. На самом деле причина обострения взаимоотношений между императором и Зу-л-Карнайном заключалась в другом. Джахангир пытался заставить Зу-л-Карнайна принять ислам, отчего тот категорически отказался. Поэтому и начались преследования и гонения на Зу-л-Карнайна. Дошло даже до того, что его арестовали, а потом освободили, подвергнув большому штрафу.

Знаменитый путешественник Энард в своих путевых заметках по Индии пишет, что «джагирдар Замбахара Зу-л-Карнайн, который был армянином и самым богатым человеком в Индии, был посажен в тюрьму Джахангиром. Он подвергся такому штрафу, что почти разорился».

Заплатив выкуп в 8 лакхов рупий, он вышел из тюрьмы. За короткий период ему удалось опять достичь расположения царя, а в 1649 г. он вновь был во главе своего джагира.

И все-таки в конце концов Зу-л-Карнайн был вынужден бросить управление Замбахаром и другими районами и уйти с политической арены. Жил он в Дели, получая от двора пенсию. Там он и умер в 1659 г.

У Т. Ходжамалияна далее говорится, что Зу-л-Карнайн «отошел от своих дел и предался пенню, что на индийском языке называется раг. Он так преуспел в

¹⁵ «Աղբյուրը Արարտիկան», 1852, էջ 612.

этом, что не уступал старым певцам. В индийской книге «Рагамала» прославилось его имя».

Сохранившиеся в индийских и европейских источниках многочисленные факты подтверждают, что действительно Зу-л-Карнаин был одним из знаменитых поэтов и сочинителей своего времени. Он впоследствии достиг такого мастерства, что его произведения были представлены во дворец Великого Могола. Об этом свидетельствует сам правитель Индии Джахангир в своих знаменитых мемуарах, где высоко оценен музыкальный и поэтический талант Зу-л-Карнаина.

Говоря о назначении Зу-л-Карнаина заминдаром Замбахара, Джахангир добавляет: «Он (Зу-л-Карнаин) является истинным сочинителем индусских песен. Его манера в этом направлении была оригинальной. Его сочинения часто читались мне и получали мое одобрение»¹⁶.

Современники подтверждают также и то, что Зу-л-Карнаин был не только маститым поэтом и признанным композитором, но и драматургом, певцом и чтецом.

Зу-л-Карнаин сочинял исключительно на персидском языке, который в то время являлся государственным языком страны Великого Могола.

М. Сетян в своей книге приводит одно очень интересное свидетельство из рукописной книги Британского музея «Падишах-наме» об одной поэме Зу-л-Карнаина, которую он посвятил восшествию Шаха Джахана на трон. Император высоко оценил сочинение поэта, вознаградив его четырьмя тысячами рупий. Известна была и другая большая поэма Зу-л-Карнаина, посвященная переводу шахом Джаханом столицы из Агры в Шахджаганбад. Эту поэму он написал по поручению императора¹⁷.

Современник пишет: «...Император предложил Мирзе, далеко превосходящему талантом других поэтов этих областей, написать одну пьесу или поэтическое произведение. Он с большим мастерством справился с возложенной на него задачей и написал превосходные стихи».

¹⁶ См. M. J. Seth, *Armenians in India...*, p. 60.

¹⁷ См. там же.

Мирзу Зу-л-Карнайна как крупного музыканта и поэта упоминают другие индийские источники. Ател Салех в своем большом труде, посвященном царствованию Шах Джахана, упоминает поэта по имени Зу-л-Карнайн Ференги (т. е. христианин, иностранец) и говорит, что он был общим любимцем при дворе, так как был редкостным знатоком музыки Хиндостана и его мелодий¹⁸.

Проф. Шахан Натали провел кропотливую работу по разысканию сборника песен «Рагамала», стихов Зу-л-Карнайна.

После долгого и упорного труда ему удалось, как он предполагает, отыскать четверостишие Зу-л-Карнайна в сборнике индийской поэзии, который озаглавлен «Рагамала». Как у Роджерса и Садаха Атела, и здесь Зу-л-Карнайн упоминается как «*Phirhngi*» (ференги). Принимая во внимание сообщения Александра Роджерса, который упоминает имя Александра Зу-л-Карнайна Ференги, профессор Шахан Натали предполагает, что тут действительно имеет место четверостишие Зу-л-Карнайна¹⁹.

Предположение Шахана Натали можно считать правдоподобным, так как в истории Индии этого периода (и вообще) неизвестно другого поэта с этим именем, который к тому же был бы столь знаменитым, что его стихи смогли войти в сборники индийских песен.

К сожалению, кроме этого четверостишия (если считать, что действительно его автором является Зу-л-Карнайн) о других его работах, не считая отдельных упоминаний, ничего не известно.

Нам не удалось выяснить, сохранилось ли что-нибудь из работ поэта или нет. Нам кажется, что если бы что-либо сохранилось, вряд ли это могло бы ускользнуть от внимания Месровба Сета.

Но самым ценным в рассказе Т. Ходжамаяна, конечно, остается его сообщение об основании одной из древних армянских общин в Индии в новой столице Великого Могола Акбарабаде (Агре) и о том внимании

¹⁸ См. там же.

¹⁹ См. «*Phirhngi*», *Ист.-Фил.*, 1919, № 592.

и заботе, которые проявил один из великих правителей Индии Акбар-шах к армянам.

В «Истории Индии» говорится, что после того как по приказу великого правителя Индии в Агре была построена для армян церковь и послано приглашение армянам приехать в Акбарабад на постоянное жительство, ...из Джуги приехали архимандриты, священники и многие семьи армян, которых Акбар принял с большими почестями, наделил их 5000 бигхов земли в Акбарабаде для строительства домов и других зданий, для разведения садов и виноградинок.

Может быть Ходжамаали приводит преувеличенное число, называя 5 тыс. бигхов земли, выделенных Акбаром армянам, но факт выделения земли в Акбарабаде для приезжих туда армян не подвергается сомнению.

Армянский журнал в Индии «Азгасер» об этом пишет: «После того, как выделен был армянам земельный участок, Акбар приказал построить для них церковь и пригласить армянских священников, чтобы армяне могли исповедывать свою веру. Услышав об этом, многие семьи армян... приехали в Акбарабад, где Акбар принял их всех с почестями...»²⁰.

Такое отношение со стороны Акбара к армянам имело свои причины. Акбар, будучи хорошо осведомлен о таланте армян и их честности в торговле, рассчитывал развивать торговлю своей страны, пользуясь посредничеством армян.

«По-видимому, Акбар благоволил к армянам, покровительствовал им,—пишет А. Алпояджян.—Обосновавшись в новой столице Великих Моголов Агре (Акбарабаде), пользуясь великодушием великого правителя, им удается основать ряд торговых учреждений в 1562 г., что свидетельствовало об образовании организованной колонии»²¹.

Такое доброжелательное отношение имело положительные последствия. Вскоре в Акбарабаде в армянской общине жизнь забила ключом. Армяне вокруг своей

²⁰ «Ազգասեր», Գաղղախիտ, 1845, էջ 119:

²¹ Խ. Ալպոյաճյանի, Պատմութիւն հայ գաղթականութեան, հատ. Գ, Տաւր Խ, էջ 298-299:

церкви построили торговые дома, ремесленные мастерские и постепенно включились в экономическую и политическую жизнь Индии²².

О довольно-таки хорошем положении армянской общины в Акбарабаде в конце XVI века упоминает португальский моряк Хором Касавье, который в конце XVI века как член португальской делегации посетил Акбарабад²³.

К сожалению, кроме отдельных упоминаний, мы ничего не знаем о подробностях жизни первого пятидесятилетия этой армянской колонии. Начиная с 30-х годов XVII века сообщений об армянах становится гораздо больше. О них говорят не только армянские, но и европейские источники.

Особенно интересные факты сообщает Маврик, который с 1629 по 1643 г. был в Индии и посетил Агру. Он пишет, что в это время армяне развели в Агре кипучую деятельность. Особое внимание он обратил на деятельность армянского караван-сарая в Агре, где не только обсуждались вопросы внутренней жизни колонии, но и совершались деловые операции. Этот караван-сарай был так знаменит, что о его существовании знали даже в Европе. Многие приезжие из Европы в Агру обращались к армянам за советом.

В своем «Путешествии в Индию» Тавернье (XVII в.) приводит следующий интересный факт. Однажды, когда шах Джахан пошел навестить одного больного армянина, по имени Котаджан, которого он очень любил и почитал и услугами которого пользовался во многих делах, он услышал, как иезуиты, живущие в соседнем доме, звонят в колокол. Звон этот привел шаха в ярость, так как беспокоил больного. И шах в гневе приказал снять этот колокол²⁴.

Ходжамалиян предполагает, что этот больной армянин был, по-видимому, Зу-л-Карнайн. Не столь даже важно, кто именно был этот больной. Факт посещения самим правителем Великого Могола больного армянина

²² См. M. J. Seth, *Armenians in India*, p. 68.

²³ См. Архив Матенадарана, фонд Католикосов, д. 77, л. 499.

²⁴ См. M. J. Seth, *Armenians in India...*, p. 69.

показывает, в каком почете и уважении были армяне в Агре.

О многолюдности и известности армянской общины в Агре говорит и тот факт, что в XVI в. духовный глава армянского народа из Эчмиадзина счел нужным с официальным визитом отправить в Индию архимандрита Закарию.

Таким образом, полностью подтверждается большинство фактов, которые сообщает Т. Ходжамалиян в «Приложении» к «Истории Индии».

Но нам кажется, что «Приложение» написано Ходжамалияном на материале легенд, в отличие от материала «Истории Индии». По всей вероятности, он записал и изложил его в таком виде, в каком услышал от народа. Об этом говорит и язык «Приложения», явно отличный от всего остального текста. Эти легенды, созданные армянами Индии и Ирана, сообщали о дружественных связях в далеком прошлом армянского и индийского народов и о покровительстве первым армянским переселенцам со стороны Акбара.

«ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ХАЙДАРА АЛИ-ХАНА» АҚОПА СИМОНЯНА

О событиях второй половины XVIII века в Майсоре, и, в частности, о самом видном политическом и военном деятеле этого периода не только в Майсоре, но и во всей Индии Хайдаре Али написано много исследований, опубликован ряд источников: официальные документы, мемуары, хроники, биографические работы и т. д.

Первым биографом Хайдара Али считали Чарльза Стюарта (1764—1877). В 1809 г. в каталоге рукописей библиотеки Типу, захваченной англичанами, проф. Стюарт в качестве приложения дал составленные им биографии Хайдара и Типу.

В 1786 г. в Лондоне была опубликована мемуарная работа капитана Робсона¹. Робсон во время второй англо-майсурской войны командовал конным отрядом англичан. В своей работе он идет на прямую фальсификацию фактов. Робсон умышленно преувеличивает количество войск Хайдара и уменьшает численность англичан во время того или иного сражения с «целью возвеличить славу английского оружия».

Несравненно объективнее и ценнее, чем работы Робсона, мемуары начальника его артиллерии француза мэтра де Ла Тура. Особенно подробно им описаны два

¹ См. Francis Robson, *The Life of Hydar Ally; with an account of his usurpation of the Musore, and other contiguous Provinces to which is annexed genuine narrative of the sufferings of the British prisoners of war taken by his Tippu Saib.* London, M. DCL. XXXVI.

похода Хайдара Али на Малабар². Для изучения жизни и деятельности Хайдара Али большую ценность представляют маратхская хроника Рама Чаидры Рао Паннагури и история Хайдара Али и Типу, написанная сыном Типу Султана—Гуляем Али Мухаммедом.

Историку, занимающемуся изучением жизни Хайдара Али, необходимо знать такую работу, как хроника Кермани «Нишан-и Хайдари» («Воспоминания о Хайдаре»).

Из современных исследований большую ценность представляет работа проф. Нарендра Кришна Синха³. Правда, после появления в свет великолепной монографии Хаувадана Рао⁴ (в которой часть второго тома и около половины третьего посвящены истории Майсура того периода, когда страной управлял Хайдар Али), являющейся результатом почти пятидесятилетней кропотливой работы, работу Нарендра Кришна Синха можно считать несколько менее ценной, хотя Синха после девятилетней обработки и получения новых данных переиздал свою работу. Много интересного о жизни и деятельности Хайдара Али можно встретить в работах М. Вилкса⁵, В. А. Смита и других исследователей истории Индии.

К сожалению, в советской историографии о Хайдаре Али или об истории Майсура в период Хайдара почти ничего нет. Исключение составляют две работы доктора исторических наук К. А. Антоновой. Первая из них—«Английское завоевание Индии в XVIII в.», где в трех обширных главах подробно рассмотрены вопросы социально-экономического положения, англо-майсурская борьба (1767—1789) и завоевания Майсура (1784—1799). Автор на фоне общей истории Майсура говорит о Хайдаре

² См. MMDLT, *Histoire d'Ayder-All-khan, navab-behader.* t. I-II. Paris, 1783.

³ См. N. K. Sinha, *Haidar Ali*, Calcutta, 1949.

⁴ См. С. Hayavadana Rao, *History of Musore (1399—1799)*, vol. I—III, Bangalore, 1943—1948.

⁵ См. M. Wilks, *Historical sketches of the Soutches of India in an attempt to trace yhe history of Mysore...* vol. I—III, London, 1810—1814.

Али, характеризует его как военного и политического деятеля и человека. Вторая работа называется «Англо-французская борьба за Индию и роль государства Майсор в 1769—1784 гг.». «Жизнеописание Хайдара Али» или, как его называет автор, «История жизни и деятельности храброго Хайдара Али со дня рождения до его смерти» Акопа Симоняна является первой попыткой в советском востоковедении опубликовать оригинальный источник о Хайдаре Али.

Работа написана индийским армянином Акопом Симоняном. К сожалению, поиски в рукописных фондах Матенадарана, архивах Еревана, просмотр опубликованных и неопубликованных каталогов рукописей Н. Джуги, Вены, Венеции, Иерусалима, Антилиаса и других хранилищ и архивов армянских рукописей и документов не дали никаких данных о Симоняне. О нем молчат также армянские журналы и другие опубликованные работы в Индии и Иране. Неизвестны даты его рождения и смерти, мы не знаем откуда он родом, сколько лет жил в Индии и как он появился там. Остается лишь сделать предположение, что он один из тех многочисленных армян Н. Джуги, которые нашли в Индии спасение и приют. Судя по работе, которая после него осталась, он имел довольно хорошее образование. Из его «Жизнеописания» известно, что он неоднократно встречался с самим Хайдаром, с англичанами, французами и имел с ними беседы, с каждым говорил на его родном языке. Исключено, что Акоп Симонян пользовался услугами переводчика, так как, излагая факты, он употребляет выражение: «Я говорил, я спросил, меня спросили и т. д.». Получается, что он, кроме родного языка, владел английским, персидским, французским, каннара, а может быть, и другими языками Индии. В этом нет ничего удивительного. Известны сотни армян в Индии, знавшие эти языки. Иначе и не могло быть. Купец, имевший торговые дела с индийцами и другими народами Азии и Европы должен был знать их языки, чтобы успешно вести торговые сделки.

Автор «Жизнеописания» был купцом, по-видимому, поддерживавшим тесные связи с верхушкой как местных правителей, так и европейских Ост-Индских

компаний. Его лично знал Хайдар Али, имел с ним переписку и видимо был в дружеских отношениях. Он был так близок с Хайдаром, что даже старался использовать свои связи в интересах индийских армян. «В 1778 г. в декабре месяце,—пишет Симонян,—я пошел во двор навестить наваба Бахадура с намерением получить от него указ о разрешении армянскому народу заниматься свободной торговлей в его государстве. Там, у Хайдара, я был встречен с большими почестями. Наваб Бахадур обещал дать армянскому народу все, что я просил. Я просил у него, кроме разрешения торговать, также, чтобы мой народ, армяне, был свободен от всяких пошлин и податей».

Вероятно, только очень близкие и дружеские отношения между Аконом Симоняном и Хайдаром Али позволили ему поставить такой важный вопрос перед Хайдаром и тут же добиться его положительного решения.

Из материалов «Жизнеописания» видно, что Акон Симонян был частым гостем майсорского двора, посещал не только семейные праздники Хайдара (свадьба сыновей), но и совещания, посвященные обсуждению важных политических событий. Он был очевидцем того, как Хайдар составлял секретные письма и отправлял их в Дели, Катак, Пуну, бывал у Хайдара во время приема английского «посланника-падра» и т. д. О близких взаимоотношениях Хайдара Али с Аконом Симоняном говорит следующее письмо Хайдара, написанное им из Кондживерама: «Желаю тебе доброго здоровья. Сейчас я нахожусь в стане армии. Мне нужны двадцать флаконов розового масла. Прошу тебя, пошли мне их и напиши, сколько они стоят, чтобы я послал тебе за них деньги». С разрешения местных властей Симонян отправил розовое масло и тут же получил за него причитающуюся сумму.

Вероятнее всего, большую часть своей жизни он прожил в Южной Индии, в Майсоре, но по торговым делам бывал в Серингапатаме, Майсуре, Беднуре, Читталдруге, Сире, Хайдар-Нагаре и других местах.

Иногда, говоря о взятии того или иного города Хайдаром, Акон Симонян, как очевидец, дает яркое описание торжественных приемов, которые давались побе-

дителями, или картины страшного разрушения и грабежа, которому подвергались побежденные города.

По-видимому, уставший от скитальческой, полной опасностей и тревог жизни, он уехал на склоне лет в Мадрас и обосновался там. Судя по описаниям страшного голода и разрушений, он перенес сам все тяготы, выпавшие на долю осажденного Мадраса. Об Акопе Симоняне мы больше ничего не знаем. Между прочим, даже такой крупный специалист, как Месровб Сет, о нем ничего не говорит.

Неизвестно также, когда Симонян начал и когда окончил свою работу. Судя по всему, она является результатом работы не одного года. По-видимому, в свое время он составлял дневник, который и использовал впоследствии. Во всяком случае работа им начата еще при жизни Хайдара Али, потому что, говоря о захвате Хайдаром власти в Майсоре, он пишет: «Хайдар... стал фактическим хозяином страны, каким и является до сих пор». Свою работу Акоп Симонян окончил уже после смерти Хайдара.

Внимательное исследование «Жизнеописания» позволяет сделать вывод, что автор в основном пользовался своими личными наблюдениями, своими дневниками, рассказами очевидцев и т. д. Он фактически является хронистом, фиксирует все то, что происходило перед его глазами. Он очевидец всех событий, которые происходили в период 1761—1784 гг., до смерти Хайдара.

Рассказывая о детстве и юности Хайдара Али, автор использует созданный, по-видимому, уже после его воцарения рассказ, носивший явно легендарный характер.

Акопу Симоняну, вероятно, хотелось, чтобы армяне в Индии хорошо знали жизнь и деятельность одного из крупнейших деятелей Индии того времени, чтобы индийским армянам были известны история и обычаи страны, где они жили. Автор так говорит о цели написания своей работы: воспитать в армянах дух симпатии, любви и уважения не только к Хайдару Али, но и ко всему индийскому народу. Почему выбрана такая цель, понятно, если учесть, что книга написана человеком, который жил в Мадрасе, находившемся под английским владычеством. Автор не описывал колонизаторов Лалли, Клайва и дру-

гих и не присоединялся к хору, восхвалявшему «подвиги» англичан и французов в Индии.

Работа Симоняна написана на древнеармянском языке и в отличие от «Истории Индии» Т. Ходжамалияна не содержит слов и выражений поводжугинского диалекта. Стиль автора прост и понятен.

Судьба оригинала «Жизнеописания» неизвестна. Список 1793—1795 гг. находился в Мадрасе в редакции первенца армянской периодики «Аздараре» и был постепенно полностью опубликован («Аздарар», Мадрас, 1794—1795 гг., стр. 245—253, 287—297, 346—354, 414—425, 478—485, 531—541, 595—597, 652—659, 692—695)⁶. В библиотеках мира хранятся три экземпляра «Аздарара», которые представляют большую ценность. Работу Симоняна Арутюн Шмавонян издал для того, чтобы познакомить своих читателей с жизнью одного из великих людей Индии, с историей страны и той борьбой, которую вели европейцы за захват Индии, с тем героическим сопротивлением, которое оказывали индусы колонизаторам.

В основном издатель остался верен тексту оригинала. Заметить и исправить ошибки и искажения не представляет больших трудностей. Этого нельзя сказать о расшифровке дат. Для облегчения чтения при печати армянские буквы заменены цифрами.

Здесь вкрались неточности и путаница. К сожалению, не было возможности узнать, согласно какому армянскому календарю были расшифрованы даты.

Нам кажется, что оригинал работы Акопа Симоняна все-таки не потерян, рукопись может находиться в одном из хранилищ армянских рукописей, может быть в хранилище Антилиасского армянского монастыря в Ливане.

Известно, что основной архив «Аздарара» перешел к «Азгасеру» и «Азгасер Араратяну». Известно также, что, когда Тахнадян уезжал из Индии, он взял с собой как весь свой архив, так и основную часть архива «Аздарара» и других журналов. Но, к сожалению, по пути он заболел и умер, а архив куда-то исчез. Только недавно

⁶ См. «Ազդարար», Մադրաս, 1794—1795, էջ 245—253, 287—297, 346—354, 414—445...

один советский ученый, посетив эти места, выяснил, что почти весь потерянный архив Тахиадяна находится в Антилиасе. По моей просьбе, в архиве Антилиаса сейчас ведутся розыски рукописи Симоняна.

После издания работы Акопа Симоняна за прошедшие 160 лет никто ни из арменистов, ни из востоковедов не обратил на эту работу внимания. О ней только упоминали, когда составляли и опубликовывали библиографию «Аздарара». Насколько нам удалось выяснить, о ней ничего не сказано и на других языках.

Ценность древнеармянского текста по истории Майсора и особенно о жизни и деятельности одной из видных личностей в истории Индии—Хайдара Али—велика, поэтому и был предпринят мной перевод древнеармянского текста на русский язык. Как и к тексту «Истории Индии» Т. Ходжамалияна, мною составлены комментарии и даны текстологические поправки. Географические названия и собственные имена в древнеармянском тексте оставлены так, как они были даны автором. Часто эти имена и названия приведены не так, как они пишутся, а так, как они звучат в разговорной речи. В русском же переводе они исправлены мной.

Перевод «Жизнеописания» я старался делать так, чтобы быть более близким к тексту оригинала, ничего из него не выбрасывая, но в то же время избегать дословности.

Перевод как этого, так и другого памятника («История Индии» Т. Ходжамалияна) преследует цель привлечь внимание и пробудить интерес советских востоковедов, в первую очередь индологов, к армянским источникам об Индии и сделать эти источники предметом всестороннего и более внимательного исследования.

Основой для первой части «Жизнеописания» Акопа Симоняна, т. е. рассказа о детстве и юности Хайдара Али, как уже говорилось выше, послужила распространенная в Индии легенда, по-видимому, созданная после того, как Хайдар стал знаменитостью. Симонян к ней не относится критически. Он ее передает, вероятно, так, как слышал.

В первой части своей работы Акоп Симонян ничего нового и интересного не сообщает ни о Хайдаре Али, ни

об истории Майсора. В этой части «Жизнеописания» очень часто упоминается имя дяди Хайдара со стороны матери—Мир Сахиба как покровителя и воспитателя Хайдара Али. По армянскому источнику, это он с самого детства воспитывал его, а не брат Хайдара—Шахбаз⁷. Мир Сахиб предоставил Хайдару небольшой отряд солдат, и по его личному ходатайству Хайдар был принят на военную службу. Интересно, что об Ибрагиме Сахибе другие источники ничего не говорят. Лишь Вилкс о нем мельком упоминает как о начальнике крепости Бангалор⁸ и один раз—как о дяде Хайдара⁹. Тем не менее сообщение армянского источника об Ибрагиме Сахибе можно считать достоверным, так как Симонян говорит о нем в дальнейшем очень часто и очень подробно, каждый раз оговаривая, что он дядя Хайдара. Об Ибрагиме Сахибе автор пишет как об одном из лучших командиров майсорской армии, участвовавших почти во всех больших походах Хайдара Али против маратхов и англичан.

Кратко изложив жизнь Хайдара в период его юности, охарактеризовав его как очень смелого, отважного, храброго юношу, влюбленного в военное дело, Симонян далее пишет о первом настоящем боевом крещении Хайдара Али в боях за Тричинополи. О событиях при Тричинополи Симонян упоминает дважды. Первый раз, излагая материал, он путает ряд событий, имевших место до этого. Во второй раз Симонян сообщает достоверные и проверенные факты.

По армянскому источнику, во время похода майсорских войск Хайдар командовал отрядом из 500 пехотинцев (о численности всех майсорских войск, шедших на помощь союзникам-французам, Симонян сообщает противоречивые цифры—3000 и 10000). Автор армянского источника, по-видимому не очень хорошо осведомленный об этих событиях, допустил ряд неточностей. Например, взятие обманом Тричинополи в 1731 г. и казнь правительницы-раны автор путает с событиями

⁷ См. С. Hayvadana Rao, *History of Mysore...*, vol. III, p. 515.

⁸ См. N. K. Sinha, *Haidar Ali...*, p. 24.

⁹ См. M. Wilks, *Historical sketches of the South of India...*, vol. I, London, 1810, p. 462.

1749—1752 гг. Симонян (или издатель), перепутав факты, Чанда Сахиба, врага Майсора, против которого сражались войска Хайдара, считает союзником Майсора.

По Симоняну, основная часть майсорских войск, долгое время не получая жалованья, выразила недовольство и оставила своего союзника. Хайдар не подчинился приказу своего командира и до последнего дня, до завершения военной кампании и взятия Тричинополи, активно участвовал в военных операциях.

Последующие события в работе Симоняна описаны подробно. Через пять лет после этих событий Хайдару удалось довести численность своих войск до 15 тысяч всадников и 3 тысяч пехотинцев. Он «... ежедневно сам учился и обучал свои войска военному делу...». Имея своим покровителем главнокомандующего Наджараджа и опираясь на свою хорошо обученную, преданную армию, «фатех Хайдар получил возможность действовать по своему усмотрению, не считаясь ни с кем. Это привело к тому, что вся знать города начала злословить по его адресу, так как боялась последствий».

Это было в тот период, когда тяжелое политическое и финансовое положение привело к столкновению между главнокомандующим майсорских войск Наджараджем и правителем страны. Хайдар Али, воспользовавшись этим, перешел на службу к радже. «Тот принял его с великими почестями, наградил, поручил ему командовать 20 000 конников и провозгласил его вторым командующим страны». Получив такую высокую должность, Хайдар старался угодить своему правителю и завоевать его доверие. В столкновении с первым главнокомандующим Хайдар вышел победителем. Новый главнокомандующий начал действовать самостоятельно. Он назначил командиров по своему желанию, старался привлечь всех на свою сторону. Скоро никто не осмеливался противоречить его приказам. Фатех Хайдар ни с кем не советовался. Он был человеком принципиальным и сообразительным, с большим упорством учился сам и обучал свои войска военному мастерству».

Самостоятельные действия Хайдара восстановили многих против него. О его намерениях начал догады-

ваться правитель Майсора и насторожился. Двор начал готовить заговор против Хайдара Али.

Симонян подробно говорит об известном заговоре против Хайдара Али, организованном Кхаде Рао. Заговорщики, пользуясь тем, что основные силы Хайдар отправил на помощь французам, сосредоточили свои войска и внезапно напали на его лагерь. Хайдар сопротивлялся до вечера. Пользуясь темнотой, захватив ценности, бросил семью на произвол судьбы и бежал к себе в Бангалор.

Армянский источник приводит новые подробности: во-первых, выясняется, что Хайдар Али с семьей и близкими был изолирован на маленьком острове реки Кавери. «Раджа,—пишет Симонян,—начал сомневаться в верности Хайдара, так как чувствовал его недобрые намерения, поэтому приказал оставить все войска в городе (Серингатаме.—Р. А.), а ему самому с близкими жить за городом. Место, где обосновался фатех Хайдар, представляло собой островок, образованный излучиной реки... Фатех Хайдар вынужден был взять свое имущество, семью и близких, покинуть город и поселиться на этом острове...»

По армянскому источнику, Хайдар находился в изоляции месяцев пять. С ним осталось лишь 150 солдат из его охраны. По другим источникам, численность охраны чуть больше—300 человек, а верные ему 3000 солдат были на самом деле изолированы от него и не имели связи со своим командующим¹⁰.

Акоп Симонян отрицает факт нападения войск Кхаде Рао на лагерь Хайдара и побег Хайдара. По его сообщению, Хайдар через верного человека узнает о намерении мятежников утром напасть на него и арестовать. Чтобы ввести в заблуждение врага и не дать ему возможности догадаться о готовящемся уходе, Хайдар приказывает начать стрельбу из пушек и винтовок. Ночью он закапывает свои сокровища, переправляется на другой берег реки и уходит в Бангалор. Это сообщение можно считать более достоверным, чем сообщение других источников, ибо как бы храбро ни сражались

¹⁰ См. К. А. Антонова, Английское завоевание Индии..., стр. 171.

150—300 человек охраны Хайдара, они не смогли бы целый день противостоять натиску десятитысячной армии Кханде Рао¹¹. На следующее утро, когда началось нападение на лагерь Хайдара, солдаты Кханде Рао никого на острове не обнаружили¹².

Следовательно, по армянскому источнику, это было не паническое бегство, во время которого Хайдар даже бросил семью, а хорошо обдуманый и смело организованный прорыв из вражеского окружения.

В первую очередь Хайдаром были отозваны войска, находящиеся в Пондишери, во главе с Махдум Али-ханом. Между прочим Симомян, говоря об майсорских войсках, идущих на помощь французам и об отзывании этих войск, сообщает интересные сведения, из которых мы узнаем об одной из основных целей Хайдара—приобрести оружие. Хайдар, получив ответ французов о согласии на союз с Майсором, «...очень обрадовался, т. к. в его намерения входило приобретение у французов пушек и винтовок, в которых он так нуждался».

Армянский источник далее рассказывает о концентрации сил Хайдара и его выступлении против Кханде Рао. Известно, что очень большую роль в борьбе против Кханде Рао играли подметные письма Хайдара. Симомян подробно говорит о них, о той хитрости, благодаря которой Хайдар ввел в заблуждение раджу и Кханде Рао (у Симомяна он фигурирует в качестве «главного судьи»). До сих пор было известно только одно письмо, отправленное в лагерь армии Кханде Рао. Армянский источник же сообщает, что Хайдар сначала написал письмо правителю Майсора, в котором доказывал, что он (Хайдар) верен ему, но оклеветан врагами, и просит снова принять его на службу. На это письмо никакого ответа не последовало. Затем он написал и послал в лагерь противника письмо, «...якобы содержащее предложение о переходе к нему лучших военачальников армии Кханде Рао». Последний поддался на эту хитрость и, боясь предательства, ночью, тайком бросил армию и ускакал в Серинганатам. Без полководца войска рассеялись, значительная часть их перешла к Хайдару.

¹¹ См. Rao Hauwadana, *History of Musore*, vol. I, p. 551.

¹² См. N. K. Sinha, *Haider Ali*, p. 2n.

Из сообщения Симоняна мы узнаем и о другой хитрости Хайдара по отношению к радже. С помощью подметных писем он ввел в заблуждение также и раджу, использовав его против своего врага.

Акоп Симонян приводит одно из многочисленных писем, которые были направлены Хайдаром будто бы на имя командира Кханде Рао. Из этих писем становится ясно, что все они были направлены против Кханде Рао и его командующих. Цель этих писем—пробудить недоверие к Кханде Рао у раджи. Хайдар Али хотел добиться того, чтобы правитель Майсора ощутил нужду в его помощи. В письме говорилось: «Вчера я получил Ваше письмо, в котором Вы говорите, что заключили союз с главным судьей, хотите убить раджу и вместо него посадить на трон главного судью. И если я дам свое согласие присоединиться к Вам, то Вы откроете крепостные ворота передо мной и восстановите меня в моей прежней должности главнокомандующего. Отвечаю Вам!—Не хочу участвовать в том деле, которое вы замыслили. Я не присоединяюсь к Вам, не хочу быть участником заговора, так как дал клятву верно служить своему правителю—радже. Будьте здоровы». Как видно из письма, тут речь идет о более серьезном и опасном деле для раджи, чем измена некоторых офицеров. Тут уже идет речь об измене и аресте правителя. По Симоняну, агенты Хайдара содержание одного из этих писем довели до сведения раджи. На следующий день, как сообщает Симонян, Хайдар такого же содержания подметное письмо направил на имя Кханде Рао. Это письмо также нарочно передали радже.

По-видимому, эти письма подействовали на правителя Майсора. Этим, вероятно, надо объяснить тот факт, что раджа не только не выступил против приближающегося к Серингапатаму войска Хайдара, но и, по словам армянского источника, для своей безопасности «пригласил Хайдара в город и сделал главнокомандующим».

После этой победы главной задачей Хайдара Али стало создание новой, верной и хорошо обученной армии. «Когда фатех Хайдар,—пишет Симонян,—снова стал главнокомандующим, он уволил часть командиров, отрубил головы тем, которые не хотели подчиняться ему,

назначил новых командиров из своих людей... роздал солдатам большие деньги. Солдаты готовы были отдать жизнь за своего главнокомандующего. Он по-прежнему сам обучал военному делу и тщательно учил своих людей».

Далее Симонян детально рассказывает о тех хитрых и коварных поступках Хайдара Али, которые он затеял с раджей и его двоюродным братом—первым министром, также законным наследником майсорского трона.

Относительно захвата власти в Майсоре Хайдаром обычно пишут, что после победы над Кханде Рао Хайдар стал правителем страны.

По сообщению армянского источника, это было отнюдь не так просто. Правда, фактически в его руках была власть, но он не рискнул при жизни законных наследников трона объявить себя правителем, ибо боялся, что «народ может восстать и убить его». Хайдару подкупом и обманом удалось одного за другим убрать со своего пути всех законных наследников трона—раджу, его двух сыновей, двоюродного брата. Даже и после этого Хайдар не рискнул действовать как правитель страны. Вероятно, неожиданные смерти, следовавшие одна за другой, дали повод к волнениям в народе и серьезному недовольству против Хайдара, так как «всем было ясно, что все это дело рук Хайдара». «В народе,—пишет Симон Акопян,—чувствовалось недовольство. Фатех Хайдар испугался, что горожане поднимут восстание и убьют его». Чтобы спасти положение и успокоить общественное мнение, он прибег к хитрости: уговорил вдову раджи усыновить ребенка из знатной семьи как будущего наследника. Но это было только формальностью. И правительница, и усыновленный наследник были взяты под строгую охрану и фактически являлись пленниками Хайдара. После всего этого он «стал действительным хозяином страны». Между прочим, ни один из других источников с такой подробностью не рассказывает об этих событиях. Автор, по-видимому, был очевидцем и свидетелем описанных им событий.

После рассказа Акона Симоняна о захвате власти Хайдаром в тексте чувствуется какой-то пропуск, очевидно, по вине издателя: непонятно, о чем конкретно идет

речь. Вероятно, говорится об одном из первых маратхо-майсорских столкновений. Симонян, к сожалению, не называет ни года, ни места сражения. Он лишь приводит данные о численности погибших и с той, и с другой стороны солдат (20 000). Разгромленные Хайдаром маратхи, «...побросав свои доспехи, отступили».

Далее армянский источник то очень подробно, то мимоходом рассказывает о завоевательных войнах Хайдара Али 1761—1764 гг.

Известно, что самым важным приобретением Хайдара в период завоевательных войн был город Бендур. Насколько нам удалось выяснить, самым подробным источником о захвате Бендура является «Жизнеописание». По-видимому, это объясняется тем, что автор «Жизнеописания» Акоп Симонян в дни захвата жил в Бендуре и был непосредственным очевидцем всего того, что произошло там.

По Симоняну, Хайдар был «приглашен в Бендур для решения спора о наследнике трона». Это право на трон, по его сообщению, оспаривали двое—законный сын и местный ставленник. Вероятно, правящая верхушка разделилась на две партии, защищавшие интересы своих кандидатов. Партия, защищающая интересы ставленника, прибегла к помощи Хайдара, который в это время находился недалеко от Бендура (после неудачной попытки взять Сира он возвращался в Серингапатам), послы, прибывшие к Хайдару, обещали ему «...щедро оплатить расходы по содержанию армии; вознаградить его шестью лакхами рупий. Такое же предложение Хайдар получил от другой партии. Симонян далее подробно рассказывает о подготовке, которую вел Хайдар для захвата Бендура. Почти двенадцатитысячная армия Хайдара, свободно пропущенная к стенам Бендура, осадила город. Двухтысячный отряд отборных солдат, введенный Хайдаром в город якобы для личной охраны, окружил дворец, где для церемонии коронации нового правителя собралась вся знать страны. И вот как Хайдар решил спор между соперниками. Заранее заставив поклясться, что его предложения будут приняты вельможами, он вместо того, чтобы возложить венец на голову наследника или ставленника, возложил его на свою голову.

объявив: «...Этот венец послал для меня сам господь бог».

По заранее условленному знаку стоявшие за крепостными стенами хайдаровские солдаты ворвались в город и без единого выстрела заняли его. Симонян с болью пишет о недалёковидных правителях-«слепцах», так глупо сдавших неприступную крепость, которую почти невозможно было взять осадой. Армянский источник считает, что сумма, награбленная Хайдаром из дворцовой казны, равнялась девяти кронам хунов, не считая золотых и серебряных вещей. Эти сообщения подтверждает Уилкс. По его сведениям, награбленное Хайдаром богатство равнялось 12 мл. ф. ст.¹³

В «Жизнеописании» подробно говорится о том грабеже и разрушении, которым был подвергнут Бендур солдатами Хайдара. Полагают, что войсками Хайдара было награблено более чем на три миллиона ценностей¹⁴.

Такая территориальная экспансия расширила границы Майсора. Если на этой территории раньше было множество мелких государств, то теперь вместо них стоял мощный Майсор, господствующий над всем югом Индии. Расширение границ за счет соседних территорий неизбежно привело к столкновению Майсора с маратхским союзом и с Хайдарабадом.

Но вскоре Хайдар понял, что главными и непримиримыми врагами являются англичане, которые начали затевать интриги и вмешиваться в государственные дела индийских государств. Трезво оценив эту опасность, он «...пытается объединить силы всех частей Индии для того, чтобы вытеснить англичан...»¹⁵.

Это быстро поняли англичане и их союзники (особенно Мухаммед Али), объединенные силы которых в 1767 г. вторглись на территорию Майсора и начали вести «ожесточенную войну» против Хайдара Али. К сожалению, Симонян ничего нового не говорит об известных сражениях под Чангаме и Триномали, при которых Хайдар фактически был разгромлен и понес

¹³ См. M. Wilks, Historical sketch of s. e. s... p. 371.

¹⁴ См. Лавгле, Гайдар Али..., стр. XXIV.

¹⁵ Дж. Неру, Открытие Индии, стр. 290.

большие потери. Зато он не забыл подчеркнуть, что во время штурма Бангалора защитники во главе с генералом Мир Сахибом не только разбили англичан, но и «...взяли в плен 400 английских солдат».

Говоря о майсорских войсках, Симонян называет цифру 150 тыс. человек, которая, вероятно, соответствует действительности.

Дальнейшие события Симонян описывает также без подробностей. Он с похвалой отзывается о невероятных переходах, быстрых рейдах и непрерывной борьбе, которую вел Хайдар с английскими захватчиками. О большой маневренности войск Хайдара говорит начальник его артиллерии Метр д'Стелл. Хорошо осведомленный, Симонян правильно понимает военную тактику Хайдара Али. «После тяжелого поражения под Бангалором генерал Смит, — пишет Симонян, — любой ценой хотел добиться ареста сахиба Бахадура (т. е. Хайдара Али). Он всячески старался заставить его принять бой, но тот ускользнул от него. Наваб Бахадур начал вести против англичан партизанскую войну. Он внезапно напал на продовольственные обозы англичан и уничтожил их».

«Основой тактики Хайдара стало отклонение от генеральных сражений путем быстрой переброски своих войск на новое место действия и нанесение удара отдельным отрядам, гарнизонам и слабозащищенным местам»¹⁶.

Говоря о перемирии между англичанами и Майсором, наш источник упоминает имена двух английских делегатов — Дю Пре и Стристона. В других источниках Дю Пре упоминается как представитель англичан во время переговоров с Хайдаром¹⁷. Как известно, Дю Пре имел указание Мадраасского совета принять все условия Хайдара. Армянский источник приводит содержание договора между Хайдаром и англичанами: «Англичане обещают освободить те территории, которые были захвачены во время войны, признать власть Бахадура над Майсо-

¹⁶ К. А. Антонова, *Англо-французская борьба за государство Майсор...*, стр. 124.

¹⁷ См. N. K. Sinha, *Haidar Ali...*, p. 91.

ром...». Бахадур по этому договору обязывается «вернуть пленных англичан»¹⁸.

«После недолгих споров,—пишет Симонян,—они заключили мир». В самом деле, особых споров между Хайдаром и англичанами не было. Споры были между англичанами и Мухаммедом Али-ханом, который был недоволен этим перемирием и не хотел подписать его.

Так завершилась первая англо-майсорская война. Она фактически кончилась победой Хайдара Али. Дю Пре, говоря об этих событиях, признался: «...первый раз индийский враг поборол нас».

По сообщению армянского источника, эта победа Хайдара над англичанами была радостно принята во всей Индии. «Сам правитель Индии Али Гоухар,—пишет Симонян,—лично очень высоко оценил победу Хайдара Али над англичанами и присвоил ему один из высочайших военных титулов Индии—Чакмахджанга (Полумесяц войны).

Несмотря на то, что Хайдар Али победно окончил первую войну с англичанами и даже заключил с ними мирный договор, он прекрасно понимал, что борьба с англичанами не завершилась, что предстоит еще большая и трудная борьба. Как упоминает К. Маркс в своих «Хронологических выписках», «Хайдар Али и его сын Типу Саиб поклялись на коране хранить вечную ненависть к англичанам и уничтожить их»¹⁹. Но Хайдар хорошо понял, что в этой трудной борьбе он без надежных союзников и поддержки вряд ли выйдет победителем. Из сообщений Симоняна видно, что Хайдар старался создать единый союз индийских княжеств против англичан. Он даже пытался вовлечь в этот союз правителя Великого Могола Али Гоухара. Автор «Жизнеописания» «...сам находился во дворце и видел, как были отправлены послы в Дели», Катак, Пуну. Симонян подтверждает, что вместе с секретными письмами, о содержании которых никто ничего не знал, Хайдар с каждым послом отправлял довольно большую сумму денег. Хотя Симонян

¹⁸ Hanadana Rao, History of Mysore, vol. III, p. 106—107.

¹⁹ К. Маркс, Хронологические выписки по истории Индии... стр. 76.

ничего не сообщает о содержании этих писем, так как «никто ничего не знал», но тут же добавляет, что об их содержании он слышал во дворце: Наваб хотел заключить договор против своих врагов с Наджиб-ханом (главный сановник Делийского султаната).

Далее из «Жизнеописания» мы узнаем, что по приглашению Хайдара Али с той же целью приехал из Пуны представитель маратхов. По-видимому, английская опасность была так велика, что между давними врагами был заключен союз взаимопомощи. В этом договоре, в частности, говорилось: «Если одна из договаривающихся сторон вступит в войну против кого-либо, то она обязана до начала войны предупредить вторую. И тогда они объединенными силами начнут войну против врага и окажутся победителями над ним». Правда, Симонян не говорит, против кого был направлен этот договор, но из его дальнейших сообщений становится ясно, что этот союз был направлен против англичан. Хайдар спешил. Он даже дал шестьдесят лакхов рупий для вооружения и подготовки армии союзных маратхов. В союз Хайдаром был втянут также Хайдарабад. Таким образом, создалась довольно сильная коалиция. Но «лишь Майсор рассматривал борьбу с англичанами как основную линию своей внешней политики. Участие маратхов и Хайдарабада в англо-майсорской войне вызывалось временными причинами»²⁰. Пользуясь этим, англичане всячески старались посеять раздор между союзниками, разъединить силы коалиции. Это им отчасти удалось путем возвращения Гунтура Хайдарабаду.

Заключение договоров, подарки для привлечения в коалицию других государств, помощь, оказываемая деньгами из майсорской казны, вооружение и содержание огромной армии,—все это стоило огромных сумм. Чтобы покрыть хотя бы часть этих расходов, Хайдар, согласно «Жизнеописанию», снова поднял вопрос о Тричинополи или трех крорах рупий. Не желая обострять положение, Хайдар этот вопрос намеревался разрешить мирным путем, путем переговоров. После ряда отказов Мухаммеда Али отдать крепость или деньги Хайдар попытался

²⁰ К. А. Антонова, Английское завоевание Индии..., стр. 201.

воздействовать на него через англичан. Однако английский градоначальник Мадраса, получив большие взятки с обеих сторон, ничего не сделал. Двойная игра англичан в этом вопросе была понятна. Наваб Аркота Мухаммед Али фактически не обладал властью. Он был лишь марионеткой в руках англичан, а англичане, разумеется, любыми путями старались помешать своему врагу, Майсуру, получить деньги, тогда как сами лихорадочно готовились к войне против него.

Приготовления Хайдара Али не могли пройти незамеченными для внимательно наблюдавших за ним англичан, и, по-видимому, для проверки намерений Хайдара и переговоров к нему был направлен послом какой-то священник. Симонян пишет, что по приказу правителя Майсора падре не был пропущен в город. Он был взят под стражу и изолирован. После вручения ответа на письмо Мадрасского совета посол-падре по приказу Хайдара опять под охраной был выведен за пределы Майсора.

К сожалению, Симонян ничего не сообщает ни о содержании письма англичан, ни о содержании ответа Хайдара Али. Но из дальнейшего сообщения видно, что содержание этого письма было тревожным. Этим надо объяснить тот факт, что сразу же после ухода английского посла сам Хайдар в течение двух месяцев руководил обучением и маневрами своих солдат. По сообщениям американского источника, после первой делегации до начала второй англо-майсорской войны Мадрасский совет направил к Хайдару еще одну делегацию, которая также ничего не добилась. Хайдар «остался верен себе».

Говоря о событиях в период второй англо-майсорской войны, автор армянского источника пытается объяснить ее причину. Он раскрывает захватническую политику английских колонизаторов и их считает виновниками этой войны. Он приводит отрывок из письма Хайдара к англичанам, в котором говорится: «Я с Вами имел договор о вечном мире, но сейчас Вы сами расторгли наш мирный договор. Как Вы осмелились переступить мою границу... Вы должны ответить за это».

Хайдар хорошо понимал, что коалиция, которую он создал, не очень надежна, начал искать себе новых союз-

ников. В тот момент он остановился на французах. Он пытался использовать столкновение интересов Англии и Франции в Индии, чтобы привлечь французов на свою сторону. Армянский источник сообщает, что Хайдар отправил миссию в Париж к Людовику XVI. В личном письме к королю Франции Хайдар предлагал союз против англичан и, в случае согласия, просил послать ему на помощь французские войска. Хайдар обещал, что все расходы, связанные с этим, Майсор берет на себя и будет платить жалованье французским солдатам. Основная цель союзников—«объединенными силами начать войну против англичан в Индии и отнять все захваченные ими территории».

По условиям Хайдара, в случае удачного окончания борьбы Аркат перейдет к французам.

Посол Хайдара в Париже был принят с большими почестями и с личным письмом Людовика XVI был отправлен обратно. И только получив твердое обещание французского короля «...отправить достаточное число войск, военных кораблей и снаряжения», он решил начать военные действия против англичан.

Симонян приводит явно преувеличенные сведения о числе хайдаровских войск при вторжении их в Карнатик в мае 1780 года—150 тыс. Правда, майсорская армия была самой большой из всех, которые когда-либо действовали в этих районах под командованием Хайдара²¹, но все же не насчитывала 150 тыс. Лангле указывает цифру 70 тыс.²², Н. К. Синха—90 тыс.²³, в «Истории Индии» Синха приводится цифра в 90 тыс.²⁴, по Хаувадана Рао—60 тыс.²⁵. Синха указывает, что сами англичане не имели точных сведений о численности врага²⁶. Они поверили распространившимся слухам о большом количестве войск Хайдара. По-видимому, этим слухам поддался и Симонян.

²¹ См. К. А. Антонова, Английское завоевание, стр. 199.

²² См. Лангле, Хайдар Алл..., стр. XXVI.

²³ См. N. K. Sinha, Haidar All..., p. 186.

²⁴ См. Н. К. Синха и А. Ч. Банерджи, История Индии, стр. 319.

²⁵ См. Hauvadana Rao, History of Mysore..., vol. III, p. 335.

²⁶ См. N. K. Sinha, Haidar All..., p. 186.

Армянский источник сообщает о голоде, разразившемся в Мадрасе в тот период, когда майсорские войска, опустошив все кругом, взяли город в окружение. Положение в нем усложнилось еще тем, что Мадрас был переполнен тысячами беженцев. Улицы покрылись трупами умерших с голоду. За десять золотых трудно было купить даже мешочек риса. Симонян пишет, что особенно тяжело пришлось простому народу и местным жителям—индийцам. Особым приказом английских властей не разрешалось продавать продукты, которые прибывали в Мадрас. Монополию на продажу продуктов англичане взяли в свои руки, разрешая продажу только «для себя и для своих войск». Народ пытался организовать комитеты помощи: собирали деньги, устраивали пункты помощи и кормления голодающих и больных. По Симоняну, армяне Мадраса в эти дни разделили участь местных жителей. Армянская община почти полностью распалась. Армяне с семьями разъехались в Транкебар, Нагапаттам и Мачулибандар (Мазулипатан), а остальные остались в Мадрасе, чтобы стать свидетелями «небесного наказания».

Симонян, не вдаваясь в подробности, рассказывает о создавшемся для англичан положении в эти дни и о посланной Бенгалией помощи Мадрасскому совету.

Акоп Симонян сообщает далее интересные сведения о том, как Хайдар, считая Майсор суверенным государством, а себя его правителем, чеканил монеты со своим именем. На них были изображены с одной стороны идолы, а с другой стороны—полумесяц, который является также арабской буквой «х», первой буквой имени Хайдара. На медных монетах были изображены две печати со словами: на одной—«Хайдар», на другой—«Наваб Али Чахмаджанг». Такое подробное описание хайдаровских денег дано Симоняном не случайно. Он был купцом и не раз имел дело с этими монетами.

Симонян, нарушая хронологическую последовательность, очень подробно рассказывает об одной из первых операций Типу Султана, об отнятии у маратхов захваченного ими города Сира. Во вновь захваченном городе, по словам Симоняна, войны Типу организовали страшную резню. Награбленного добра было так много, что

Типу для его переправки попросил помощи у других гарнизонов майсорской армии.

Армянский источник далее говорит об усиленном переселении жителей Серингапатама в новый город Шахрганджам.

Хайдар Али, разрушив крепость Серингапатам, лишил маратхов хорошо укрепленного сооружения и положил конец кровопролитным спорам между ними, а это способствовало развитию торговли и ремесла в новом городе.

В первый период часть переселенцев погибла от голода и болезней. Положение их оставалось тяжелым до посещения Шахрганджама Хайдаром Али. Между прочим, с навабом там был и Акоп Симонян, который был свидетелем тех мероприятий, которые по приказу Хайдара были проведены для переселенцев.

По приказу Хайдара, как сообщает Симонян, переселенцы были одеты и обуты, им были отпущены (под проценты) деньги, которые они должны были использовать для становления и развития торговли и ремесла. Деньги были отпущены из государственной казны. По сообщению очевидца Акопа, денег было более 100 тыс. хунов. Для раздачи этих денег переселенцам и разрешения других вопросов была организована комиссия. Число переселенцев, по армянскому источнику, равнялось «24 000 человек с семьями и без семейств». По Бьюкене-ну, насильно было переселено 12 000 семейств²⁷.

В первое время по приказу Хайдара была разрешена беспощадная торговля в Шахрганджеме. Для благополучия и дальнейшего развития нового города правителем Майсора «строго было приказано собирателям пошлин ничего с переселенцев не брать».

Такая политика Хайдара вскоре дала свои положительные результаты. Люди, превращенные в нищих, снова стали зажиточными. «Я сам был очевидцем этого, среди них видел много богатых людей». Эти описания армянского источника гораздо полнее и подробнее тех сведений, которые имелись.

²⁷ См. К. А. Антонова, Английское завоевание Индии..., стр. 232.

Разгром Хайдара маратхами 7 марта 1771 г. (битва при Чинкурли) армянский источник старается объяснить тем, что Хайдар не послушался звездочетов, предсказавших ему поражение. Будучи не очень уверенным, что такое объяснение поражения Хайдара убедительно, он добавляет, что маратхских войск было более 150 тыс. Правда, маратхи по численности превосходили майсурские войска, но их число вряд ли достигало 150 тыс. Не только об этом, но и вообще о тех сражениях, где майсорцы потерпели поражение, Симонян старается говорить коротко, лаконично, не забывая добавить, что с обеих сторон пало много солдат во время ожесточенного боя. Иногда о поражениях Хайдара Симонян вообще ничего не говорит. Он никогда не сообщает конкретных цифр о потерях Хайдара. В данном случае он признается, что из армии Хайдара спаслось лишь двадцать человек, остальные или были разгромлены, или разбежались. И на самом деле Хайдар понес большие потери. Н. К. Синха считает, что Хайдар потерял 40—45 орудий, 20—25 слонов, 700—800 коней²⁸. В этом бою сам Хайдар и Типу едва избежали плена. Почти все высшее офицерство, участвующее в этом сражении, попало в плен, в том числе Али Заман-хан, Мир Али Риза, Ясим-хан, Абдул Мухаммед и др.²⁹.

Таким образом, Симонян сообщил правильные данные.

Лишь через восемь дней Типу Султану под видом нищего удалось пробраться в окруженный Серингатам.

Известно, что после разгрома Хайдара маратхи окружили Серингатам. Осада продолжалась до мая 1771 г., но занять они его так и не смогли, так как у них не имелось стенобитных машин. Осада была снята. Из сообщения армянского источника мы впервые узнаем, что причина снятия осады Серингатама заключалась не только в отсутствии стенобитных машин. Несмотря на небольшие силы Хайдара Али, защита Серингатама не была пассивной. Основной силой маратхов, окружа-

²⁸ См. N. K. Sinha, *Haldar Ali...*, p. 105.

²⁹ См. там же.

ющих Серингапатам, являлась маратхская конница. Чтобы нанести ощутимый удар по врагу, группа смельчаков, во главе с Типу Султаном совершала частые вылазки и внезапные нападения на маратхов, уничтожая и угоняя маратхских коней. Впоследствии эти вылазки стали более частыми и дерзкими. Ими начал руководить сам Хайдар. Защитникам Серингапатама удалось угнать две тысячи маратхских коней.

Из сообщения Симоняна мы узнаем еще одну новость: маратхи не сами добровольно сняли осаду города и уехали. Они были разгромлены защитниками города и отступили. В «Жизнеописании» говорится, что Хайдар Али, оправившись от нанесенного ему тяжелого удара, сумел мобилизовать силы и подготовить контрудар. Воспользовавшись тем, что маратхи оттянули свои войска от города на несколько километров, он разработал очень смелый план. Вооружил чем попало тридцать тысяч жителей Серингапатама, вывел их из города и расположил около крепостных стен, а сам с тремя тысячами солдат напал на маратхов. Жители города своими криками и шумом создали впечатление наступающей армии. Маратхи, внезапно атакованные Хайдаром, растерялись, приняв тридцатитысячную толпу за наступающих солдат, и пустились в бегство.

Что в этих событиях победителем оказался Майсур, видно и из дальнейшего сообщения Симоняна. После снятия осады Серингапатама начались переговоры между врагами о перемирии. Маратхи, по Акону Симоняну, за перемирие потребовали пятьдесят лакхов рупий, на что Хайдар не согласился. Понеся большие потери от непрерывных нападений Типу и попав в затруднительное положение, маратхи удовлетворились пятнадцатью лакхами. Они получили наличными только пять лакхов. В счет остальных денег Хайдар им послал продовольствие, в котором так остро нуждалась маратхская армия. К. А. Антонова считает, что маратхи получили сумму в 7,5 млн. рупий³⁰.

Симонян далее подробно рассказывает, как по поручению Хайдара Типу с небольшим отрядом тайно

³⁰ См. К. А. Антонова, Английское завоевание Индии..., стр. 229.

подошел к армии маратхов, напал на них и захватил не только эти деньги, но почти все награбленное маратхами в Майсоре богатство. На жалобу маратхов о нарушении договора Хайдар отвечал, что Типу восстал против него и ушел из города, о судьбе его он якобы ничего не знает, и предложил маратхам арестовать и казнить его. «Наваб хорошо знал, что сын его не попадет в руки маратхов, потому и решил таким обещанием успокоить их».

Известно, что после непрерывных войн против своих врагов Хайдар остался с пустой казной, вынужден был повысить дань со своих вассальных княжеств и провел ряд карательных экспедиций. Симонян подробно рассказывает о некоторых таких экспедициях и особенно подробно описывает экспедицию против Читталдрога и Карпи. Автор сам был очевидцем экспедиции против Читталдрога.

В дальнейшем Симонян рассказывает о разгроме отряда полковника Бейли майсорскими войсками в Кандживараме в сентябре 1780 г. Главным виновником поражения англичан армянский источник считает самого полковника Бейли, который не внял советам генерала Моиро и свой отряд, шедший на соединение с основными силами англичан с целью создать единый кулак против Хайдара, двинул не по указанной дороге. Продвижение англичан не ускользнуло от глаз майсорской разведки. По-видимому, прав Симонян, говоря, что хайдарская разведка работала очень хорошо. Из другого источника мы узнаем, что почти все о войске Бейли было известно Хайдару³¹. Есть предположение, что даже проводник Бейли был агентом Хайдара³².

Симонян с иронией говорит о чванливости английского полковника, который даже тогда, когда был окружен, своего врага «считал ничтожным» и «думал, что справится с врагом, как с куском хлеба».

История взятия Карпи изложена путано. Получается так, что Хайдар Али брал Карпи два раза и оба

³¹ См. N. K. Sinha, *Haider Ali...* 178.

³² Там же, стр. 179.

раза назначал градоначальником Мир Сахиба. После изложения первого захвата, ниже снова говорится о том, что внезапно напали на Карпи, сделав большой рейс, хотя по первому рассказу часть его войск не отходила оттуда. После сравнения рассказа Акопа Симоняна с другими источниками выясняется, что верна вторая версия, когда Хайдар заранее для разведки отправил Мир Сахиба на Карпи с войском. Симонян хотел тут рассказать о взятии Карпи, но прервал свой рассказ. А когда затем продолжил его, то начал сначала и более подробно.

Акоп Симонян до начала описания второй англо-майсорской войны говорит о попытке Хайдара заключить союз с маратхами, который они отклонили. После этой неудачи Хайдар отправил к маратхам третью делегацию с целью заключить мир. Этой делегацией руководил находящийся у Хайдара сын Чандра Сахиба—Али Ризахан, любимец Хайдара. Делегации было поручено заключить союз, обещая выплатить маратхам сумму в пределах пятидесяти лакхов рупий. Али Ризахану удалось заключить этот союз, заплатив сорок лакхов. Эти подробности мы впервые узнаем из «Жизнеописания».

Между рассказами об этих договорах армянский источник сообщает еще одну интересную деталь. Солдатами хайдаровского посла был задержан человек с письмом за подписью самого богатого куница Майсора Нарсингхдаса, у которого не один раз брал деньги Хайдар. Симонян приводит содержание этого письма: «Наваб наш отправил посла к Вам с целью заключить мир. Я готов послать Вам много денег, чтобы Вы могли заплатить жалованье Вашему войску. Обещаю, если Ваша армия будет вблизи моего города, вы найдете крепостные ворота открытыми перед вами...». Нарсингхдас был обвинен в измене и наказан, а все его состояние в тридцать шесть лакхов—конфисковано. Очень возможно, что прав Симонян, который сомневается в измене Нарсингхдаса. «Некоторые говорят,—пишет Симонян,—что этого письма Нарсингхдас не писал, оно было написано самим навабом. Так как Нарсингхдас был очень богатым человеком, Хайдар просто хотел ограбить его».

Из дальнейших сообщений армянского источника

особенно интересны сведения об открытии ряда рудников. В результате этого открытия Хайдаром было организовано производство оружия. Симонян пишет: «...при нем (Хайдаре.—Р. А.) было открыто четыре рудника для разработки золота, алмазов, яхонта, железа и других металлов... Он посетил железные рудники, привел туда ремесленников и приказал плавить руду и отливать оружие, в котором он очень нуждался. Раньше оно покупалось по дорогой цене у европейцев... Ремесленники начали делать оружие... и отлили его много...». Это очень интересное сообщение встречается только в армянском источнике. Во всяком случае об этом абсолютно ничего не говорят ни Хаувадана Рао, ни Н. К. Синха, ни Робсон, ни Лангле, ни К. А. Антонова.

Пользуясь создавшимся положением, конница Типу за три часа полностью уничтожила и взяла в плен почти весь четырехтысячный корпус врага. Почти такое же число потерь указывает Н. К. Синха (3200 сипаев, 510 англичан). Среди пленных оказался и раненый полковник Бейли, который вскоре умер. Не более 20 англичанам удалось спастись от этого разгрома. Они бежали в расположенный недалеко лагерь генерала Монро и сообщили «об этой трагедии». Но, по-видимому, в этом сообщении Монро не нуждался, так как со своими войсками находился так близко от места разгрома Бейли, что слышал шум борьбы. Он не рискнул вступить в бой, а отряд, посланный им на помощь, прибыл тогда, когда уже все было кончено.

Основная армия англичан, стоящая недалеко от места битвы, как говорили, даже не пыталась вмешаться. Генерал Монро, убедившись в силе и мужестве майсорской армии, по словам Симоняна, начал думать об одном: «Как спасти свою жизнь и оставшиеся войска?»

Согласно армянскому источнику, офицеры французских батальонов Пиморен и Лалли, воодушевленные победой, советовали Хайдару двинуться на Мадрас. Наваб отдал приказ готовить войска к маршу, но действия английской разведки сорвали это наступление. Разведка предупредила генерала Монро о готовящемся нападении. Последний ночью оставил лагерь и двинулся к крепости

Чингльпат. Лишь утром Хайдар обнаружил уход врага и начал преследование. Но догнать Моиро Хайдар не смог. Англичане уже успели войти в крепость и сильный артиллерийский огонь остановил наступление Хайдара.

Говоря о военных действиях во второй англо-майсорской войне, армянский источник сообщает чрезвычайно интересные и до сих пор неизвестные сведения. Оказывается, во дворце Хайдара действовала английская разведка, руководимая личным врачом паваба Карлосом Лайдом, который подробно информировал англичан даже о самых секретных планах и решениях Хайдара Али. По словам Симоняна, его завербовали за большие деньги по поручению Моиро. Шпион-врач в свою очередь вербовал для своей группы подходящих людей из дворца», а сам стоял во главе этой шпионской группы». И так как Лайда никто не подозревал, а Хайдар очень любил его и ему доверял, то этот врач-шпион действовал свободно и нагло. Лишь после того как Лайд с семьей перебежал к англичанам, Хайдар понял, что его врач был английским агентом.

Симонян подтверждает, что в результате вмешательства этого английского шпиона Хайдара после разгрома отряда Бейли отменил свое решение двигаться на почти незащищенный Мадрас, уступив уговорам, что уставшим войскам надо дать отдохнуть. Говоря о последних событиях, Симонян пишет, что «Карлос Лайд между тем продолжал сообщать генералу Моиро обо всем, что происходило в лагере Хайдара Али. Все эти шпионские сведения очень помогали англичанам, так как те во время принимали меры предосторожности, предупреждая намерения своего врага».

Далее Акоп Симонян подробнее, чем все другие источники, рассказывает о захвате и ограблении Арката. Еще подробнее он говорит о неудачной четырехмесячной осаде крепости Веллур, во время которой Хайдар потерял около пяти тысяч солдат. По-видимому, желая оправдать неудачу Хайдара, причиной ее Симонян считает хорошее укрепление Веллура. «Крепость эта недоступна. Строилась она в древние времена из гладко обтесанных камней. Она была окружена тройной крепостной стеной. Вокруг нее был вырыт глубокий ров, заполненный водой

и кишащий крокодилами...». Потери Хайдара под Веллуром, по-видимому, были гораздо больше, чем сообщает Симонян. Они были настолько чувствительны, что вынудили Хайдара снять осаду.

В конце армянский источник сообщает об одном из генеральных сражений на территории между Порто-Ново и Гуднуром и с горечью описывает разгром майсорских войск.

В этой трагедии немаловажную роль сыграла измена до этого времени верного командира Мухаммеда Али. Об измене Мухаммеда Али другие источники почему-то умалчивают. По Симонию, английское командование через своего агента Карлоса Лайда сумело за 90 тысяч рупий подкупить Мухаммеда Али и перетянуть на свою сторону. Выбор англичан пал именно на Мухаммеда Али потому, что «он был очень храбрым и знаменитым полководцем, командующим шестью тысячами пехотинцев».

По армянскому источнику, во время сражения войска изменника не вступили в бой. Предатель «приказал своим войскам, чтобы те, когда части Бахадура вступят в бой, начали стрелять из своих винтовок вхолостую, притворяясь, что сами тоже будто бы приняли участие в бою». Не подозревая об измене, другие части армии Хайдара ринулись в бой. Но англичане, заранее зная намерения врага от Лайда и сосредоточив все свои силы, сумели разбить майсорцев. «Таким образом из-за предательства одного человека,— пишет с горечью Симонян,— была разбита огромная армия», потом добавляет, что «если бы не было этой измены, разбита была бы английская армия».

Акоп Симонян завершает свою работу описанием смерти Хайдара Али. По армянскому источнику, Хайдар долго страдал от рака и умер 7 декабря 1782 г.

По другому интересующему нас вопросу, т. е. об армянах в Индии и армяно-индийских взаимоотношениях, в «Жизнеописании» говорится очень мало.

Майсор—один из трех районов Индии, с которым армяне были знакомы еще с древних времен. Имеющиеся исторические факты говорят о том, что в некоторых городах Майсора—Серинганатаме, Майсоре и др.—до середины XVIII в. существовали лишь небольшие ар-

мянские общины. Число армянских общин в Майсоре после захвата Бенгалии и других районов Индии возросло. Все члены армянских общин, вытесненные с тех рынков Индии, где начали хозяйничать англичане, переехали в другие районы страны, куда еще не протянулась рука могущественного конкурента—Ост-Индской компании. В Майсоре в основном нашли свой приют армяне с Малабарского побережья, из восточных районов Мадраса, Пондешира и т. д. Как всегда, как во всей Индии, в Майсоре армяне нашли приют, убежище. О чрезвычайно дружественном и заботливом отношении Хайдара Али к армянам Майсора говорит тот факт, что армянам была предоставлена возможность свободной и беспопытной торговли по всей стране. Этими привилегиями армяне были поставлены в более выгодное положение, чем все европейские купцы. Такое отношение со стороны великого правителя Майсора к армянам, по-видимому, можно объяснить тем, что Хайдар покровительствовал конкурентам англичан в экономической жизни страны.

Симомян еще раз бегло говорит об армянах в связи с голодом в Мадрасе, во время которого мадрасская армянская колония почти перестала существовать. «Спасаясь от свирепствующего голода, основная часть армянских общин бросила Мадрас и переехала в Транкебар, Неганатам и Мачлибаандар. Только немногие остались в Мадрасе, чтобы быть свидетелями божественного наказания»,—пишет Симомян. Они тоже пали на улицах вместе с тысячами других жителей города, но об этом автор молчит.

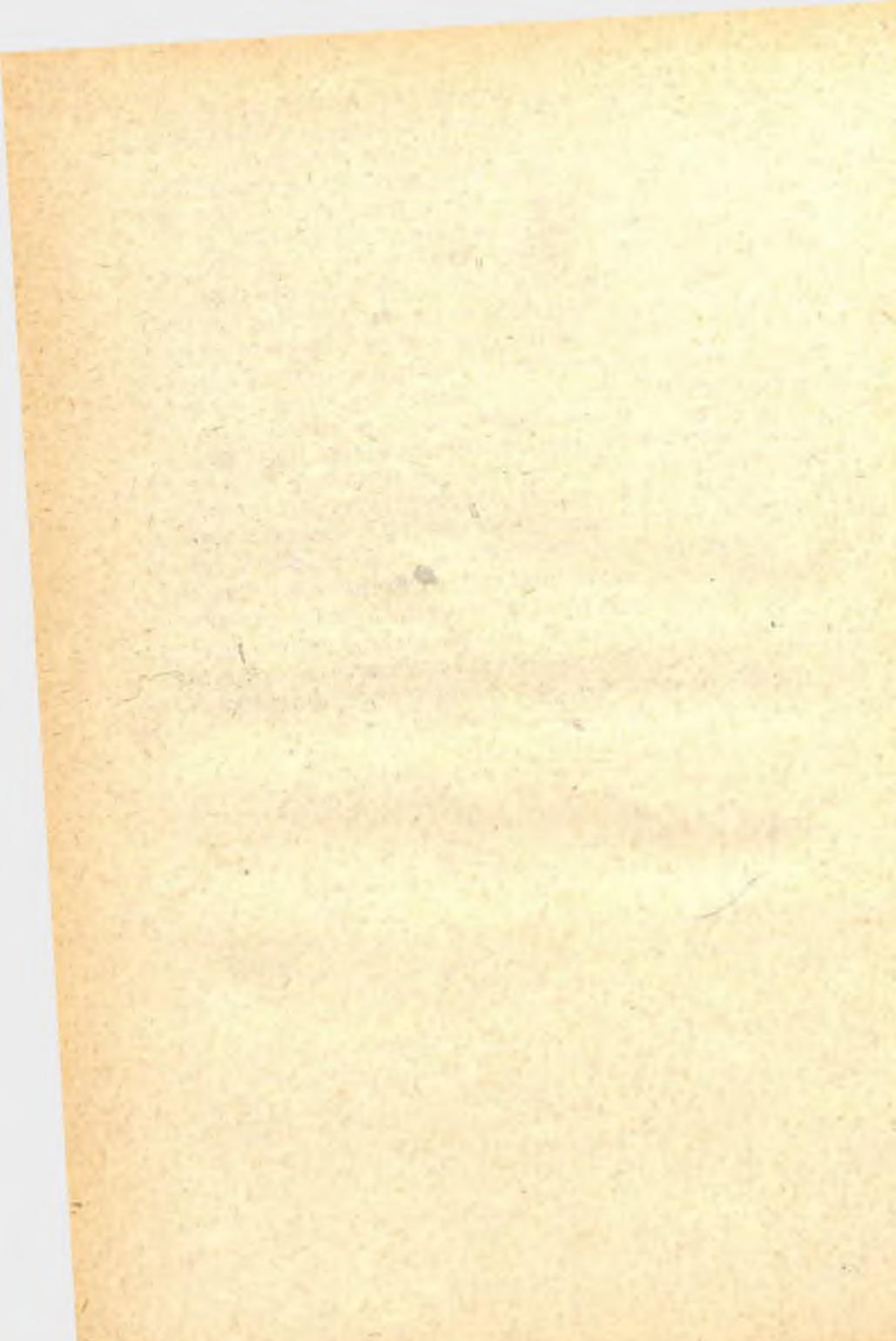
Вот, собственно говоря, два небольших, но ценных отрывка об армянах в Индии и об армяно-индийских отношениях, которые имеются в «Жизнеописании» Акопа Симояна.

«Жизнеописание» Акопа Симояна является одним из самых ранних среди биографических работ, посвященных Хайдару Али. «История Хайдара» Кермани была написана примерно в то же время.

В «Жизнеописании» сообщается ряд интересных сведений, которые не были до сих пор известны. С первой до последней страницы автор высказывает симпатию и

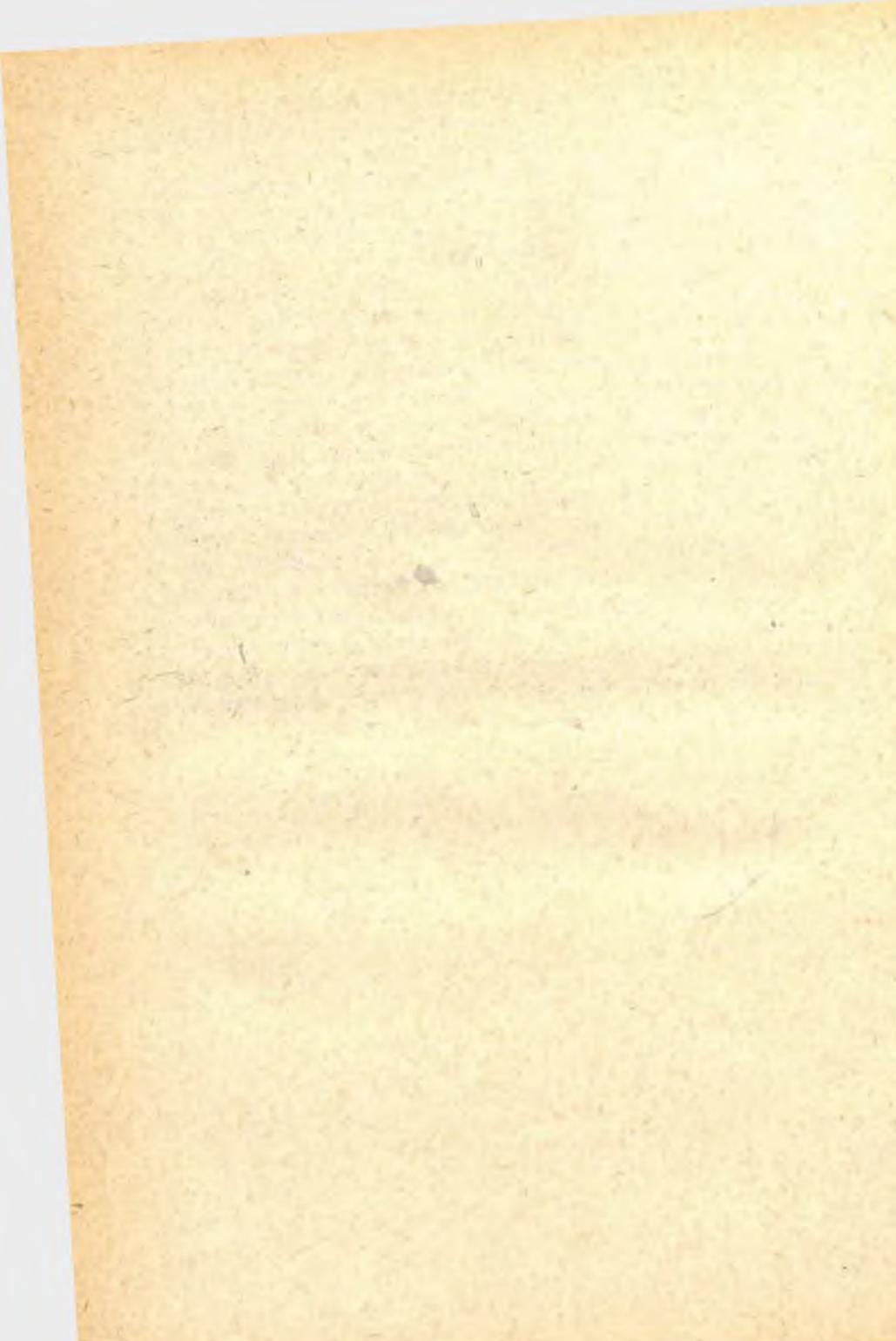
любовь к своему герою. Кроме других причин, это объясняется и личной дружбой Акопа Симоняна с Хайдаром Али. «Жизнеописание» особенно ценно тем, что автор не ограничился сведениями о личной, интимной жизни Хайдара, а показал его на фоне политических и военных событий в истории Майсора в период 1762—1782 гг.

«Жизнеописание» может служить источником для изучения истории Майсора того периода, так как оно написано человеком, хорошо знавшим Хайдара, людей, окружающих его и события того времени. Очень часто он был очевидцем, а иногда и прямым участником событий, которые он описывает. Многие события он фиксировал тогда же, а потом обработал свои записи. Ценным в этом армянском источнике является еще и то, что автор его правдиво и нетенденциозно излагает многие события, о которых он пишет. Не чувствуется стремления фальсифицировать какие-либо факты. Лишь иногда, чтобы оправдать неудачи Хайдара, он старается не говорить о них или, если говорит, то старается чем-либо объяснить, оправдать их. Об истории армяно-индийских взаимоотношений, правда, в «Жизнеописании» сказано мало, но и это малое дает право утверждать, что в Майсоре армяне находились под покровительством как Хайдара Али, так и местных жителей.



ТОВМАС ХОДЖАМАЛЯН

ИСТОРИЯ ИНДИИ



В древности многие ученые полагали, что из-за очень высокой температуры на экваторе нет жизни. Дабы убедиться в достоверности и правдивости этих слов, в году 1499¹ от рождения Христа некий португалец по имени Васко да Гама², весьма мудрый и искусный в кораблевождении, снарядил два корабля и отправился из своей страны, из города Пурткала³, в поисках суши и поплыл к западной части страны либейтийцев, которая сейчас называется Африкой. Оттуда, приблизившись к южному тропику, он доплыл до экватора.

Убедившись, что здесь солнце не сжигает, как он думал раньше, поплыл дальше, желая проверить и конечные земли Африки, пока не доплыл до южного побережья ее, которое находится на 34-м градусе южной широты. Увидел южную конечность страны и назвал ее «Бари уйс»⁴, на их языке—«Бона Эсперанса»⁵. Оттуда он продвинулся на юг, затем взял направление на север, и корабли приплыли в порт либейтийцев на восточном побережье океана, которое называется Мосамбик⁶.

Увидев, что там находится множество кораблей, бросили якорь, решив остаться и проверить, откуда сюда приплывают корабли и из каких стран они прибыли.

Спустившись на берег, они встретили там много купцов-индийцев, исповедующих христианскую религию, последователей св. Фомы-проповедника⁷. И купцы и моряки очень обрадовались. Спустя несколько дней португальцы взяли этих купцов на свои корабли и поплыли на север. Там на севере находится город маловарцев под названием Каликот⁸. Город этот расположен на 11 гра-

дусе 16 минуте северной широты. Бросив якорь, они направились в этот город, пробыли там девять дней и познакомились с жизнью страны и ее торговлей.

Продвинувшись дальше на север, до 14-го градуса, в день св. Ангела 29 сентября⁹ обнаружили маленький остров, который называли Анжудио¹⁰. Поскольку не было погоды, португалцы оставались там до тех пор, пока южные ветры не сменились северными и тогда только отплыли в свою страну—Пуртукалу.

Король¹¹ и народ с радостью встретили их, узнав о положении Индии, о христианской общине, основанной среди индийского народа пророком св. Фомой.

Затем они подготовили много кораблей с войском и всевозможным снаряжением и снова пустились в путь¹². Доплыв до острова Анжудио, они возвели там крепость и многочисленные постройки для себя. Начав торговлю с индийцами и постепенно увеличивая число приезжих, развили также и свою торговлю, пока не завладели всем индийским побережьем. И везде они строили множество крепостей и городов¹³. Там же они построили столицу большую и знаменитую и назвали ее Гуа¹⁴. Она являлась резиденцией наместника, т. е. португальского вице-короля. Город этот до сих пор находится в руках португалцев. Там находится много других городов, огромное количество солдат и много священников, более чем 2000¹⁵. Город этот расположен на 15-м градусе северной широты. После умножения богатства и строительства крепостей они начали торговать с разными странами: и с Персией, и с Аравией, и с Ливией. И построив крепости по всему побережью, они занялись торговлей.

Затем они поплыли на Восток—в страну Пегу¹⁶ и на большие острова Джава¹⁷, Суматра, Тимор¹⁸, Борнео (которое есть Селлан¹⁹), где множество других островов: Маладивских²⁰, Лакадивских²¹ и других. И в какое бы царство они не приезжали, там они строили крепости и начинали торговать.

И пышно расцветала их жизнь потому, что они собрали много богатства за короткий и мирный период, не затрудняя себя работой. Им повезло потому, что в то время в Индии царствовали афганцы, которые не умели управлять государством. В это время никто из христиан-

королей не торговал там, кроме короля и народа Португалии. Так продолжалось до 1628 года, т. е. до смерти короля²² португальцев, который всю свою страну передал королю Испании²³, т. к. не имел ни сына, ни других наследников. А король Испании, ввиду своего большого богатства и вследствие войны, которую вел против лотранцев и валанизцев, не интересовался Индией.

В 1640 году голландцы со множеством кораблей вместе с британцами, т. е. англичанами²⁴, пришли и заняли все крепости луситанцев, т. е. португальцев, которые находились на малых, больших и других островах. А другие короли подчинили себе остальное, и в руках португальцев остались лишь следующие острова, которые до сих пор не смогли у них отнять. Это, во-первых, Гоа, крепость Анжудио, крепость на 20-м градусе 20 минуте северной широты в провинции Борампур²⁵, называемая также Бассен. На той же широте находится другая крепость, которая называется Даман. И еще одна крепость в стране Тте, на острове, который называется Дну и находится на 22-м градусе северной широты. Еще одна крепость в царстве китайцев, вблизи города Гантома, называемая Макав. Это очень красивый город, где много католических церквей. Есть еще одна крепость на острове, находящемся на 25-м градусе северной широты, вблизи китайского материка. Эта крепость называется Ганджла. В Китайском море есть другая крепость²⁶ на острове, который называется Тимор и находится на 5-м градусе южной широты. В руках португальцев остались только эти владения.

Когда протестанты, по национальности голландцы и англичане, приехали в Индию и отняли у португальцев острова и крепости, то индийцы не разрешали им торговать. Тогда в 1642 году англичане поехали в город Шахджанабад²⁷ к королю Шахджану²⁸ и обратились за разрешением торговать в городах Индии²⁹. И правитель отдал приказ: «приезжайте и торгуйте с миром»³⁰. В дальнейшем этот приказ был распространен по всему государству и гласил: «все франки могут приехать и торговать. И за это с них возьмут только подать королевскую, т. е. примт»³¹ (пошлину). Так продолжалось до 1695 года, до царствования Аламгира Оврангзеба³²,

который в это время из-за войны находился в Дакане³³. В 1695 году французский посол обратился к Оврангзебу и попросил местожительства для торговцев-французов. Другие лютеране пожаловались правителю, что его местные власти не разрешают им торговать, строить и содержать корабли. Тогда король отдал приказ по всему государству, чтобы всем французам дали место для поселения в три тысячи локтей, которые равняются 39 тысячам бигам³⁴, чтобы они построили свои поселения для торговли. И когда они услышали об указе, то пришли и построили свои поселения. Вблизи них поселились купцы других наций. Только за тридцать бигхов не было уплачено, за остальные купцы сами внесли деньги в казну короля.

Они сперва обосновались в Бенгалии на реке Ганга, в области Чатгам³⁵, вблизи некой крепости или маленького местечка, которое раньше было в руках латинцев и где находилась большая церковь под названием Бандел³⁶. На северо-востоке, который сейчас называется Хугли, голландцы выстроили для себя поселение и назвали его Чингра³⁷.

Французы построили поселение на юго-востоке, в местности, отстоящей на одну милю от реки Хугли, и назвали Чаннагра³⁸. Сейчас индусы его называют Фраштангой.

Датчане заняли для себя место на одну милю южнее Чаннагра, построили для себя поселок и назвали его именем Тлимпра, который сейчас переименован в Сирамपुर³⁹. Все эти поселения находились на западной стороне реки Ганг.

Англичане расположились на восточном берегу реки Ганг в тридцати милях или в двадцати косах от Хугли, где основали город Калькутту и крепость Форт-Вильям⁴⁰.

А в Декане англичане построили большой и красивый город Мадрас. Он находится на 13°14' северной широты.

Французы на 13 градусе 14 минуте северной широты, на расстоянии 22 коса или миль от Мадраса, построили город, названный Пуитишер⁴¹.

И датчане заняли свое место в провинции Тандзахур⁴² на 10 градусе 15 минуте северной широты и назвали свое поселение Трипбар⁴³.

Голландцы основали поселение в той же провинции, которая находится на расстоянии пяти миль южнее Транкбара и назвали его Негпатам⁴⁴. Так день за днем в разных местах были постепенно построены для торговли крепости и т. д. Так, распространяясь по всему побережью, все умножаясь, они к 1750 году стали уже овладевать Индией.

Произошли эти события сперва в Декане, а затем в Индии, о чем я буду повествовать в следующих двух главах.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В 1717 году от рождения Христа, когда умер Газдали-хан⁴⁵—визирь в Декане, его место занял сын Низамул-мульк⁴⁶—человек очень умный и хороший правитель. Он управлял всеми шестью суба страны Декан⁴⁷, он утверждал управляющих, которые платили ему подати, а эти подати он отправлял правителю страны.

В 1732 году он отдал страну Аркат в управление другому правителю⁴⁸ по имени Достали-хан⁴⁹. Он был по национальности узбеком из Бадашха⁵⁰. Когда Достали-хан с войском своим вышел из города Хайдарабата⁵¹ и направился в город Аркат⁵², бывший градоначальник по имени Хамадали-хан⁵³ покорно оставил город Аркат и уехал в провинцию Тандзахур (к радже Асамеру⁵⁴, т. к. они были старыми друзьями) и остался там жить.

В 1735⁵⁵ году из-за персидского нашествия Надир-шаха⁵⁶ визирь Низамул-мульк с многочисленным войском выехал из Хайдарабата и, направившись в Шахджеханабат к королю Махамат-шаху⁵⁷, присоединился к нему для войны против Надир-шаха.

Градоначальники и правители областей, узнав о нашествии и завоеваниях Надир-шаха, отказались платить подати королю.

По совету Хамадали-хана Тандзахурский раджа Асамер также не платил подати, несмотря на то, что правитель Арката Достали-хан неоднократно с мольбой просил его заплатить. Не видя выхода, Достали послал на Асомера своего сына Хайдара-хана и зятя своего

Чидасхапа⁵⁸ с войском. Они пошли на Таудзахур⁵⁹ и три месяца осаждали крепость, но когда Надир-шах власть над Индией снова вернул Мухамат-шаху, а сам вернулся в свою страну Иран, они сняли осаду. В это время визирь Низамул-мульк снова вернулся в Декан. Тогда Раджа Асамер начал просить у Достали-хана мира и отправил челобитную Хайдар-хану, сыну его. Тот не захотел помириться, и сказал: «Оставь страну твою и крепость и уходи прочь. Мы ничего не дадим тебе, мятежнику и неверному». Будучи беспомощным, раджа отправил одного из своих верных слуг с челобитным письмом в Надпур к маратхам, к радже Гослу, прося помощи и обещая вознаграждение в сумме 25 лакхов рупий. Тот согласился и тайно отправил в крепость Таудзахур 2000 конников. Ночью они внезапно напали на крепость, убили Гейдар-хана, обратили в бегство его войско, а зятя Достали-хана Чидасхапа взяли в плен и увезли в Нагпур⁶⁰, где раджа Рогоджи Госл⁶¹ посадил его в тюрьму. После этого Асамер в страхе перед случившимся приготовил множество подарков и отправил своего доверенного с королевской податью и челобитным письмом к визирю Низамул-мульку. В объяснении говорилось: «Достали-хан причинил нам много страданий и зла и превратил всю страну в развалины. Он не может по добру править страной, а если доверить управление страной хану Хамадаму, то будет много пользы, т. к. человек он добрый и миролюбивый, и мы преданно будем служить ему». Визирь Низамул-мульк получил подарки и челобитное письмо по пути в Патну, вблизи реки Нарбуд⁶². Он снова пожаловал управление страной Арката Хамадали-хану. Отправив указ об этом назначении, сам продолжал свой путь дальше.

Прибыв в Хайдарабад, он через несколько дней отдал Адони Рашюр⁶³, находящийся в шестом саркаре Арката, своему племяннику, которого звали Гератинди-хан⁶⁴. Этот последний поехал в Адони⁶⁵ и обосновался там. А когда раджа Асамер получил грамоту от визиря Низамул-мулька, то очень обрадовался. Вместе с Гератинди-ханом он собрал войско и двинулся на Аркатскую крепость. В сражении они убили Достали-хана, а его войска обратили в бегство.

Жена Достали-хана и дочь его—жена Чидасхана, находившиеся в Аркате, переехали жить в Пунтишерн, т. к. город этот в то время находился в руках французов. Правителем в Аркате стал Хамадали-хан и в стране установился мир. Раджа Асамер уехал в страну свою Таудзахур. А через четыре года скончался Хамадали-хан и правителем стал его сын Мнуриди-хан.

В 1749 году⁶⁶ от рождества Христова скончался визирь Низамул-мульк. На престол сел его второй сын, которого звали Насирджанк⁶⁷. Зять Достали-хана Чидасхан все еще находился в нагпурской тюрьме. Услышав о смерти визиря Низамул-мулька, он пошел к радже Гослу⁶⁸ и стал молить освободить его, говоря: «Вот уже 12⁶⁹ лет я нахожусь у тебя в тюрьме как слуга твой. Выпусти меня, разреши пойти повидаться с моими детьми. Где бы я ни был, я буду слугой твоим». И раджа маратхов дал ему свободу. Но когда он выехал из Нагпура, то не поехал в свой дом, а тайно отправился в Адонирачюр к Гератмиди-хану и попросил у него помощи для ведения войны и завоевания города Арката, обещая за это 30 рупий лакхов: «Ты отлично знаешь,—сказал он,—что визирь Насирджанк не ведет с тобой дружбу и страну твою может взять обратно в свои руки, а если мы поможем друг другу, тогда страну свою мы не отдадим». Тогда Гератмиди-хан ответил ему: «Добро, я сам поеду с тобой и отдам тебе город Аркат». Затем они призвали войска и двинулись на Аркат и, внезапно напав на город, окружили его и сражались там много дней. А Мнуриди, или Анварудин-хан Арката, тайно послал челобитное письмо в Хайдарабад, в котором сообщил об осаде города. В тот день, когда гонец доехал до Хайдарабада, визирь Насирджанк еще находился в трауре по своему отцу и раздавал милостыню нищим, как было принято по обычаю после смерти отца—40 дней держат траур, а через 40 дней веселятся по поводу восшествия на престол нового визиря. Поэтому гонцу Анварудина он ответил: «Иди и передай своему господину—пусть будет спокоен и не отдает свою страну, пока я по окончании траура не приеду и проучу их».

Гератмиди-хан и Чидасхан убедились, что из-за отсутствия пушек и неприступности города они не могут

взять крепость Аркат. Они обсудили это между собой, затем Чидасхан Гератмиди-хану сказал, что он находится в приятельских отношениях с главой пунтишерских французов и попросил дать ему разрешение пойти к нему за помощью. На это Гератмиди-хан ответил: «Добро, поезжай скорей и поступай по своему усмотрению».

Вместе со своим приятелем Низамеддин-ханом⁷⁰ он поехал в Пунтишери. Там он отправил своего приятеля к градоначальнику французов, которого звали месье Дюплекс⁷¹ и попросил у него помощи. Тот принял просьбу и приказал своему тысячнику мосье Дотелу⁷² с пятьюстами солдатами⁷³ и восемью пушками, с военным снаряжением отправиться на помощь. Получив помощь, Чидасхан приехал и присоединился к войскам Гератмиди-хана. На следующий день французы в 6 часов открыли огонь из пушек по крепости и разрушили все крепостные стены. Тогда войска, находящиеся в крепости, покинули Анварудин-хана и бежали, а французы, войдя в крепость, убили Анварудин-хана, захватили всю страну и Гератмиди-хана возвели на престол.

Тогда Гератмиди-хан отдал Аркатский край Чидасхану и потребовал от него обещанные деньги, сказав: «Отдай обещанные деньги, чтобы я смог поехать в Оврангабат⁷⁴ и попросить у визиря Насирджанка прощение, а тебе также выслать указ, чтобы ты мог управлять страной безбоязненно». А Чидасхан просил его подождать немного, говоря: «Когда я поеду в Тандзахур, возьму деньги у раджи, соберу подати, тогда и отдам тебе обещанное. А пока это невозможно, т. к. визирь Насирджанк занят празднествами».

Когда французы убили в Аркате Мнурудин-хана⁷⁵, после него осталось четверо сыновей. Старший сын, которого звали Махмат Али-хан с войском отца удрал в крепость Тинапули. Оттуда он написал челобитную визирю Насирджанку, в которой сообщил обо всем случившемся—о действиях французов и злодействе Гератмиди-хана. Визирь, узнав обо всем случившемся, по окончании празднеств собрал 3 лакха войск и выступил из своей страны, не осведомив об этом Гератмиди-хана и Чидасхапа, которые собрали свои войска и написали в Пунтишери главе французов мосье Дюплексу, прося подкрепления. Тот направил к ним одного из своих ты-

сячников с 500 солдатами, 8 пушками и со всем военным снаряжением. Они пошли на Тандзахур и 9 дней продолжалась осада крепости. Тандзахурский раджа Рамсер, сын покойного раджи Асамера, через преданного человека послал им 18 лакхов рупий и попросил мира. Получив деньги, они продолжали атаковать крепость, требуя 50 лакхов рупий и все трофеи, захваченные у Гейдархана.

Оказавшись в безвыходном положении, раджа Рамсер написал челобитное письмо визирю Насирджанку: «Окажи милость (и помоги), страну твою разоряют враги». Раджа Насирджанк находился еще в пути, когда получил письмо. Он приказал своим войскам стремительно продвигаться вперед.

В это время французские войска совместно с войсками Чндасхапа и Гератмиди-хана 26 дней сражались за тандзахурскую крепость. Когда градоначальник французов месье Дюплеке поехал проведать свои войска и войска Гератмиди-хана и Чндасхапа неожиданно узнал, что у ворот города Арката стоят войска визиря Насирджанка. В эту же ночь, бросив все военные приготовления, войска тайно оставили Аркат. Французы вместе с Чндасхапом отправились в Пунтишери, так как отсюда до Пунтишери было семь дней пути, а до Арката — двенадцать. Гератмиди-хан вынужден был сдаться в плен Насирджанку. После этого Насирджанк, продвигаясь вперед, осадил крепость Пунтишери и начал сражение. Насирджанк расположился в деревне Валандур⁷⁶, на расстоянии 2 косов от крепости. Здесь он раскинул свой шатер и жил в нем.

Многие из французов с богатыми подарками пошли к нему и, попросив прощения, предложили мир. Но тот немедленно отверг подарки, не принял предложение о мире и, возгордившись, заявил: «Пока до основания не разрушу город и не утоплю его в море, гнев мой не утихнет».

Армия его была так многочисленна, что раскинулась более чем на семь косов. Но не владея военным искусством, многие воины, подобно обезьянам, лишь перескакивали на конях с одного места на другое. Через четыре дня, когда Насирджанк собрался идти на крепость Пунтишери, французы собрали всех старейшин и вельмож,

т. е. созвали военный совет. Ночью, отобрав 600 солдат, открыли ворота и внезапно напали на спящую вражескую армию. Они истребили множество солдат, а к рассвету снова вернулись в крепость Пуитишери.

Увидев все это, Насирджанк приказал своим войскам отступить от крепости на пять косов.

Один из военачальников в армии Насирджанка, человек воинственный и храбрый, был по национальности афганец из города Адоши. Под его командой было 900 конников. Звали его Хемет Бхадур⁷⁷, и визирь Насирджанк очень любил его за храбрость. Бхадур раньше был очень дружен с Гератмиди-ханом, когда тот был правителем Адоши. Узнав об ужасных страданиях Гератмиди в тюрьме, Бхадур пошел к визирю Насирджанку и стал его молить о прощении Гератмиди-хана, говоря: «Он же является тебе почти братом и членом твоей семьи, а отец твой любил его как сына. Он невиновен, мы знаем об этом, всему виной Чндасхап. Ведь Гератмиди сам пришел к тебе с повинной. Поэтому прости ему. Сделай милость и освободи его из тюрьмы». Но мольбы Бхадура оказались тщетны. Затаив злобу, одного из своих слуг Бхадур тайно отправил к французам и поклялся им: «Я ваш друг, если вы начнете наступление, я при первом же случае выдам вам голову визиря Насирджанка». Письмо Хемат Бхадура очень обрадовало французов и они ответили ему: «Ты задумал это очень хорошо, но сопровождай нас, чтобы мы смогли добраться до его палатки, иначе он может удрать». И Бхадур снова написал французам: «Будьте спокойны. Я заранее отправил 200 конников будто бы для охраны армии, но прикажу им при подходе ваших войск проводить их к палатке визиря. Я сам его убью и, отрезав голову, отдам вам».

Французы задумались над тем, кого послать. Тогда тысячник месье Ласни, у которого один глаз был выбит пулей во время боя за Таидзахурскую крепость, сказал: «Я пойду. Или найду свой потерянный глаз, или потеряю второй». Это предложение понравилось совету. В Пуитишери стояло тогда две тысячи французских солдат. Храбрый полководец месье Ласни отобрал тысячу человек с 8 пушками и военным снаряжением, в полночь открыл ворота и вышел из крепости. Недалеко от армии

врага он встретился с конниками Хемата Бхадура и они вместе подошли к армии Насирджанка. Но здесь их заметили, затрубили тревогу. Оказавшись в безвыходном положении, храбрый полководец месье Ласин отдал приказ трубить в трубы, бить в барабаны и поднять флаг по всем правилам и с боем подойти к палатке Насирджанка. А сам Насирджанк, увидев наступление французских войск, поднялся на слона, объехал войска и приказал: «Убейте моих врагов». Встретив Хемата Бхадура, он сказал ему: «Брат, почему ты стоишь наготове и не сражаешься против несчастных?» Тогда Хемат Бхадур ответил ему: «Ты сам несчастный, ты не внял моей просьбе относительно Гератмиди-хана, так получай теперь взамен моей мольбы». Сказал и выстрелил в него из винтовки. Пуля попала прямо в сердце. Так преждевременно умер Насирджанк. После этого французский солдат отрезал голову Насирджанка и надел ее на копье. Увидев это, войско обратилось в бегство, а победители, захватив все богатство и все драгоценные камни, 8 крор золота, вернулись в крепость Пунтишери. Во вторник 18 сентября⁷⁸ 1750 г., на рассвете, французы собрали всех князей и вельмож Насирджанка, освободили Гератмиди-хана и провозгласили его визирем вместо Насирджанка.

После этого глашатай обошел и собрал разбежавшееся войско. Французы 50 дней веселились в Пунтишери, празднуя свою победу и чествуя Гератмиди-хана. Войска веселились за крепостными стенами. В крепости же остались только Гератмиди-хан, военачальники и братья Насирджанка—Славарджанк⁷⁹, Низамали-хан⁸⁰, Бсал Джанк⁸¹, Мзурали-хан⁸² и другие знатные лица. После пиршества визирь Гератмиди-хан отдал весь Аркатский край Чидасхапу. Затем он попросил у градоначальника Пунтишери войско, которое бы охраняло его до прибытия в Хайдарабад и восшествия на престол. Ему выделили 500 солдат с полным военным снаряжением под командованием тысячникков месье Каржана⁸³ и месье Дбуса⁸⁴, а после этого визирь (с охраной) вышел из Пунтишери и направился в Хайдарабад⁸⁵. Доехав до провинции Адони, Хемат Бхадур попросил у визиря Гератмиди-хана: «Подари мне этот край, я проживу тут. Ведь я помог твоему возвышению, убив твоего врага».

Визирь Гератмиди-хан ответил: «Сейчас не время просить об этом, подожди пока доедем до Хайдарабада. Как только взойду на престол, дам тебе все, что ты просишь, а также большие подарки». Но Бхадур не хотел ждать и он восстал против Музаффар Джонга.

Со своим войском покинул армию, стал бродить, грабить. Когда слухи о поведении Бхадура дошли до визиря Гератмиди-хана, он послал к нему человека с наставлением: «Не к добру ты делаешь это». Бхадур, однако, не стал его слушаться. Однажды, когда войска Гератмиди-хана вместе с французскими солдатами разоруженно продвигались по дороге, они подверглись нападению и ограблению со стороны афганских войск Хемата Бхадура. Гератмиди приказал захватить всех афганцев и разоружить их. Афганцы удрали, а затем по другой лесистой дороге вернулись и, встретив Гератмиди-хана без охраны, убили его. Но войска Гератмиди-хана отомстили за своего правителя, поймав восставших и уничтожив всех до единого. Подоспевшие французские войска подобрали тело Гератмиди-хана, увезли и похоронили с почестями.

На его место визирем был объявлен Славарджанк — третий сын Низамул-мулька, родной брат Насирджанка. Продолжая дальше свой путь, они досхали до города Хайдарабада. Там Славарджанк, заняв престол отца, стал управлять всей страной Деканом.

Славарджанк написал письмо в Пуитшиери градоначальнику французов и сообщил обо всем случившемся и о своем восшествии на престол отца. Он попросил французов оставить свои войска (в Хайдарабаде) для охраны правительства и поддержания порядка в стране.

Градоначальник французов, получив это письмо, не только выполнил просьбу Славарджанка, но и послал еще 200 солдат, которые присоединились к хайдарабадским войскам. Визирь Славарджанк передал в руки французов правление страной⁸⁶. А они, постепенно собирая войска из индийцев, снабдили их всех винтовками, обучали военному делу по всем правилам, назвали их гурди. Вскоре только в одном Хайдарабаде число французских войск превзошло 200 тысяч⁸⁷. Они заняли все побережье и все провинции, прилегающие к побережью

и к Хайдарабату, а также весь край Сикалол. На захваченной территории они назначили своих управляющих. До границы Бенгалии и провинции Катак они все подчинили своей власти. От Хайдарабата до прибрежных земель, называемых Мучилбандар, подчинили себе. В Мучилбандаре они держали многочисленные войска с большим количеством пушек и с полным военным снаряжением. Таким образом, за короткий срок господство христиан так прочно там укрепилось, что казалось, будто 200 лет назад эта страна была подвластна им и никто на этой земле никогда не слышал даже имени индийского короля.

КАКИМ ОБРАЗОМ АНГЛИЧАНЕ ВЫРВАЛИ ИЗ РУК ФРАНЦУЗОВ ДЕКАН

Как было сказано выше, после смерти Хамадали-хана сын его, Махматали-хан был изгнан и заточен в крепость Тишапули, а город Аркат, принадлежащий визирю Гератмиди-хану, благодаря посредничеству французов находился в руках Чидасхана. Когда визирь Насирджанк арестовал Гератмиди-хана и посадил его в тюрьму, Чидасхан бежал в Пунтишери. Сюда из крепости Тишапули Махматали-хан приехал проведать визиря Насирджанка. Тот утешил его и обещал отдать ему город Аркат. Но когда визирь Насирджанк был убит французами, Махматали-хан снова бежал в крепость Тишапули и стал жить там. Пока французы пировали в Пунтишери, Махматали-хан, визирь Гератмиди-хан и Чидасхан договорились о том, как им сохранить управление государством и крепость Тишапули. Из Тишапули Махматали-хан написал письмо в Мадрас английскому градоначальнику мистеру Томасу Сандрису и попросил у него помощи. Градоначальник прислал в крепость Тишапули в распоряжение Махматали-хана 500 солдат со всем военным снаряжением, чтобы с их помощью установить там надежную власть. Французы, узнав об этом, не придали этому значения, не подумав о том, что из нескры может возгореться пламя. После пиршества фран-

цузов визирь Гератмиди-хан вернул Чндасхапу всю страну Аркат, а сам отправился в Хайдарабад. Чндасхан со своим и французским войсками переехал из Пунтишери в Аркат и сделал его престольным городом. Узнав через несколько дней, что визирь Гератмиди-хан убит, а вместо него визирем стал Славарджанк—брат Насирджанка, который самовольно назначил своего брата наместником Арката, он со всем своим войском прошел по всей Аркатской провинции, чтобы подчинить ее себе. Ему удалось дойти до крепости Тшнапули, но английские войска, находившиеся в крепости, не подчинились и дали бой. Это разгневало Чндасхапа. Он приказал войскам осадить со всех сторон крепость и написал в Пунтишери, откуда ему прибыла помощь от французов. Англичане—сторонники Махматали-хана, находившиеся в крепости,—узнав об этом, тоже написали письмо в Мадрас и тоже получили подкрепление. Началось сражение, длившееся много дней. Чндасхапу не удалось занять крепость, он со своими и французскими войсками расположился на расстоянии полутора косов от крепости в огромном каменном храме Чранган.

Так как в это время между правителями двух христианских государств был мир, то не было причины для войны на территории Индии. Фактически это была война между Чндасханом и Махматали-ханом, а христиане лишь помогали то одной, то другой стороне. Война продолжалась, но Чндасхан никак не мог взять крепость Тшнапули. В 1752 году на помощь Махматали-хану прибыли из Англии многочисленные войска. Они окружили армию Чндасхана, в течение 28 дней осаждавшую крепость, разгромили ее, а самого Чндасхана убили, отомстив за кровь Хамадали-хана, отца Махматали-хана. Французские войска вскоре получили сильное подкрепление и тогда им удалось Хемат-хана, сына Чндасхана, сделать правителем. Война против Махматали-хана продолжалась, победу одерживала то одна, то другая сторона. Война велась на территории Арката. Хайдарабад же со всеми провинциями находился в руках французов до 1756 года, т. е. до начала столкновения между англичанами и французами⁸⁸. Король Франции отправил своего главнокомандующего монсеньера

Лалли⁸⁹ с шеститысячной армией в Индию, которая заняла английский городок Сент-Давид⁹⁰, находившийся на расстоянии трех косов от Пунтишери.

Затем эта армия двинулась и совместно с огромной индийской армией окружила Мадрас. Они сражались более двух месяцев, но ничего не смогли сделать. Французская армия потеряла более 2000 солдат. В крепости находилось более 2500 английских солдат, в городе было также много солдат из французской армии, перешедших к англичанам: после приезда монсеньера Лалли, который имел неограниченную власть в Индии, солдаты отказались сражаться, заявляя: «Если сейчас мы победим англичан и займем крепость, то прославится монсеньор Лалли и его войска». К тому же солдаты потеряли свой боевой дух, лишились храбрости, утратили боеготовность, так как многие погибли во время войны. А английские войска, получив поддержку, воодушевленные, обрели надежду и храбро защищали крепость до тех пор, пока не прибыли из Бомбея на помощь войска на шести кораблях. (Увидев флотилию англичан), французы бросили все военные снаряжения и, оставив без помощи на поле боя более 600 раненых солдат, бежали в Пунтишери. Англичане проявили милосердие; всех раненых отправили в лазарет, приказав врачам своим лечить их. Затем в Мадрас прибыли на помощь еще четыре корабля из Банкала⁹¹. (Тогда) англичане, продвинувшись дальше в сторону Декана в провинцию Сикакол⁹², там снова дали сражение, одержали победу над французами и соединились с войсками анкаколского раджи Чик-Балакпура⁹³, по имени Анадираджа⁹⁴, телиганцем по национальности. В то время англичане имели 500 белых солдат и 4 000 цветных—гарди, раджа имел 28 000 воинов, всего сражалось 32 500 солдат. Главнокомандующим (их) был Корнел Куст⁹⁵. Когда они совместно овладели всей провинцией Сикакол, французы в Хайдарабаде и в Мучлибандаре⁹⁶ снова собрали войско: одну тысячу белых солдат и 20 000 цветных солдат—всего 21 000. Обучив всех военному искусству, с 60 большими пушками, с полным военным снаряжением и главнокомандующим маркизом де Кофаном⁹⁷, продвигаясь вперед, они добрались до провинции Ралжбандар. Там, на расстоя-

нии 6 косов от деревни Петапура, на большом поле, которое называется Алари-Маларам, дали ожесточенное сражение, в котором французские войска потерпели поражение и обратились в бегство. Пробежав 50 косов пешим ходом, они добрались до крепости Мучлибандар и вошли туда. А английские войска с войсками раджи, постепенно продвигаясь, овладели всей провинцией и, дойдя до Мучлибандара, окружили город и крепость. Сражение продолжалось 44 дня, пока англичане 4 марта 1758 г. не заняли крепость. После овладения всей северной частью страны влияние в Индии англичан очень усилилось. А затем они, собрав из всех народов Индии многочисленное войско, вырвали и остальную часть из рук французов. Взяв в плен остатки французских войск, засевших в крепости Хайдарабад, продвигаясь дальше, англичане окружили Пунтишери. Сражение продолжалось 5 месяцев. Когда у осажденных кончилось продовольствие и они начали гибнуть от голода, им, оказавшимся в безвыходном положении, пришлось 15 января 1761 г. отдать в руки англичанам прекрасную и неприступную крепость Пунтишери.

Когда англичане заняли Пунтишери, они нашли там большое количество боеприпасов, забрали это все и вывезли в Мадрас. Непобедимая крепость и здания были разобраны до основания и все, начиная с дерева и кончая камнями, было увезено в Мадрас. Крепость Пунтишери стала развалиной, прибежищем для сов. Там не осталось камня на камне.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О ТОМ, КАКИМ ОБРАЗОМ АНГЛИЧАНЕ ОВЛАДЕЛИ ИНДИЕЙ, КАК АРМЯНЕ ДОСТИГЛИ МОГУЩЕСТВА И ПОТЕРЯЛИ ЕГО

В 1731 году, на четвертом году царствования короля Индии Махмате-шаха⁹⁸, наместником Банкалии стал некий князь по имени Муршидкули-хан⁹⁹—муж очень храбрый и правитель умный. Он попросил разрешения у короля собирать дань с краев Бахара¹⁰⁰ и Уриша¹⁰¹. Король согласился и выдал Муршидкули-хану указ о назначении его правителем трех суба: Банкали, Бхара и Уриша. После этого Муршидкули-хан с многочисленным войском из Шахджаханабада направился в Бхар—страну Патана¹⁰² и вновь подчинил ее Махмат-шаху. Одного из своих людей он назначил там правителем, а сам двинулся в субу Банкалур в город Дака¹⁰³. Из Даки Муршидкули-хан направил в провинцию Уриша, в город Катак¹⁰⁴, наместника и стал владыкой всех трех суба.

Спустя три года, в 1734 году, оставив в городе Дака своего человека, сам отправился в Банкалур. В провинции Кагра¹⁰⁵, северо-восточнее деревни Стапат восточнее реки Баграти (Ганг), он построил город площадью в три коса, назвав его Махузабат¹⁰⁶, и сделал своей резиденцией. Персидское слово «махуз» в переводе на армянский означает подать, а слово «абат» послание. Город этот стал сердцем Банкалии, так как отсюда было очень удобно наблюдать за жизнью страны и управлять тремя суба.

Муршидкули-хан остался жить в Махузабате и, сея мир и добро, всю свою жизнь управлял тремя суба. В суба Бихар Муршудкули-хан назначил правителем своего человека—Алаверди-хана¹⁰⁷. В 1738 году Муршудкули-хан скончался¹⁰⁸. На престол вместо отца вступил Шафраз¹⁰⁹. Через некоторое время Алаверди-хан двинулся с многочисленным войском из Патны, распространив слух: «Еду в Махузабат проведать Шафраз-хана, поздравить его с восшествием на престол и преподнести подарки, дабы получить от него халат». Доехав до местечка Гира¹¹⁰ (в Раджмхале)¹¹¹, Алаверди-хан дал знать Шафразу, что едет с многочисленным войском. Шафраз в свою очередь с многочисленным войском двинулся навстречу Алаверди-хану из Махузабата в Раджмхал. Там на поле Гирри на берегу реки Ганга оба войска расположились лагерем друг против друга, на расстоянии два коса. Алаверди-хан известил Шафраз-хана: «Завтра приду с визитом к своему повелителю». Обрадованный Шафраз-хан не принял никаких мер предосторожности и начал готовить большой пир. На следующий день Алаверди-хан стал приближаться к лагерю Шафраз-хана, вскоре отдал приказ своим солдатам начать сражение против войск Шафраз-хана и ограбить весь лагерь. Армия Шафраза была немногочисленна и не подготовлена к отпору, к тому же часть ее изменила, протянув руку врагу. В этом бою Шафраз-хан был пойман и убит¹¹².

После этого Алаверди-хан собрал войска, прибыл в город Махузабат, занял там престол и стал владыкой трех суба. Многие из градоначальников хотели отомстить ему за кровопролитие, но все их старания были тщетны. Одним из них был раджа маратхов Рокоджи Госле¹¹³. Алаверди-хан отправил против него одного из своих доверенных людей—Мирабиб-хана. Рокоджи Госле выступил против врага с шестидесятитысячной армией. Эта междоусобная война продолжалась пятнадцать лет. Когда войска Алаверди-хана двинулись на армию маратхов, последние пустились в бегство. А тем временем войска Алаверди-хана разграбили всю страну маратхов, захватили богатые трофеи, сожгли все деревни.

После смерти Мирабиб-хана был заключен мир.

Алаверди-хан отдал по договору маратхам суба Уриша¹¹⁴. Обе стороны, заключив мир, поклялись, что между ними вовеки не будет войны. После этого у Алаверди-хана остались только две субы—Бхар и Банкала, которыми он правил до самой смерти.

В 1756 году Алаверди-хан скончался. Так как он не имел сыновей, то на престол сел его внук со стороны дочери—Шираздовла¹¹⁵. У Алаверди-хана было две дочери, которых он отдал замуж за своих племянников. Младшая дочь имела двух сыновей. Старшего звали Илидж-ханом. Еще при жизни Алаверди-хан отдал Илиджу край Пурнана¹¹⁶, где тот и жил. А второго, младшего внука Шираздовла, которого Алаверди-хан очень любил, оставил при себе. Своего свояка способного воина Мирджафарали-хана¹¹⁷ он назначил командующим войском, а одного идолопоклонника по имени Джжсет¹¹⁸—богатого и умелого—сделал начальником сбора податей и пошлин по всей стране. Джжсет отпускал месячное жалованье армии и средства на всякие расходы. Когда он собирал подати с каждой сикка по рупии, то из 16 анн клал в казну только 14, присваивая себе две анны. А когда сам отпускал деньги для армии из казны, то с каждой рупии отбирал еще две анны. Таким образом, он накопил большое состояние. Когда Джжсет представлял Алаверди-хану счета, то хан более 50—60 тысяч рупий из пошлин не брал, говоря: отправь это в мою казну, и требовал у Джжсета только ресит¹¹⁹, которые прятал.

Когда Алаверди-хан скончался, на престол взошел Шираздовла, но вместо выполнения завещания деда начал делать все наоборот. Он был жестоким по характеру, заядлым женолюбом и развратником. Шираздовла, обнаружив расписки на девять кронв рупий, приказал Джжсету явиться к нему. Когда тот явился, Шираздовла показал расписки и сказал: «Сейчас же верни». Джжсет, перепугавшись, ответил: «Деньги все на месте, отдайте приказ отправить их в казну». Шираздовла потребовал сперва представить все счета, которые он показывал деду. Джжсет обещал это сделать и в тяжелом раздумье пошел домой. «Если я даже все мое достояние отдам ему,—думал он,—вряд ли освобожусь от этого варвара».

Однажды Ширазовла, переодевшись женщиной, тайно пошел в дом Джксета, чтобы совершить прелюбодеяние с его женами. Мать Джксета узнала переодетого Ширазовлу. Благоразумная старуха стала упрекать его и без шума выставила из дому. Когда сын вернулся домой, она ему рассказала о случившемся. Тогда он тайно, подобно змее, вместо денег приготовил яд, чтобы погубить Ширазовлу, привлек на свою сторону многих князей.

Когда брат Ширазовлы, Илдж-хан, услышал о смерти деда и о его завещании, а также о поведении брата, то он покинул Пуранию и отправился в путь, чтобы взять в свои руки управление страной. Ширазовла, узнав об этом, с многочисленным войском поспешил ему навстречу и дал сражение. Во время боя шальная пуля угодила в сердце старшего брата, за смертью свалив его со слона. Так преждевременно погиб Илдж-хан.

Забрав все имущество и богатство брата, радостный Ширазовла вернулся в Махузат. После смерти брата он возомнил себя самодержцем, не понимая, что остался беспомощным. Упиваясь властью, он еще больше вершил насилий, чем восстановил против себя знать, вел себя недостойно, неблагоразумно управлял страной, оскорблял и обижал всех. Его вельможи, хотя и боялись его, в глубине души помышляли о заговоре¹²⁰. Вот почему благоразумный дед управлял страной семнадцать лет до самой смерти, а внук его из-за своего неумения не смог этого сделать и семнадцати месяцев.

В 1757 году за незначительную недостачу¹²¹ Ширазовла хотел казнить раджа Блуба¹²²—начальника своей канцелярии, которую индийцы называют «диван». Беспомощный, страшась смерти, Блуб бежал в Калькутту к англичанам, посредством которых надеялся спасти свою жизнь.

Наваб Ширазовла, в это время находившийся в Раджмхале¹²³, собирался поехать в суба Бхар, чтобы осмотреть свою страну. Услышав о побеге начальника своей канцелярии, он отправил одного из своих князей к английскому градоначальнику Калькутты, мистеру Дреку¹²⁴ и передал ему: «Верните слугу моего, убежавшего в ваш город и находящегося у вас». На это Дрек

ответил: «Я не имею указа от своего короля насильно выгонять тех, кто во имя спасения своей жизни приходит к нам под наш флаг и не желает уходить добровольно. Насильно вернуть не имею права. Поэтому прошу о прощении его». Но Шираздовла не согласился и отправил в Калькутту второго представителя, передав: «Вы не имеете права держать моего слугу. Вы должны вернуть его мне закованным». Англичане снова ответили: «У христианских королей не принято возвращать смертника, который для сохранения своей жизни перебежал к ним и нашел защиту под их флагом. Поэтому и не можем его выдать». Затем англичане со своей стороны послали к навабу мудрого и миролюбивого человека, чтобы по возможности помириться с ним.

Посланник англичан не успел еще доехать до Раджмхала, как Шираздовла с войском вернулся в Махузабад. Вблизи города Махузабада англичане имели небольшую крепость Хасумбазар¹²⁵ и маленький торговый поселок. Шираздовла послал туда человека, вызвал начальника этой крепости¹²⁶ и посадил его в тюрьму. Запня крепость, захватив все богатства и товары, он с войском двинулся дальше. Хотя его много раз просили о мире, он не соглашался¹²⁷.

Войска Шираздовлы внезапно напали на Калькутту. В Калькутте не было военной крепости, а был только маленький замок, окруженный стеной. Там находился дом градоначальника и все имущество торговцев. Войска Шираздовлы окружили замок, где находился немногочисленный английский гарнизон—400 человек¹²⁸. Число проживающих там купцов-христиан, в том числе и армян, не превышало 15. Армяне были богатыми купцами. В Калькутте находилось также много купцов и других национальностей—греки, ассирійцы, португальцы и многие другие, которые не успели забрать или спрятать все имущество и товары. Оставив дома, полные товарами, они бежали и спрятались в замке. А войска противника начали грабить Калькутту.

Когда, спрятавшись в замке, христиане увидели, что на помощь им надеяться нечего и освобождения не будет, они вынуждены были открыть маленькую дверь крепости, выходящую к реке Ганга, поднялись на свои

корабли и, обрезав канаты, привязанные к якорям, подняли паруса и поплыли на юг. Небольшой замок же, полный богатств, был ограблен войсками Шираздовлы. Многие из английского войска, не успевших убежать, взяли в плен и посадили в маленькую тесную тюрьму. Нечестивые воины Шираздовлы по его приказу бросали англичан друг на друга, из которых за одну ночь умерло 15 человек¹²⁹. После овладения всем городом и разграбления имущества Шираздовла оставался там 25 дней и город Калькутту переименовали в Алипчар¹³⁰. Затем, оставив там часть войска и отдав город в руки раджи Минкчанда¹³¹, сам с остальным войском, награбленным добром и с женами некоторых христиан из европейской знати вернулся в Махузабад.

В это время при княжеском дворе Банкалии находился видный вельможа-армянин Ага Петрос Тер-Никогосян¹³² из Джуги—весьма знаменитый купец. Благодаря своей верности, благоразумию и правдивости он пользовался такой большой любовью у Алаверди-хана, что его жена называла Ага Петроса своим братом. Он мог без особого разрешения и препятствий свободно навещать свою названную сестру. Вся знать уважала его за благородство и честность. Ага Петрос преподнес богатые подарки и много денег, сумев, таким образом освободить жен европейцев и привезти их с собой. Он утешил их, оставил на несколько дней у себя и, обеспечив всем, отправил в местечко Валандизи, а оттуда в Калькутту. Среди них была Биби Джанси—жена губернатора Калькутты¹³³.

После занятия Калькутты Шираздовла отдал приказ по всей стране: «Все английские товары и имущество реквизировать и вместе с купцами отправить ко мне». А они были во многих местах—и в субе Бхарской, и в субе Банкала, в Даке и в Малде. Несмотря на то, что многие из англичан поспешили в Палту¹³⁴, все их имущество и товары были захвачены.

Англичане и остальные христиане, бежавшие на корабле, удалились от Калькутты на расстояние 20 кос и бросили якорь около деревни Палтабраси. Территория эта принадлежала голландцам. Здесь они построили для себя маленькую деревню и пристань для больших ко-

раблей. Из-за обмеления Ганга корабли обычно оставались в деревне Палтабраси, получали помощь и ремонтировались.

В это время беженцы начали испытывать большие трудности из-за отсутствия пищи и нормальных условий жизни, так как все жители окружающих городов от страха перед варварами стали их врагам и никто не решался дать им пищу. Англичане и другие христиане тайно собирали маленькие отряды, которые внезапно сходили на берег и, обходя соседние деревни, грабили их, добывая себе пропитание. Этого, однако, не хватало даже солдатам и морякам. Все испытывали большие затруднения. Особенно страдала знать—для нее не было пищи, к которой она привыкла, поэтому ее положение было еще более затруднительным.

В это время в Банкалии жил некий купец-армянин по имени Ага Петрос, сын Калантара Арутюняна¹³⁵ из ереванского квартала Н. Джуги. Петрос в свое время приехал из Персии торговать и остался в Банкалии. Он прожил там более 20 лет и хорошо знал все обычаи этой страны. Не считаясь со строгим приказом варвара и не испугавшись, что сам может лишиться жизни, он сделал немало добра для англичан. Но он никогда не думал, что придет время, когда за все его благодеяния англичане отплатят ему и его нации неблагодарностью¹³⁶. Он тайно пошел к радже Минкчанду и сказал ему: «Моя семья тоже спаслась бегством и находится в Палтабраси на корабле. Она там голодает. Дай разрешение послать ей пищу». Минкчанд, будучи его давним другом, разрешил тайно так, чтобы никто об этом не узнал, послать семье все необходимое.

Ага Петрос, возвратившись от Минкчанда, подготовил много продуктов, наполнил ими четыре лодки и тайно отправил в Палтабраси к англичанам. Те, получив все это, поблагодарили его и обещали отплатить ему добром. Через некоторое время Петрос снова подготовил для англичан всевозможные припасы и, наполнив ими множество лодок, отправил к ним. Все это они опять приняли с большой благодарностью и обещали, что не останутся в долгу и заплатят в тысячу раз больше. Они захотели повидаться со своим благодетелем. Через несколько дней

Ага Петрос снова приготовил еще больше продовольствия и, погрузив в многочисленные лодки, сам повез в Палтабраси. Вся английская знать была восхищена его преданностью и храбростью. Все англичане единогласно от имени своего короля, от имени Компании и от себя лично обещали за услугу платить благодарностью из поколения в поколение. Оставшись одну ночь на корабле, Ага Петрос на следующий день вернулся в Калькутту. Так, примерно в течение 6 месяцев Петрос посылал питание и все необходимое английским беженцам.

Однажды, когда Ага Петрос снова прибыл в Палтабраси проведать знатных англичан, к его кораблю подошли на помощь 8 английских кораблей с многочисленными войсками. 5 из них прибыли из Бомбея с двумя командующими—адмиралом Кокак¹³⁷ и командующим сухопутными войсками генерал-полковником Клевисом¹³⁸. Остальные три корабля пришли из Мадраса под командованием главнокомандующего морского флота адмиралом Ватсеном¹³⁹. На этих кораблях было 3 000 индусских солдат (которых называют гарди или сипаи), а также несколько сот англичан. Всего на кораблях и в Фальтебрасе было 3500 солдат¹⁴⁰. Корабли привезли с собой много военного снаряжения.

Когда Ага Петрос захотел вернуться в Калькутту, то англичане его непустили и оставили при себе советником.

Выйдя из Палтабраси, корабли англичан доплыли до деревни Пудбуджня¹⁴¹, где была крепость. Узнав, что в крепости находится не только двухтысячный гарнизон войск Шираздовлы с большим снаряжением, но и двухтысячная конница раджи Минкчанда в полной военной готовности, они разбили лагерь на расстоянии одного кося от крепостных ворот. Пуджбуджня находился на расстоянии 7 косов восточнее Калькутты. Англичане окружили крепость, но после пятидневного сражения не смогли овладеть ею. Тогда, посоветовавшись, они послали к Минкчанду для переговоров 4 англичан, но это не дало результатов. Оказавшись в безвыходном положении, они спросили Ага Петроса тайно поехать к радже Минкчанду, постараться подкупить его обещаниями и взятками и перетянуть его на сторону англичан. Раджа,

согласившись, велел передать англичанам: «Когда вы нападете на мою армию, я во время сражения прикажу моим солдатам пуститься в бегство».

Ага Петрос вернулся на корабль и рассказал об этом англичанам. Подготовившись, они сошли на берег. Часть войска окружила крепость, вторая часть была послана против армии Минкчанда и начала сражение. Раджа Минкчанд с войском обратился в бегство. Находившиеся в крепости, не ведая о бегстве солдат Минкчанда, продолжали сражение еще 4 дня. Узнав о бегстве войск раджи Минкчанда, защитники крепости были в недоумении и смятении. Тогда капитаны английских кораблей пришли к адмиралу Кокаку и попросили: «Разрешите нам в эту ночь полком моряков без участия пехоты взять крепость». Адмирал отдал приказ: «Делайте, что хотите, но только в эту ночь». Капитаны, вернувшись на корабли и отобрав несколько сильных людей и 200 моряков-маринеров, в ту же ночь сошли на берег. Каждый имел при себе только пару пистолетов и кортик. Они тайно, по-одному, подошли к крепостным стенам. При помощи канатов, поддерживая друг друга, взобрались на крепостную стену. Ночь была очень темной. Хотя многие солдаты в крепости еще не спали, но никто не слышал шума и не подозревал о нападении, пока моряки в один голос крикнули «ура» и, спрыгнув со стены, стали стрелять из пистолетов и с ножами в руках ворвались в крепость. Находившиеся там жители и войска в панике бросили оружие и через восточные ворота пустились в бегство. В крепости никого не осталось.

Английские войска утром заняли Буджбуджа. Оставив полк снайских солдат, с остальным войском на кораблях они поплыли к городу Калькутте. Все солдаты Шираздовлы бежали. Англичане сошли с кораблей и без боя овладели Калькуттой¹⁴². Через несколько дней они собрали новое войско и направили его на город Хугли, который раньше принадлежал португальцам. Как было сказано выше, его у Португалии захватили индусы. Здесь находился многочисленный индийский гарнизон. Добравшись до города, начали сражение. Индусы, оставив город, бежали¹⁴³. Англичане, ограбив и предав город огню, вернулись в Калькутту.

Услышав об этих событиях, Шираздовла собрал новую армию и снова двинулся на Калькутту. Он добрался до северной части города, которая называется Бахбазар. Местность Бахбазар была равнинной, там были сады и обширное поле. Здесь он расположил свой лагерь. Как-то ночью 1200 английских солдат тайно подошли к неприятельскому лагерю и внезапно с неслыханной храбростью напали на войска Шираздовлы. Многие из солдат Шираздовлы погибли¹⁴⁴, а остальные пустились в бегство. После победы англичане вернулись в Калькутту. На следующее утро представители знати Шираздовлы¹⁴⁵ приехали в Калькутту и заключили с англичанами мир. Шираздовла обязался платить англичанам контрибуцию за потери, понесенные ими в Банкали¹⁴⁶. После перемирия Шираздовла вернулся в город Махузабат.

Спустя некоторое время между англичанами и французами в Европе вспыхнула война. Узнав от своего короля о начале войны, англичане вышли из Калькутты и, следуя сухонутным путем, окружили французскую крепость Джаднагар. Сражение продолжалось 10 дней, но англичане не смогли овладеть крепостью и вынуждены были вернуться в Калькутту. Отсюда они направили к крепости 3 военных корабля, которые подошли к реке Ганга и обстреляли Джаднагар из пушек. Все крепостные стены были разрушены до основания. Англичане не хотели, чтобы такая непобедимая крепость оставалась в чужих руках. После взятия англичанами Джаднагара там был оставлен маленький гарнизон. Взяв с собой все награбленное добро и пленных, англичане возвратились в Калькутту. По закону того времени, англичане приводили пленных к присяге, давали им питание и помещали в лагерь. Пленных французских солдат было более 250 человек. Часть знатных французов англичане оставили в Калькутте, а другую часть отравили в Чичру.

После этого одного из своих тысячников, мистера Ватча¹⁴⁷, с Ага Петросом англичане послали из Калькутты в Махузабат к Шираздовле для получения контрибуции за ограбление Калькутты. Шираздовла, встретившись с ними, начал изворачиваться—то затягивать уплату со дня на день, то, разозлившись, говорил: «Не заплачу» или «Снова призову армию и буду преследовать

англичан до их страны». А иногда соглашался: «Раз я своими устами обещал, то дам». Пока велись переговоры, Шираз тайно отправил одного из своих знатных людей к французам в Дакан с письменным предложением: «Придите на помощь, а я вам обещаю много земли и богатства. Давайте объединимся и начнем войну против англичан, выгоним их из моей страны и не допустим, чтобы они снова вернулись».

Французы, получив письмо Шираздовлы, разгадали его хитрость и решили не вступать с ним в союз.

Главнокомандующий войсками Шираздовлы Джафарали-хан был другом Ага Петроса. Несколько раз Ага Петрос тайно ходил к нему домой и вел переговоры. Джафарали обещал: «Если еще раз англичане начнут войну против Шираздовлы, то я во время одного из боев присоединюсь со своим войском к вам и арестую Шираздовлу. Тогда управление страной вы отдадите мне. Взамен обещаю 4 курура рупий¹⁴⁸ и вашу территорию (Калькутту)». Англичане с удовлетворением приняли это предложение. С обеих сторон договор был скреплен клятвой. После заключения договора английские послы—мистер Ватч и Ага Петрос—тайно, чтобы никто об этом не узнал, перебрались из Махузабата в Калькутту.

Подготовив армию, англичане вышли из Калькутты. Узнав об этом, Шираздовла также собрал свою армию и вышел из Махузабата. Пройдя 80 косов, он остановился у деревни Плесн¹⁴⁹, в провинции Катуга. Там на плесском поле встретились армии двух противников. Главнокомандующим английских войск был мистер Клевис, а индусов—сам Шираздовла.

Шираздовла разбил свою армию на три части. Одной частью он командовал сам, вторую, под командованием Мир Джафарали-хана, он направил на противника с востока, третью часть под командованием Мир Мадана¹⁵⁰—с севера. Началось сражение. Англичане, узнав, что Джафарали-хан тоже выступает против них, сказали Ага Петросу: «Мы поверили твоим словам и начали войну, но войска Джафарали-хана тоже воюют против нас. Что это значит?» Ага Петрос тайно пробрался к Джафарали-хану и сказал: «Ведь ты заключил клятвенный договор с нами, почему же сейчас ты действуешь

против нас?» Джафарали-хан ответил: «Меня вы не бойтесь, прислушайтесь к грохоту стрельбы. Мы стреляем вхолостую, только порохом, нет снарядов в пушках и пуль в винтовках. Насколько можете, усильте атаки ваших войск против войск Мирмадана, который храбро сражается против вас. Когда вы его убьете или обратите в бегство, тогда мы присоединимся к вам».

Ага Петрос вернулся и рассказал об этом английскому командованию. Убедившись в правоте слов Джафарали-хана, англичане все свои силы двинули на полки Мирмадана. Англичанам было известно, что Мирмадан был верхом на слоне и так как никто из англичан не знал его в лицо, то они убили многих сидящих на слонах, пока Джафарали-хан не послал своего человека, который и показал слона Мирмадана. Пушечным выстрелом англичане убили Мирмадана. Войско Мирмадана, заметив это, пустилось в бегство. Увидев отступление своей армии, Шираздовла пошел к Джафарали-хану и спросил: «Что случилось? Мои войска пустились в бегство, что теперь делать? Какой совет дашь». Тот ответил: «Зачем тебе оставаться здесь? Поспешн в город, собери свои войска и срочно отправь их сюда. Пока они подойдут мне на помощь, я буду сражаться против врага, оставь твои полки под моим командованием».

Несведущий Шираздовла согласился и отдал свои войска в руки изменника, а сам в полдень, оставив поле боя, добрался до Махузабата. Он отдал приказ начальнику своей казны раздать деньги войскам и известил всех: «Кто хочет воевать против моего врага, пусть получит деньги». В течение шести часов он раздал своим войскам более одного крора. Каждый крор равняется сто лакхам рупий.

После отъезда Шираздовлы в город для сбора войск, Джафарали-хан присоединился к англичанам и они начали совместно сражаться против остатков войск Мирмадана. Призванные солдаты, получившие деньги, узнав об этом, попрятались в своих домах и не отправились на войну.

Услышав о случившемся, Шираздовла впал в панику. Взяв трех своих верных слуг, он сел в лодку и тайно поплыл по направлению к субе Бхар. После трехдневного пути они доехали до города Раджмхал¹⁵¹. Еды у них не

было, и Шираздовла послал одного из своих слуг в город для покупки пищи, а сам спрятался недалеко от города.

Жители, увидевшие слугу, узнали его и сказали: «Это же один из верных слуг Шираздовлы. Но почему он здесь». Услышав об этом, местный судья (кази) послал своего человека, который привел слугу Шираздовлы к нему. Судья его спросил: «Откуда идешь? Мы тебя знаем—ты один из верных слуг Шираздовлы, и все его имущество было в твоих руках. Может быть, ты что-нибудь похитил и убежал сюда? Пока не признаешься и не скажешь правду, я тебя не выпущу и прикажу посадить в тюрьму».

Слуга признался, что повелитель его находится вблизи города и рассказал о причине его приезда.

Услышав это, кази обрадовался, так как был ярым врагом Шираздовлы, ибо года четыре тому назад тот арестовал его из-за пустяка, отнял у него состояние и сбрил бороду.

Судья поспешно встал и со своими слугами пошел к Шираздовле. Приветствуя его поклоном, он сказал: «Владыка, по какой причине ты находишься здесь? Сделай милость, приходи в дом слуги своего, который находится рядом. Я слуга твой и всячески готов служить тебе. Немного отдохнешь в моем доме, все будет по твоему повелению». Многими льстивыми словами судья уговорил его, пока не заманил к себе. После этого кази срочно отправил одного из слуг к Джафарали-хану с сообщением. Слуга кази еще был в пути, когда солдаты Джафарали-хана, разыскивавшие Шираздовлу, арестовали его в доме кази и посадили в тюрьму.

Тем временем англичане и Джафарали-хан, услышав, что Шираздовла бежал, ночью со своими войсками заняли город Махузабат и по всей стране распространили приказ: «Где бы он ни был, найти Шираздовлу, арестовать и привести в Махузабат». К тому времени прибыл слуга кази и передал, что Шираздовла находится в Раджмхале в доме местного кази.

Англичане и Джафарали-хан тут же послали сына Джафарали-хана Мирана в Раджмхал с конным отрядом. Город этот находился на расстоянии 40 косов от Махузабата. Им было приказано в течение 24 часов

доехать до места, арестовать и привести Шираздовлу. До рассвета они добрались до Раджмхала и здесь узнали, что он уже арестован и посажен в тюрьму. Англичане приказали Джафарали-хану: «Если приведут Шираздовлу, то держи его в тюрьме, пока мы сами не допросим его». Но у Джафарали-хана возникло сомнение, и он подумал: «Если я не убью его может быть, с ним снова заключат договор и оставят правителем». Поэтому он приказал сыну своему тайком убить Шираздовлу.

Миран наказал своим слугам привести к себе Шираздовлу связанным. Когда его привели к Мирану, он стал плакать и умолять его: «О брат, не убивай меня, обеспечь меня до конца моей жизни и пусть вся моя страна будет вашей. Где хотите, там и держите меня». Ответил ему неверный: «Почему месяц тому назад ты не отдал нам страну, чтобы мы ею управляли, а разрешил чужеземцам овладеть ею. А когда они завоевали всю твою страну, тогда только обещаешь? Если бы мы были на твоём месте, ты не оставил бы нас в живых. Потому я и убью тебя». Сказав это, он снял меч и ударил его по плечу. Шираздовла упал на землю и со слезами на глазах умолял оставить его в живых, но Миран снова ударил его, на этот раз в сердце, и убил¹⁵².

Затем люди Мирана отрубили голову Шираздовле, туловище водрузили на слона, голову подняли на кол и понесли впереди. Миран со своим войском возвратился обратно в город Махузабат. Свидетели этой варварской расправы были возмущены и хотели лишить Мирана жизни. Поэтому Джафарали-хан попросил прощения за поступок сына, заплатил много денег англичанам и, заключив мир с ними, стал правителем двух¹⁵³ суба: Банкали и Бхары. Труп Шираздовлы два дня возили по городу, пока он не разложился—тогда похоронили в саду «Мурад», рядом с могилой Алаверди-хана.

В 1757 году, 12 октября¹⁵⁴, в понедельник, Джафарали-хан взошел на престол. Открыв казну Алаверди-хана и Шираздовлы, отдал англичанам 4 крора рупий и множество драгоценных камней в качестве компенсации за убытки, понесенные жителями Бенгалии.

Англичане отдали Ага Петросу 1 лакх (т. е. 100 000) рупий, что составляло стоимость потерь калькуттских

армян¹⁵⁵. Остальные нации, которые тоже понесли ущерб, получили более полутора крора рупий. Купцы всех национальностей с благодарностью взяли деньги, только армяне отказались брать, так как они были очень богаты и решили в честь победы христиан и в память об армянах подарить свою долю Компании.

Весть об убийстве Шираздовлы и обо всех этих событиях распространилась по всей Индии. Вскоре об этом узнали также в Авоте¹⁵⁶. Правитель Авота Шуджадовла¹⁵⁷, который был визирем индийского правителя и побратимом Шираздовлы, был сильно опечален и разгневан. Он подготовил многочисленную армию, во главе которой поставил командующего своими войсками Ахмад-кули-хана¹⁵⁸. Последнего вместе с наследником трона Индии Алигухаром¹⁵⁹, сыном Аламгира (спасшегося в Шаджанабаде от рук визиря Газди-хана), он отправил на войну в Бхар и Банкалу.

Войска Кули-хана и Алигухара осадили Патану¹⁶⁰ и начали сражаться против войск Джафарали-хана.

Услышав об осаде Патаны, англичане и Джафарали-хан подготовили свои войска и отправились на помощь защитникам крепости. Командующим войсками был назначен сын Джафарали-хана—Миран. Добравшись до Патаны, он напал на войска Шуджадовлы. Алигухар, убедившись, что взять крепость ему не удастся, оставил город Патану и со своим войском по лесным дорогам, уклоняясь от встреч с врагом, ушел в направлении Бирбуна¹⁶¹. Еще находясь на пути к Патане, Ахмад-Кули-хан получил приказ от Шуджадовлы оставить войска под командованием Алигухара, а самому срочно вернуться в Авот к визирю.

Между тем наследник трона добрался до Брбхуна и начал сражение за город. Джафарали-хан и англичане послали против Алигухара свои войска. В провинции Таджпур¹⁶², вблизи деревни Аламгар¹⁶³, произошла битва, которую Алигухар проиграл и бежал.

Но когда Джафарали-хан возвратился со своим войском из Аламгара в Махузат, сын Аламгира вернулся, чтобы продолжать войну. В 1759 году, когда сын Аламгира сражался под Патной, против него двинулся сын Джафарали-хана Миран. Доехав до Мункера¹⁶⁴, в

провинции Сикалод¹⁶⁵, на поле вблизи деревни Алты он расположил свой лагерь. В эту ночь Миран во время сна был внезапно поражен молнией, которая ударила из небольшой тучи. Все тело его было сожжено. Так, за убийство государя своего мечом господа бога безбожник был убит.

Увидев это, его воины, оставшиеся без командира, отправились в крепость в Патну и стали ждать наместника края Рамнара, который со своим войском также шел на войну против Алигухара. Когда войска Джафарали-хана шли на север, Аламгир бежал на юг. Когда же они спускались на юг, он бежал на север. Так месяца три войска Алигухара не давали покоя Джафарали-хану.

Джафарали-хан, хотя и имел пять сыновей, но малолетних и не было среди них такого, который мог бы после него управлять страной. А Джафарали-хан заболел проказой и даже еще при жизни не мог править. Поэтому англичане отдали правление двумя суба в руки его зятя Касумали-хана.



У Петрос-аги было два брата: Григор¹⁶⁶, который впоследствии был назван Горгин-ханом, и Барсег-ага¹⁶⁷. Братья вели торговые дела в городах Банкала. Григор жил в Махузабате и был другом Касумали-хана¹⁶⁸. Однажды Касумали спросил его: «Может ли твой брат Петрос-ага ходатайствовать перед англичанами, чтобы я стал правителем? Тогда я отдам им область Бардуана¹⁶⁹, которая по королевским грамотам (фирманам) должна платить мне подати в размере 52 тысяч лакх рупий. Отдам им также Исламабатский саркар (Чатигам)¹⁷⁰, доход от которого равняется 25 тысячам рупий. Общая сумма вместе с податью составит более чем один крор рупий. Кроме всего этого, оплачу и расходы, которые потребуются для содержания английской знати». Горгин-хан ответил: «Добро, я сам с божьей помощью поеду в Калькутту молить брата моего, чтобы он выполнил желание твоего сердца».

Через несколько дней Горгин-хан поехал в Калькутту и все рассказал своему брату.

После этого Петрос-ага пошел к губернатору Венцетеру¹⁷¹, рассказал ему об этом и объяснил, какую прибыль все это принесет. Предложение обрадовало англичан. Они ответили: «Согласны, если Касумали-хан сначала придет к нам, даст клятву и тайно от Джафарали-хана составит с нами договор». Григор, возвратившись, рассказал все Касумали-хану. Через несколько дней Касумали-хан, получив у Джафарали-хана разрешение выехать из Махузабада якобы на прогулку, с большими подарками поехал в Калькутту. Петрос-ага исполнил его желание, о котором уже говорилось.

После заключения договора Касумали-хан назначил Петроса-ага своим доверенным. Касумали-хан, получив некоторые приказы относительно англичан, находящихся в Махузабаде, вместе с Григором и другими вельможами вернулся в Махузабад. Прибыв в город, он не пошел к своему тестю. Знатные англичане приехали к Джафарали-хану и сказали: «Дальнейшее твое пребывание здесь невозможно. Приезжай и живи в Калькутте. Ты болен и наши искусные и умелые врачи вылечат тебя. Вместо тебя на престол сядет твой зять Касумали-хан».

Джафарали-хан очень расстроился, он был вынужден согласиться и поехать в Калькутту. Некоторые лица из высшего командования армии не хотели отпускать его. Тогда Касумали-хан тайно послал своих доверенных к офицерам Джафара и передал им: «Я вознагражу вас за услуги, а вы служите мне». После этого командование разрешило Джафарали-хану уехать в Калькутту.

20 июня 1760 года, в четверг, Касумали-хан взомел на престол и, собрав свое многочисленное войско, двинулся на помощь в суба Бхар, Алигухар же в это время стал уже правителем Индии и называл себя Шахалемом. Несмотря на это, Банкала и Бхар еще не чеканили его имени на своих монетах, как это полагалось.

Прибыв в столицу, Касумали-хан получил от правителя указ заключить мир с правителем Индии. Касумали-хан о признании его власти над двумя суба¹⁷². Григор также был принят королем с великими почестями и получил титул Мансаба¹⁷³—пятитысячника, после чего его стали называть Горгии-ханом. И Петрос-ага удостоился высших почестей—звания «князя-рыцаря», что было

выгравировано на драгоценном перстне. Семь подносов, полных подарками, достойных его ранга, по обычаю индийских правителей, было послано ему в Калькутту, а также роскошная грамота, которая прославляла его имя. Затем Касумали-хали отдал приказ чеканить монеты с именем короля.

После этого Алигухар поехал в Шанджанабат, чтобы вступить на престол. Он доехал до страны Элбаз, но не рискнул двигаться вглубь, так как там шла страшная война¹⁷⁴ между маратхами и агванцами. Это был тот период, когда силы маратхов были восстановлены и войска которых овладели множеством городов Индии. Главнокомандующего маратхов звали Баву¹⁷⁵.

В сражении¹⁷⁶, которое Ахмад-шах¹⁷⁷ из Кандахара¹⁷⁸ дал маратхам на Крипальском¹⁷⁹ поле, более ста тысяч маратхов было убито, сорок тысяч взято в плен, а остальные бежали с поля битвы и вернулись в Сатарагар¹⁸⁰. Несмотря на то, что войско маратхов насчитывало 250 тысяч¹⁸¹, а войска Ахмат-шаха—всего 150 тысяч, всемогущий бог даровал победу ему.



Следует отметить, что в стране Дакаи имелось множество государств маратхов¹⁸², столицей которых являлась Сатара, и окружающие ее другие районы были отдельными княжествами. Среди них выделялись два главных, имеющих многочисленные войска, княжества. Первый из князей—Нанаджи¹⁸³, живший в Хандеше¹⁸⁴, т. е. в Бурхампуре¹⁸⁵. Ему были подвластны также часть княжеств Биджанур¹⁸⁶ и часть княжества Фтахпур¹⁸⁷. В этих трех странах и жили маратхи.

Столица маратхов—город Бурхампур, называемый также Сатара. Но на расстоянии 30 косов от Сатары, на юге провинции Моте¹⁸⁸, маратхи выстроили новый большой город и назвали его Пуна¹⁸⁹...

Второго князя звали Рагходжи Бхонсле. Ему принадлежало княжество Нагпур¹⁹⁰, которое граничило с Хайдарабатом, Аркатом и Банкалней. Маратхи не грабили и не шли войной друг против друга. Они, как пра-

вило, объединялись, собирали войско, шли войной на чужие государства и требовали податей. И если им не платили $\frac{1}{4}$ подати всей страны, они грабили непокорные города, предавали их огню и разрушали. Раньше они не представляли грозной силы, но после отхода индийских войск маратхи стали опасны. И сейчас они имеют многочисленное войско и живут в мире друг с другом, что дает им возможность еще больше укреплять свои позиции.

После победы Ахмад-шаха Авдали над маратхской армией, изгнанный везирем в Акпарабат¹⁹¹, Шах Алем рискнул приехать в Шахдаханабат. Авдали вынужден был войти в тюрьму, где находилось много арестованных из королевской семьи. Он вывел оттуда сына короля Али Гоухара, которого звали Джалалуд-дин Джхалр¹⁹² и возвел его на престол.

Имя Джандр-шаха не чеканилось на монетах, и так как он был еще несовершеннолетним, царством правил его дядя (брат матери), которому народ не хотел подчиняться. Тогда мать срочно уведомила своего мужа Али Гоухара, который находился у Шуджа-уд-доулы. Кроме этого, многие князья восстали и отказались платить подати. Али Гоухара признали королем, подчинились ему, и его имя чеканилось на монетах. Править страной помогал ему только наваб Шуджа-уд-доула, получивший титул везира.



Теперь возвратимся снова к Касумали-хану. После заключения мира с Али Гоухаром, он объездил всю суба Бхар, подчинил все княжество, добираясь до восьмого саркара, называемого Фарухабат¹⁹³ или Монгхир.

Монгхир находится на реке Ганг, на расстоянии 40 косов от Патаны. Здесь поселился Касумали-хан и стал отсюда управлять своей страной. Еще в древности там была построена язычниками большая и неприступная крепость, внутри которой имелись дворцы. Здесь был горячий минеральный источник, который, как говорили, вылечивает многие болезни, если пить его или мыться в нем.

Все, что было раньше разрушено по приказу Касумали-хана, теперь заново восстановлено. Город ожил. Касумали-хан обосновался в Монгхире и больше в Муршидабат не вернулся. Все управление страной он отдал в руки Горгии-хана, который начал собирать многочисленную армию по европейскому образцу и назначил армян и людей других национальностей сотниками и тысячниками. Он сам ухитрился изготавливать и отливать оружие, не уступающее европейскому. Его многочисленная армия состояла из конницы и пехоты. Последнюю он называл гарди. Армию свою Горгии-хан вооружил всем необходимым—мечами, пушками, винтовками, пистолетами и т. д.

Вот имена его командиров:

1. Смру¹⁹⁴, по национальности немец, приехал из города Вены, в Кашмире служил у армянских купцов, оттуда он переехал к армянам в Патану, из Патаны—к Горгии-хану, который назначил его тысячником.

2. Маргар Ованнес Калантарян из Новой Джуги¹⁹⁵.

3. Арутюн Маргар из Новой Джуги.

4. Григор Наганет Айвазян из Чарсу¹⁹⁶.

5. Петрос Аствацатрян из деревни Енасу, района Ахдзник в Армении.

6. Казар Акопян из села Хора, Марахской области, Атрпатакана.

7. Мартирос Григорян из области Мараха.

8. Сукиас Аветисян из Тавриза, страны Атрпатакан.

9. Ованес Назаретян из Даврежа. Со своим полком он всегда находился наготове у Горгии-хана.

Горгии-хан разослал этих тысячников по всей стране.

Тысячника Айвазяна Григора с войском он послал на север против врагов. Тот обосновался в саркаре у города Баксар¹⁹⁷, в области Ротос¹⁹⁸, правил всеми районами той области и начал собирать подати. Там он совершил множество славных дел для этой страны, потому что крепость Ротос находилась в непроходимой лесной местности и никакая армия не могла подчинить ее себе. Но тысячник этот подчинил, послав против крепости под командованием Акопа Григоряна 400 солдат с двумя пушками, которые дали сражение радже Дубрасинку¹⁹⁹, имевшему 20 тысяч солдат. В этом сражении победил

Акоп Григорян и подчинил раджу себе, заключил с ним договор и стал взимать с него подати²⁰⁰.

Второго тысячника Арутюна Маркаряна с полком направил на юг охранять страну от британских войск. Маркарян обосновался в городе Муратапате²⁰¹ и всегда был начеку.

Тысячники Маркара Ованесяна и Казара Акопяна со своими полками отправил на запад для покорения западных лесных и горных провинций, которые давно восстали и не покорялись, пользуясь труднодоступностью этих районов. Но тысячники, храбро сражаясь против Рамгара, правителя Чота Нагпура²⁰², и против окрестных владений, подчинили их себе, оставив там своего управляющего и собрав подати, они возвратились в Муикер.

Тысячника Ованеса Назаретяна он отправил на восток по горным и лесистым дорогам в сторону Малого Тибета, называемого также Непалом. Это княжество также никто не мог раньше подчинить из-за отсутствия дорог. Тысячник прошел со своим полком большую часть княжества. До города Непала осталось 30 косов. Но отсюда он больше не смог продвинуться вперед, так как местность была слишком труднопроходимой: нельзя было продвигать орудия и маневрировать войсками. Путь преграждала большая скалистая гора, на которой стояли три крепости. Из-за крутизны подняться было невозможно. Поэтому индусы вынуждены были сражаться против крепостей с подножья гор. Из армии тысячника 600 солдат погибло. Он ничего сделать не смог. Когда об этой неудаче узнал главнокомандующий Горгин-хан, он страшно разгневался и срочно отозвал назад войска Назаретяна.

Затем, взяв многочисленные войска, сам отправился руководить сражением против Тибета. Прибыв туда, он убедился, что овладеть городом Непал действительно невозможно. Там не было дорог и удобных мест для сражения. Войска его начали испытывать затруднения, так как не хватало ни еды, ни питья, и потому ни с чем они вернулись в Монгхир. Расстояние между Монгхиром и Непалом—120 косов.

Армянская нация обогащалась, крепла и сделала много для блага Банкалии за эти три года. Никто из

злых врагов не осмеливался поднять на Банкальную голову. Достаточно было услышать только имя армянина, тысячи и тысячи врагов безоговорочно подчинялись им.

Англичане, видя храбрость, учтивость и благоразумие армян, весьма удивлялись и завидовали им. Ради процветания Банкалии Горгин-хан и Касумали-хан издали приказ об отмене пошлины на торговлю, ведущуюся в стране по морскому пути («примт») и сухопутной дорогой («угур»). Они говорили: «Те из европейских купцов, которые желают пользоваться этими дорогами, могут приходить в наши города и торговать без всякой пошлины. Пусть процветает и наполняется добром наша страна».

Французские, голландские, португальские, датские и другие купцы развернули большую торговлю в Банкалии. Но через некоторое время завистливые англичане пришли к Касумали-хану и сказали: «Почему ты выпускаешь из рук своих столько прибыли?» Он ответил им: «Так я поступаю ради благополучия и процветания моей страны и не могу отступать от установленного мною закона, тем более, что в нашем союзном договоре сказано: «Страной моей управлять буду по своему усмотрению». Так вот, страна принадлежит мне, и я сам ею управляю по-своему. Кроме того, в договоре сказано, что сколько бы товаров англичане не привозили в мою страну, они обязаны платить пошлину, но Компания отказывается платить. Вы же берете пошлину не только за чужие, но даже и за наши товары. Видя это, другие купцы, чтобы не нести ущерба, не приезжают в мою страну. Вот почему я отменил всякие пошлины. Пусть все приезжают в мою страну и торгуют свободно, чтобы страна богатели. Раз вы хотите, чтобы я брал пошлину, будьте верны своему договору и платите пошлину как принято законом».

Это заявление Касумали-хана англичанам не понравилось. Обо всем они написали в Калькутту. После состоявшегося совета управляющий Калькутты мистер Венцентер вместе с ага Петросом и с некоторыми знатными людьми поехал в Мункер. Касумали-хан с большим почетом и вежливостью принял их, устроил большой

пир, наделил их бесчисленным множеством подарков и возобновил прежний нерушимый союз.

Англичане воочию увидели умное правление страной и храбрость армии, их поразило укрепление мощи страны, которая за такой короткий период сильно развилась. Англичане открыто восхищались этим, хотя на самом деле болезненно завидовали. Оставшись в Мункере 28 дней, делегация возвратилась в Калькутту.

Английские купцы, узнав о возобновлении договора, одобрили переговоры мистера Венцента. Они единогласно заявили: «Мы завоевали эту страну, поэтому за наши товары никакой пошлины не заплатим. А если Касумали-хан не согласится на это, то надо начать войну против него». Тогда совет выбрал консула—умного старика англичанина мистера Эминета и отправил его в Мункер к Касумали-хану, чтобы передать следующее: «Договор, который составил мистер Венцента, для нас неприемлем и если хочешь быть нашим другом, прикажи отменить пошлину на наши товары».

Приехав в Мункер, мистер Эминет²⁰³ стал настойчиво уговаривать Касумали-хана изменить прежний договор. Но Касумали-хан был неумолим и ответил: «Это уже второй договор, который вы заключаете со мной, но не выполняете. Я сам отменил все пошлины, а вы противитесь. Но, что ж, если не хотите платить пошлину, тогда будьте добры не брать ее с других. Выбирайте из этих условий то, которое вам больше нравится».

Ежедневно Эминет писал в Калькутту и извещал англичан о ходе переговоров. Наконец, убедившись, что согласия добиться невозможно, он вынужден был вернуться в Калькутту, обещая Касумали-хану, что постарается помирить его с Компанией. Пока он был еще в пути—между Мункером и Махузатом—в Калькутте англичанам уже стало известно, что их посол возвращается, не сумев выполнить своей миссии. Тогда они тайно написали в Бхар к своим соотечественникам, которые находились там и управляли этой страной: «По получении письма вашим войскам необходимо внезапно напасть на крепость Патану и овладеть ею». В Патане под командованием мистера Эпча²⁰⁴ находилась английская армия из 4000 сипайских и более 600 английских солдат²⁰⁵. Кре-

пость находилась недалеко от места, где расположились англичане, и принадлежала Касумали-хану. Письмо англичанами было написано и послано во многих экземплярах с той целью; что если один из них по дороге будет перехвачен, то другие дойдут до цели. Посол Эминет был еще на пути в Калькутту, когда патрули войск Горгии-хана, расставленные на дорогах, обыскивали прохожих. Они обнаружили письмо, но не смогли понять его содержание, так как оно было написано тайнописью, как это принято во время войны. Захваченное письмо послали Горгиину. После расшифровки тот послал одного гонца в Махузabat к градоначальнику Махмат-хану с приказом вести наблюдение за дорогой и арестовать Эминета, не дав ему проехать в Калькутту.

За несколько дней до этого, по приказу наваба, Арутюн Маргар арестовал Джксета и его брата и хотел привезти их в Мункер, чтобы поселить их там, чтобы они не смогли присоединиться к англичанам. Джксет обладал богатством и могуществом, пользуясь которыми даже мог сменить правителей. Алаверди-хану с помощью денег удалось убить Шафраз-хана и овладеть его страной. Как говорилось выше, по его совету был убит и Шираздовла. Большое богатство позволило Джксету всюду держать торговые дома и разменные пункты. От правителей Индии он получил имя Джксет, которое на персидском языке звучит как Амир молк-ул-туджур. В Индии было много таких купцов-разменщиков денег (сарафов), но никто не мог сравниться с Джксетом богатством и знаменитостью. Говорили, что только деньгами он имел 15 или 25 крор рупий, не считая драгоценных камней. Он всегда имел наготове войска, число которых доходило до 4000. Поэтому англичане его очень ценили.

Когда англичане узнали, что он арестован и его везут в Мункер, срочно написали в Касумбазар письмо к своим, чтобы они вырвали Джксета из рук Касумали-хана. Однако, несмотря на все старания англичан, их замысел не удался, потому что храбрые армяне сражались с большим мужеством и не выпустили пленника. Благополучно привезли его в Мункер, где отпустили на волю, запретив выезжать из города.

Когда Джккета привезли в Мункер, Эминет еще находился там и вел переговоры с Касумали-ханом об отмене пошлины на английские товары. Посол попросил Касумали-хана отпустить Джккета обратно в Махузат. Касумали-хан ответил ему: «Я привез его сюда для того, чтобы он способствовал процветанию и развитию торговли и ростовщичества в моей стране. Ни Джккета, ни его богатства не собираюсь держать под замком».

Когда посол Эминет возвращался из Мункера в Касумбазар и хотел захватить в Махузат к англичанам, солдаты Сейит Махмат-хана арестовали его. Посол Эминет не хотел подчиниться солдатам и приказал своим слугам, которые находились в его лодке, не теряя времени перевезти его и спутников вниз по течению реки. Увидев, что Эминет и его люди не хотят подчиниться приказу и причалить к берегу, солдаты, боясь упустить посла, начали стрелять по лодке из винтовок, чтобы испугать англичан. Случайно одна пуля попала Эминету в грудь и убила его.

Англичане, услышав о случившемся и получив приказ из Калькутты, в течение одной ночи подошли со своими войсками к Патану со стороны восточных ворот и начали сражение с гарнизоном градоначальника Патаны Мендикули-ханом²⁰⁶. Атака англичан продолжалась три часа. Взломав крепостные ворота, англичане ворвались и заняли крепость. Десятитысячная армия Мендикули-хана пустилась в бегство.

Захватив письма англичан, Горгин-хан отправил своих тысячников Маргара и Казара с 10 тысячами конников на защиту Патаны, приказав им: «Если англичане нападут на вас, начинайте сражение, а если нет—сидите там с миром». Два тысячника со своими войсками двинулись в Патану. Они были еще в пути, примерно в 60 косах от города, когда узнали, что англичане уже заняли крепость. Тогда тысячник Маргар отдал приказ своим войскам ускорить рейд и в тот же день добраться до Патаны. Англичане, заметив приближающуюся армию противника, заняли позиции у восточного входа в крепость и начали сражение. Но войска храбрых армян ворвались в город. (Город Патана занимает большую площадь—более 20 косов. Он окружен крепостными стенами с многочисленными башнями и пушками). Здесь

войска храброго Маргара уничтожили 370 английских и 1000 синайских солдат. Остальные вынуждены были бежать обратно и занять позиции в крепости, находящейся на северо-западе от Патаны.

Итак, войска армянских тысячников снова овладели городом Патаной. После боя они собрали трупы убитых и похоронили на кладбище, а человек 50 раненых передали врачам на лечение. Затем они двинулись на английскую крепость. В ту ночь к ним вернулся Мендикулихан. Тысячник Маргар приказал хану не подходить к лагерю, а вернуться в свой город и охранять его. А сам в течение двух дней сражался против англичан. На третью ночь тысячник Маргар со своим полком приблизился к находящимся вблизи крепости английским поселениям и окружил их. Там было несколько английских купцов. Предав огню эти места, Маргар приказал войскам двинуться на крепость. Добравшись до восточных ворот, войска начали разрушать их. Англичане, струсив, открыли ворота, выходящие к реке. Перебравшись через реку на другой берег, они бросили свои лодки и направились на север к государству Шуджадовлы, находящемуся от Патаны на расстоянии 45 косов.

Тогда тысячник Маргар занял крепость, забрал все находящееся там богатство и всю утварь, принадлежавшую купцам и знатным англичанам.

Касумали-хан, узнав о храбрости и победе армян, отправил тысячнику Маргару в вознаграждение слона с многочисленными подарками. Более того, он присвоил титул и имя Шамшфар-хана²⁰⁶, что давало ему право на владение княжеством. Все трофеи, взятые в английской крепости, Маргар раздал своим войскам.

Получив от Касумали-хана приказ преследовать уходящие английские войска, тысячник Маргар послал в Хаджинур²⁰⁷ радже Индраму Чодре²⁰⁸, имевшему 20-тысячную армию, приказ преградить путь отступающим. Раджа вышел против англичан, но в течение 4 дней не мог добиться успеха, так как англичане отступали с боем.

Когда об этом стало известно тысячнику Григорию Айвазяну, находившемуся в Баксаре, он срочно послал своих сотников с 400 индийских солдат и двумя пушками

на тот берег Ганга на помощь Нидраму Чодре. Из армянских сотников там были: Мкртич Захарян из Н. Джуги, из квартала Чарсу, Мелкум из Аштархана²⁰⁹, Никохайос из ереванского квартала Н. Джуги и Сукнас из Н. Джуги. Каждый из них со своими солдатами, переправившись на тот берег реки, стал преследовать англичан. Через два дня они нагнали их и на рассвете напали. После 4-часовой битвы англичане, побросав оружие, сдались.

Сотники отпустили домой всех сипайских солдат и, взяв в плен 160 английских солдат и нескольких знатных людей, повезли их в Баксар к своему тысячнику. Он принял их с уважением, накормил, выдал каждому из них соответствующую одежду и отправил к Горгин-хану, а тот всех их посадил в тюрьму.

После того как город был отнят у англичан, Касумали-хан отдал приказ по всему государству: «Где бы в моем государстве не нашли англичанина, приказываю арестовать его и вместе с его имуществом привезти ко мне...» Англичане остались только в Калькутте, в Бадванской и Чатигамских областях, так как в этих местах не было войск Касумали-хана: местностями этими управляли англичане и сами собирали подати, согласно договору.

Англичане в Калькутте, узнав, что их посол убит, войска, находящиеся в районе Патаны, разбиты армянами и часть солдат убита, а часть находится в плену, посоветовавшись, отправили Горгин-хану послание, в котором предлагали ему присоединиться к ним, арестовать Касумали-хана, обещая за это все, что он только захочет. На это Горгин-хан ответил: «Боже меня упаси участвовать в таком грязном деле. Я не могу быть таким неблагодарным и не хочу называться Иудой. Несвойственно армянскому народу участвовать в таком гнусном, злом, бессовестном деле. Армянский народ служит с открытым сердцем и верно до самой смерти и не замышляет зла против своих хозяев, так же как мой брат ага Петрос верно и с чистым сердцем служит у вас. Подобно ему и я буду служить здесь до своей смерти».

После такого ответа англичане вынуждены были восстановить Джафарали-хана на престол Банкали.

Они собрали войска общей численностью в 2000 английских и 4000 индийских солдат. Все военные приготовления они поручили главнокомандующему своими войсками Меджеру Адаму²¹⁰ и направили на Касумали-хана.

Меджер Адам выехал из Калькутты и вступил в область Катуга²¹¹. Против него из Махузабата вышли со своими войсками Сенд Махамат-хан. Началось сражение. Пока они сражались, подоспел градоначальник Бирбуна²¹² Махамат Таги-хан с 20-тысячным войском. Вступив в бой, он отобрал у англичан всю артиллерию и обратил английскую армию в бегство. Махамат-хан со своей конницей преследовал бежавшего врага до тех пор, пока дорогу конницы преградило большое болото. Как он ни старался выбраться оттуда, это ему не удавалось. Болото еще глубже засасывало. Только 300 конников сумели выбраться и продолжать преследование английской армии. Один из тысячников англичан, заметив, что Махамат Таги-хан остался с немногочисленным войском, стал воодушевлять своих солдат, тогда они повернули на врага и в битве убили Махамат Таги-хана и нескольких его солдат. Увидев это, остальные бежали. Англичане вернулись и захватили вновь свою артиллерию.

Потом они двинулись на Сенд Махамат-хана, начали против него сражение и заставили его также обратиться в бегство. Сенд Махамат-хан срочно попросил помощи у Касумали-хана. Помощь, однако, задержалась и английские войска заняли Махузабат.

Касумали-хан и Горгин-хан узнав, что англичане идут на них с хорошо подготовленной армией, стали отовсюду собирать войска, написали тысячнику Маргару и Казару и те поспешили со своими воннами. Только тысячник Григор остался для защиты северных границ от англичан, чтобы те вдруг не вызвали на помощь войска союзников.

Но правитель Касумали-хан, к несчастью, и сам не пошел на войну, и Горгин-хану не разрешили идти. К тому же Горгин-хан обидел своих тысячников: не назначил ни одного из них главнокомандующим в этой войне, не пригласил их на совещание, как подобает князю, а с презрением отнесся к ним, не поверив в их храбрость.

Он доверился трусливому и невежественному Смуру, которого и назначил главнокомандующим, и приказал тысячникам-армянам подчиняться ему. Тысячникам нашим, хорошо знакомым с малодушным Смура, не по душе был приказ Горгии-хана, но они ничего не сказали, и недовольные пошли против англичан. Численность всех войск, которыми они командовали, составляла 6000 человек гвардии, 25 орудий, 10 000 пехоты и 15 000 конницы. Всего 31 000 солдат.

Выйдя из Мункера, они подошли к устью реки Баграти на поле Сонти, откуда вытекает Ганг. Это место находится на расстоянии 18 косов от Муршидабата. Тогда же со своим войском прибыл Махамат-хан и присоединился к ним.

Когда англичане узнали, что войска Касумали-хана прибыли и подходят к Раджмахалу, то быстро сосредоточили свои войска, вышли из Махузабата и, продвигаясь навстречу, остановились против индийских войск на расстоянии 2 кос. Поле, на котором войска противников разбили лагерь, было очень большим и ровным, перерезанным глубоким и многоводным оврагом. После дождя овраг наполнился водой, которая стекала в Ганг. С севера от этого оврага расположилась армия Касумали-хана, а за оврагом, на юге находилась армия англичан. Обе стороны видели друг друга. Сенд Махамат-хан построил деревянный мост через овраг для переправы войск.

По приказу главнокомандующего Смура индийские войска расположились треугольником на расстоянии полкоса от моста. Он распределил войска следующим образом: с восточной стороны оврага стояли войска тысячника Арутюна с четырьмя пушками, немного дальше, на юго-западе войска тысячника Маргара с 8 пушками; на юго-востоке войска Казара с 4 пушками. Сам Смур взял 9 пушек, оставил лагерь индийской армии и расположился против вражеской армии на расстоянии полкоса.

Три дня подряд англичане изучали позиции индийской армии и расположение ее руководителей. На четвертый день, перейдя мост, атаковали полк Казара, сражение началось, оно длилось всего час. Храбрый Маргар

свои войска срочно перебросил на помощь Казару. Англичане, по опыту знающие о храбрости армян, отступили и направили свои войска против главнокомандующего Смуре. Когда англичане уже были близки к пушкам Смуре и вот-вот должны были их захватить, тысячник Маргар хотел помочь ему. Но тут вмешался тысячник Арутюн, говоря: «Зачем спешить, останься на месте как тебе приказано, потерни немного, проверим храбрость Смуре—ведь его как самого храброго среди нас выбрали командующим над нами».

Английские войска, воспользовавшись этой беспечностью, усилили свои атаки. Смур, который имел при себе пушки, был обстрелян (на лагерь упало 17 снарядов). Оставив войска, верхом на коне он покинул поле битвы. Войска тоже пустилось в бегство. И хотя солдники-армяне пытались воодушевить войска своего командующего, им это не удалось. Тогда англичане направили свою конницу на оставленные позиции противника и, забрав все пушки и боеприпасы, обратили свои силы против войска тысячника Маргара.

Тысячник Арутюн узнал, что англичане овладели всей артиллерией Смуре и направили свой удар против тысячника Маргара.

Но храбрый тысячник Казар со своими полками присоединился к тысячнику Маргару. Объединенными силами они приняли бой. Тяжелая битва против англичан продолжалась часов шесть. Индийские войска заставили англичан пуститься в бегство. Моста через овраг не было, и многие из англичан и сипаев погибли, свалившись в овраг. Поле битвы было окутано пороховым дымом и нельзя было разглядеть, как действуют армии обеих сторон. После бегства английских войска наши тысячники направились к бежавшим войскам Смуре. Заметив вдалеке приближающиеся войска, которые несли флаг командующего Смуре, они решили, что возвращается бежавший Смур. Им даже и в голову не пришло, что это могут быть английские войска. Когда те были уже совсем близко, поняли, что ошиблись и вынуждены были принять бой. В этом бою из войска Маргара и Казара погибло более 800 человек. Положение было безвыходное, потому что неоткуда было ожидать помощи. Несмотря на это, обе стороны сражались ожесточенно.

И все-таки тысячник Маргар был вынужден отдать приказ оставшимся в живых солдатам спасти свою жизнь, и они стали отступать. Придя в Раджмахал, что находится на расстоянии 20 косов от Сонта, они встретили там своего беглого командующего. Индусы собрали разбежавшиеся войска и подготовились к новому бою, выбрав позиции восточнее Раджмахала на пелтора коса. На юге здесь возвышалась большая гора, а с северной стороны протекала река Ганг шириной 6 миль. За горою простирались Бирбумские леса, расположенные на холмистой местности, с очень густыми непроходимыми зарослями. Между рекой и зарослями находился овраг, наполненный водой, который назывался Удхунала²¹³. Это место они избрали для войск позиции и построили укрепление, они привезли из Мункер 100 пушек и установили их на укреплениях.

Тысячник Смур расположил свою армию вблизи Ганга. Командование правым крылом армии он поручил тысячнику Арутию, а левое—тысячнику Казару. Туда поспешила шеститысячная армия Сеида Махамат-хана под командованием Наджиб-хана, состоявшая из джарских конников. Смур разместил их на другой стороне горы. Эту позицию он укрепил также 9 пушками. На противоположном берегу реки с южной стороны не было дорог. Там рос густой непроходимый лес, среди которого были болота, заросшие травой.

Севернее города Раджмахала на берегу Ганга возвышается большая гора, называемая Телнайгр, мимо которой проходят все корабли. Единственный путь по реке проходит здесь.

Великая река Ганг шириной доходит до шести и более косов—так что 20-фунтовый снаряд с трудом перелетает на другой берег, более узкого места чем это не имеет. Здесь—единственное удобное место для переправы с одного берега на другой. Именно здесь они и установили свои пушки. Тысячник Петрос со своим полком прибыл сюда из Мункера, чтобы не дать возможности английским войскам перебраться с боеприпасами через реку на своих лодках, которых было очень много.

Англичане после битвы при Сонти остались там, чтобы привести войска в порядок, дать им отдохнуть и

вылечить раненых. После 15-дневного отдыха они двинулись на север и, добравшись до позиции войск Касумали-хана, разбили лагерь на расстоянии одного кося от них.

Через 4 дня завязался бой, продолжавшийся 34 дня, в котором никто не одержал победы. Однажды во время одного из сражений тысячник Маргар со своим полком напал на англичан и бился до тех пор, пока не кончились боеприпасы. Тогда он отправил гонца к Смуру, прося боеприпасы. Но тот из зависти не послал ему их. Тысячник Маргар, огорченный и раздосадованный, вынул из ножен меч и сломал его.

Этот отважный тысячник во время битвы при Патаве взял в плен много солдат из английской армии и заключил их в Мункерскую тюрьму. Среди пленников было 40 немцев и французов. Смур сказал Горгин-хану, что он их знает, что они его друзья, и попросил освободить их и назначить пушкарями, несмотря на то, что другие тысячники неоднократно противились этому, считая, что они изменят и перебегут к англичанам. Но Горгин-хан не послушал их и поступил как просил Смур. Но вскоре сбежали и перешли на сторону англичан 34 человека, а за ними и остальные шестеро. Они осведомили англичан о расположении войск Касумали-хана. Всех перешедших на их сторону англичане наградили и оставили при себе. Спустя 42 дня после этих событий английские войска приблизились к укреплениям войск Касумали-хана. Сперва они отправили лишь один полк, чтобы незаметно подойти к большой горе. Увидев их, патрули индийской армии спросили: «Кто вы такие и откуда идете?» Они ответили: «Мы—часть охраны войск Маргара, ходили на разведку в тыл английской армии, а теперь возвращаемся назад».

Патрули, ничего не зная о разведке в тылу англичан и не подозревая обмана, пропустили их. Так англичане проникли в лагерь индийской армии.

Когда арьергард войска Маргара заметил, что английские войска с оружием проникли в их лагерь, то срочно дал знать своему тысячнику. Он тут же поднял тревогу и приказал трубить в трубы и бить в барабаны, призывая к бою. Шеститысячные войска индийцев-джхарий-

цев, проснувшись и не разобравшись в обстановке, начали стрелять по войскам Маргара.

Туда сразу поспешили и войска англичан, которые из орудий начали стрелять по армии джхарийцев. Многие из них погибли, остальные, не надеясь на помощь, бежали. Захватив пушки джхарийцев, англичане повернули их на полки Маргара.

А главнокомандующий Смур, увидев, что его воины обратились в бегство и англичане захватили все огнестрельное оружие, находящееся по ту сторону горы, сильно струсил и так как время было ночное, то подумал, что наверно английские войска многочисленны; со страха оставил свой флаг и удрал со всем своим войском.

Когда Маргар увидел, что остался один и что на него с трех сторон нападают и войска разбегаются, он был вынужден отступить.

Индийские войска вернулись в Мункер. Горгин-хан не стал утешать тысячников-армян, не ободрял их, а, наоборот, разгневался на них и лишил почестей. Он поверил Смуру, который оклеветал их, сказав, что они не выполнили его указаний.

После этих событий Касумали-хан, посоветовавшись с Горгин-ханом, решил поехать в непобедимую крепость Ротос, собрать там войска из маратхов и других народностей и снова выступить против англичан.

Оставив в Мункере для защиты крепости тысячников Петроса и Казара со своими полками, Касумали-хан и Горгин-хан, взяв все драгоценности и казну, двинулись с войсками по направлению к Патане. На четвертый день они доехали до деревни Теллпур и там, в 26 косах от Мункера, разбили лагерь.

Горгин-хан с немногочисленным войском находился на полкоса южнее лагеря Касумали-хана, т. к. большую часть своей армии он отдал в распоряжение главнокомандующего Смуре, находящегося в арьергарде к северу от войск Касумали-хана на 3 коса.

Мне теперь неловко писать о неосторожности и невежественности наших главнокомандующих и тысячников. В это смутное время Горгин-хан не почтил свою храбрую нацию и не отдал ей должного, не увещевал быть бесстрашными воинами, как подобает благоразум-

ному и учтивому князю, а, наоборот, кричал на своих воях, обвинял их в том, что из-за них потеряна страна и, что они осрамили его на весь мир, не желая подчиниться приказам главнокомандующего Смуга. И тысячники наши из-за своего завистливого характера потеряли всякую храбрость и былую воинскую честь, забыв, очевидно, слова пророка, который говорил евреям: «Из-за вашей зависти вы умрете».

На третьи сутки в полдень с Горгии-ханом случилось чрезвычайное происшествие. Выйдя из своей палатки, он обходил лагерь, проверяя боеготовность войск. Дойдя до палатки Махаматали-хана, назначенного главнокомандующим над пяти тысячной конницей, он пробыл там недолго, а когда собрался уходить, Махаматали-хан и другие знатные люди хотели проводить его, но он отказался и в сопровождении трех своих людей направился в свой лагерь. Одним из сопровождающих Горгии-хана был его племянник господин Акон, вторым был Цатур Аракелян, третьим—его друг и советник француз монсеньор Джентин.

Не успел он добраться до своей палатки, как их окружила группа конников, примерно в 300 человек под командованием некоего Джанмахамета Сабрбека²¹⁴. Они загородили дорогу Горгии-хану и сказали: «Заплати нам жалование, мы умираем с голоду». Горгии-хан ответил: «Разбойники, ведь еще и 20 дней нет, как выдали вам жалование, что вам еще надо?»

—Но у нас нет денег, чтобы купить пищу, ты обязан дать,—сказал всадник.

—Отправляйся к своему командиру и у него проси,—сказал Горгии-хан.

—Я к нему не пойду,—ответил конник, деньги должен дать ты.

Горгии-хан разгневался и приказал сопровождающему Харкару арестовать и посадить в тюрьму негодного. Когда же он хотел продолжать свой путь, на него внезапно наскочил конник и, обнажив меч, ударил Горгии-хана по плечу. Все разбежались, остался только Цатур Аракелян и бросился на помощь Горгии-хану. Но тщетно, так как у него не было при себе оружия. Он своим телом загородил Горгии-хана и принял на себя удар

меча—его правая рука была отрублена. Защищаясь, он протянул левую, чтобы отнять меч, но конник отсек и эту руку и ранил его в голову. Когда Цатур понял, что защищаться бесполезно и что сторонники мятежника с мечами наступают на них, он решил спастись бегством и увезти раненого Горгин-хана на коне. Но спастись не удалось. Преследователи накинули аркан на коня Горгин-хана и свалили его на землю. Подъехав, убийца нанес Горгин-хану еще пять ударов и хотя они были не сильными, но раны оказались смертельными. Совершив незаконное убийство, Иуда удрал. Когда об этом узнали солдаты Горгин-хана, они решили отомстить и, напад на оставшихся 300 солдат-мятежников, разорвали их на куски и уничтожили. Два дня разыскивали убийцу Горгин-хана, но не нашли—он бесследно исчез.

Горгин-хана перевезли в палатку. Собралось много врачей и лекарей. В течение двух часов его пытались спасти всеми известными способами. Затем он попросил священника, покаялся в своих грехах и через 4 часа, 11 августа 1763 г., скончался. Когда он еще был жив, Касумали-хан, услышав трагическую весть, вышел из своей палатки, сел верхом на слона и поспешил к нему. Увидев раненого, он со слезами на глазах сказал: «Брат мой, почему ты не послушал меня, сколько раз я тебе повелевал не ходить никуда без охраны». Он старался утешить его, а врачам приказал позаботиться о Горгин-хане, обещая за его спасение множество подарков. После смерти тело Горгин-хана с большими почестями и величием повезли и похоронили в деревне Брей²¹⁵, где был разбит лагерь командующего Смуга.

Об убийстве Горгин-хана существует много версий. Некоторые говорят, что англичане, увидев поступок Касумали-хана, хотели арестовать его, но не смогли. Они тайно написали об этом Горгин-хану, обещая щедро вознаградить его, если он арестует его и отдаст им в руки. Но Горгин-хан им ответил: «Когда я еще был неизвестен никому, Касумали-хан поверил в меня и возвысил. Этого сделать я не могу. Боже меня упаси быть подлецом. Особенно моей нации несвойственно предательство. Знайте, кому армяне служат, тому служат верно и чистосердечно, тому остаются преданными до самой смерти».

Потому и говорят, что этот заговор был осуществлен по совету англичан.

Некоторые говорят другое. Дружба Горгин-хана с англичанами не нравилась Касумали-хану. Он заметил, что английские войска, как бы они ни были малочисленными, все же побеждают его войска. Поэтому и говорят, будто он подозревал, что Горгин-хан может вдруг арестовать его и передать англичанам. Так как все его войска находились под командованием Горгин-хана, он не мог лишить его всех почестей или отнять у него княжеский титул. Поэтому он и организовал этот заговор. Но вообще эта тайна известна одному только господу богу.

После печальных событий Касумали-хан поехал в Патну. Он взял с собой также двух братьев Джксетов. В день прибытия в Патану он приказал Смуру убить английских воннов, находившихся в тюрьме с братьями Джксетами. Он и раньше несколько раз пытался убить их, но Горгин-хан не разрешил. Побыв в Патане месяц, он оставил там для защиты города маленький гарнизон под командованием Мехтикули-хана, а сам, надеясь на свой народ, а не на бога, вышел из крепости и направился в княжество Алахабат к королю и визирю Шуджадвуле с надеждой найти там помощь.

После смерти Горгин-хана тысячники-армяне не захотели оставаться на службе у Касумали-хана, хотя тот настойчиво уговаривал их остаться. Тысячники, бросив все, разъехались. Тем временем англичане заняли Патану, а воннов взяли в плен и отправили в калькутту.

Но тысячники Григор и Сукиас остались с Касумали-ханом. Когда они приехали в Буксар, Касумали-хан назначил Григора Айвазяна начальником охраны крепости.

Английские войска, которые при Удхунала победили войска Касумали-хана, оставались там три дня, а затем стали постепенно продвигаться вперед. Не встречая никакого сопротивления, они дошли до деревни Джагир, откуда до Мункера было 8 косов.

Узнав, что Касумали-хан со своим войском уже уехал оттуда, англичане подошли к Мункера, окружили крепость и предложили тысячнику Петросу добровольно сдать крепость. Защитники отказались. Три дня подряд англичане обстреливали город из пушек, а на чет-

вертый—началось большое сражение, продолжавшееся 8 дней.

Англичане послали Джафарали-хана послом к тысячнику Петросу, велев ему спросить: «Почему ты воюешь против нас? Почему не хочешь сдать нам крепость? Сопротивляться бесполезно. Неужели ты ничего не слышал и не знаешь о смерти Горгии хана? Если хочешь проверить правдивость наших слов, то мы откроем дорогу, и ты можешь послать одного из своих доверенных, чтобы проверить достоверность этого. Так они три раза посылали своего посла. Тысячник Петрос посоветовался, отправил верного человека в Патану к Касумалихану. Тот поехал, проверил все случившееся и, вернувшись, рассказал тысячнику Григору. Когда солдаты узнали о гибели Горгии-хана, то у них пропала всякая надежда на помощь. По ночам они покидали крепость, спускаясь через крепостные стены. Англичане не препятствовали этому.

Увидев бессмысленность защиты, тысячник Петрос послал своего сотника Ованнеса к Меджер Адаму для составления договора о перемирии. Англичане хорошо приняли сотника Ованнеса. Меджер Адам составил договор о перемирии, который обязывал защитников оставить в крепости все огнестрельное оружие, забрать имущество, вещи и уйти куда угодно. После 22-дневной защиты на рассвете все войска открыли крепостные ворота и разошлись. В крепости остались только тысячник Петрос со своими шестью сотниками-армянами и слугами.

Англичане вошли и овладели крепостью Мункер. Тысячника Петроса и сотников главнокомандующий английскими войсками принял с большим уважением, сотникам разрешил уехать, а тысячника Петроса согласно закону отправил в Калькутту, а оттуда он мог уехать куда захочет.

Оставив в Мункере один полк, англичане продвинулись к Патане. После трехдневного сражения они заняли этот город, а войска, находившиеся там, обратили в бегство. Сына градоначальника Мендикули-хана оставили на свободе.

Спустя несколько дней, оставив одного тысячника с полком для защиты города, англичане продвинулись

вперед по направлению к Баксару и после недолгого сражения овладели городом. Потом они направились вперед и добрались до границы субы Бхара, там, где проходит маленькая речка Карманса²¹⁶. От Баксара до этих мест 15 косов, далее на север находилось княжество Шуджадовлы.

После этих завоеваний англичан было покончено с господством Касумали-хана. Только в двух районах в Ротасгаре еще сохранилась его власть. Но Меджер Адам отправил туда одного своего тысячника, заключил с ним союз, теперь уже не нужны были военные действия. Договор был составлен с начальником местной крепости Юсуфали-ханом²¹⁷. Юсуфали-хана англичане отпустили на волю и назначили там своего управляющего.

Касумали-хан покинул страну и направился к Шуджадовле. В Бенаресе²¹⁸ он услышал, что Шуджадовла в районе Брета или Бахта²¹⁹ воюет против раджи Индопата²²⁰ — правителя этих провинций. Раджа Индопат после ухода правителя отказался платить подати своей страны, которая находилась под управлением Шуджадовлы, т. е. входила в состав Авота и Элбаза. Мир Касим оставался в Бенаресе, а своего приятеля Мир Шиздина отправил в Бхар к Шуджадовле с просьбой дать согласие на то, что они, как родные братья, объединятся и пойдут войной на англичан. Он обещал, что, если отвоюет свою страну, передаст ему большое богатство.

Мир Шиздин поехал к Шуджадовле и рассказал ему обо всем. Тот поклялся выполнить просьбу. Вместе с Мир Шиздином Шуджадовла отправил к Касумали-хану с грамотой своего поверенного Бини Бхадурдина. Тогда Касумали-хан, оставив свое богатство и гарем в Бенаресе и поручив охрану своим тысячникам Григору и Сукиасу, вместе с главнокомандующим Смуром поехал к Шуджадовле, обнял и торжественно приветствовал его.

Через несколько дней благодаря посредничеству Касумали-хана между раджей Индопатом и Шуджадовлой был заключен мир. Затем они начали собирать войско. Не считая войск Касум Али и правителя, в войсках Шуджадовлы насчитывалось более 12 000 человек. Были там персы, которых еще отец его, Мансур-хан, привез

с собой из Персии во время своего наместничества. В армии было 20 000 персов-конников. Собрав 60-тысячную индийскую конницу, 40 тысяч пехоты и вооружившись огнестрельным оружием, они двинулись в суба Бхар, чтобы начать войну против англичан.

Англичане, узнав об этом, срочно послали своего посла к ним с предложением заключить мирный договор, обещая ежегодно платить большую сумму за два суба — Бхар и Банкалу.

Но Шуджадовла, надеясь на свое многочисленное войско, возгордился и не согласился. Особенно противились договору персы (способные только плов есть), объявлявшие с большой наглостью, что каждый из них возьмет в плен по сто англичан. Но все получилось наоборот. Один англичанин вынудил к бегству 500 персов. Во время сражения они содрогались от грохота артиллерии, думая, что это с неба на них спускается огонь, копоть и туман.

В течение 25 дней между англичанами и правителем Шахалем и Касумали-ханом продолжались тяжелые бои. В эти же дни к крепости Патана, с западной стороны, которая называется Пахапари, подошел Шуджадовла со своим войском, чтобы начать сражение. Однажды из крепости вышел один английский сотник со своими солдатами и начал вести сильный огонь по войскам Шуджадовлы. В этом бою Шуджадовла был ранен. Пуля попала в левое бедро. Он закричал от страшной боли и через некоторое время был вынужден снять свои войска и вернуться в Баксар для лечения. Но снова возвратиться он уже не смог из-за дождливой погоды и остался там на 4 месяца.

Касумали-хан увидел, что вопреки его приказу главнокомандующий Смур держит армию без оружия и одежды, приказал распустил ее, коль скоро он не может снабдить ее оружием, обмундированием и необходимым продовольствием. Обиженный этим, Смур пошел к Шуджадовле и попросил, чтобы тот соизволил принять его к себе на службу. Шуджадовла с охотой принял его. Смур вместе со своим войском перешел на службу к Шуджадовле.

Через 4 дня после этого Шуджадовла послал сол-

дат арестовать и заковать в цепи Касумали-хана. Затем он забрал все его имущество, которое находилось с ним, и сказал: «Все твое богатство принадлежит правителю, так отдай кесарю кесарево». И забыв о своей клятве, произнесенной трижды, он отправил с главнокомандующим Смуром все богатство и казну, принадлежащие Касумали-хану. Тысячники-армяне, оказавшись в безвыходном положении, хотели бросить военную службу. Но Шуджадовла, хорошо зная их храбрость, не отпустил их и оставил при себе.

Когда кончились дожди и завершилась подготовка войск Шуджадовлы, английские войска уже продвинулись вперед. Главнокомандующий Меджер Адам с 6 000 сипаями и 2 000 белыми солдатами, 24 пушками с полным военным снаряжением вышел из Патаны и приблизился к армии Шуджадовлы. На расстоянии 3 кос от них англичане разбили лагерь. Через 4 дня Шуджадовла приказал своим войскам окружить английскую армию. Началось сражение, продолжавшееся всего два часа. Англичане, не надеясь на победу, изменили тактику и начали наступление на Смуре, зная его трусость.

Тогда Смур оставил свои позиции и по привычке обратился в бегство. Солдаты, увидев, что их командир-европеец удирает, тоже пустились бежать, захватив богатство своего хозяина—Шуджадовлы. Англичане начали с боем продвигаться вперед, пока противник не побросал свое оружие и не пустился в бегство. Захватив орудия, англичане повернули их на врагов, скопившихся у многоводного глубокого оврага, который даже слон не мог преодолеть. Над этим оврагом был перекинут лишь один мост, который, не выдержав нагрузки, развалился, и потому многие солдаты погибли, свалившись в овраг. А те, которым удалось выбраться, бросив все, разбежались в разные стороны. Англичане завладели их бесчисленными богатствами.

Шуджадовла, не сумев найти надежное убежище, бежал в Бенарес, чтобы снова подготовиться к сражению. Но англичане, узнав об этом, послали туда полк своих войск. Тогда Шуджадовла перебрался из Бенареса в Элбаз²²¹, а оттуда в свой город Авот.

Король Шахалем не бежал с ним, он отстал по

пути. Английские войска встретили его, когда возвращались из Бенса и, присоединившись к войскам короля, заняли город Бенарес. Затем они продвинулись в суба Элбаз и, захватив город и его окрестности, направились в Ауде, который находится вблизи Лакнахора²²². Когда они овладели городом, Шуджадовла оказался в безвыходном положении и был изгнан в Акбарабад к афганцам.

Здесь нужно сказать о том, что еще в древние времена многие из афганцев обосновались в Шахджанабадских и Акбарабадских краях. Численность населения сильно возросла, а знатные, пользуясь отсутствием правителя, насильно овладели большей частью двух суба. Первым из этих захваченных районов была седьмой саркар Ханадж²²³, вторым был богатейший край Фрухапат²²⁴, где находился некий князь по имени Ахмад-хан Банкеш²²⁵, который имел многочисленную армию, состоящую из афганцев, Бдавои²²⁶, Хаисар²²⁷, Камав²²⁸ и другие провинции были подчинены также афганцу, которого звали Хафаз Рахмат-хан²²⁹. А саркары Сирниадор²³⁰, Смбул²³¹, Муратабат²³² и шестая провинция были подвластны князьям Дунди-хана²³³, они считали себя хозяевами и отказались платить подати королю.

Когда Шуджадовла поехал к ним просить помощи, обещая щедро заплатить, они отказали ему в помощи, зная его неверность по отношению к Касумали-хану.

И этому удивляться не надо. Они посылали своих людей в чужие страны, чтобы те в случае наступления войны быстро вернулись и обо всем донесли. Так как афганцы хорошо были знакомы с проделками Шуджадовлы, то с презрением отнеслись к его просьбе. Тогда он вынужден был остаться там и одного из своих слуг послать в Декан к маратхам, обещая им 60 лак рупий, если они помогут ему. Его предложение пришлось по душе маратхскому князю. Он послал на помощь Шуджадовле своего тысячника Маркара с 6-тысячной конницей. Шуджадовла и сам собрал многочисленное войско и, соединившись с маратхом, направились в страну Аллахабад со стороны восьмого саркара—Курджанабад, чтобы начать войну против англичан.

Англичане с 4-тысячным войском вышли из кре-

пости и двинулись навстречу Шуджадовле. Маратхи, завидев англичан, без боя бежали в город Фарохабат. После многих скитаний, ни от кого не получая помощи и оставшись беспомощным, Шуджадовла отправил своего посла к англичанам с просьбой о мире. Он обещал им, что если они вернут ему его страну, он будет верным, преданным слугой короля Англии.

Англичане с радостью приняли послов и договорились о перемирии, потребовав 60 лак рупий контрибуции. Шуджадовлу привели к присяге и вернули ему его города. А три саркара—Элбаз, Курджанабат²³⁴ и Кайрачра²³⁵ отдали королю Индии Шахаламу. Только крепость Элбаз никому не отдали и, разместив там свои войска, оставили ее под своим управлением.

Жалкий Касумали-хан убежал в Санбул Муратабат²³⁶ к князю Дунди-хану и остался там. Смур со своим войском тоже бежал в направлении Акабарабата в провинцию Бертпур²³⁷ к джатам²³⁸, раджа которых Джаад Сикх²³⁹ был очень богатым и имел многочисленные войска. Он и принял Смуре к себе на службу. Англичане официально получили от индийского правителя Банкалу и Бхар, и никто из индусов больше не имел власти над этими странами²⁴⁰. Англичане обязались ежегодно платить королю Шахаламу 30 лак рупий.

После этих событий правитель Индии поселился в Элбазе и нигде не выезжал: во-первых, потому, что этого ему англичане не разрешали, а во-вторых, все его князья восстали против него и отказались платить подати, они по существу не признавали его власть над собой.

В это время страной Лахор²⁴¹ овладели язычники²⁴², которых называли сикхами²⁴³. В 1764 году один из их князей—Джсало²⁴⁴ собрал многочисленное войско и занял страну Лахор и Амчара²⁴⁵ и часть Мультана.

До 1543 года этот народ не был известен. Во время правления Шаха Джахана²⁴⁶ некий проповедник-язычник по имени Нане Пите²⁴⁷, по происхождению катри²⁴⁸, обратил в свою веру, называемой сикх²⁴⁹. Сикхи не поклонялись идолам, пренебрегали чужой едой. У них существовал культ волос, соблюдая который, они совершенно не брились. Сикхи поклоняются одному богу, которого называют Ниранк или Нирендж Ниранк. В их завете

говорится: «Боже, невещественный, он создал небо и землю, он безначальный и нескончаемый».

В 1709 г. во время царствования короля Бахдур-шаха²⁵⁰ один из последователей язычника Нанека по имени Бенда²⁵¹ из страны Лахора собрал из сикхов армию более 20 000 тысяч человек, восстал против короля Индии и начал собирать войско из других народов. Войска короля безуспешно боролись с ними, и вот, наконец, спустя три года на помощь королю пришел мусульманин бедий и убил зачинщика восстания²⁵². Тогда войска короля овладели страной сикхов, решив, что навсегда покончили с сикхами. Но после ухода войск короля, сикхский князь по имени Джксул²⁵³ занял страну (как рассказывалось выше).

Правитель Кабула Ахмад шах Дурани трижды приходил на помощь своему единоверцу Шахаламу, чтобы наказать восставших, но сделать ничего не удалось, т. к. он не знал, что король Индии поддался слабости и трусости, а все его князья восстали против него. И князь ни с чем вернулся восвояси.

Сикхские войска не воюют единым фронтом. Они рассредоточиваются по 20 тысяч человек и внезапно нападают на врагов и грабят их. Они не пользуются чужой едой. Войска их состоят из конницы, они вооружены длинноствольными ружьями, фохьями и другими видами оружия нового типа. У них очень острые ножи, которые они метают на врагов. Сикхи не ходят в панцирях, пешком они могут пройти 40-часовой путь.

Нанак родился в деревне Трмиди²⁵⁴ на восьмом году царствования короля Джахангира и умер в деревне Каталпур²⁵⁵. Отца его звали Калу²⁵⁶. Его учениками были Анкат²⁵⁷, Амрдас²⁵⁸, Рамдас²⁵⁹, Арджанфич²⁶⁰, Харгобинд²⁶¹, Харкиш²⁶², Тегбахдур²⁶³, Говиндсник²⁶⁴, Балекрам или же Банда. Это он воевал против короля Бахдур-шаха, которого Амбдемасе-хан²⁶⁵ и Амадами-хан²⁶⁶ захватили в крепости Родоскар²⁶⁷.

А Шуджадовла после перемирия с англичанами снова стал господствовать в своей стране и очень полюбил армянский народ. Господина Айвазяна он назначил главнокомандующим своих войск. С божьей помощью тот снова совершил множество храбрых дел, выгнав

всех врагов из страны. Он собрал в Ауде человек 60 армян, которые храбростью своей прославились по всей Индии. Пусть бог хранит их имена и славу. Когда враги в стране Декан слышали имя армян, они содрогались от страха. Велика милость Христа везде и всюду.

История моя кончилась.

ОБ УСЫНОВЛЕНИИ ПРАВИТЕЛЕМ АКБАРОМ СЫНА ГОСПОДИНА АКОПДЖАНА ДЖУГАЕЦИ, КОТОРОГО ЗВАЛИ ГУЛГРНЕЛ

Шах Акбар²⁶⁸, великий самодержец Индии, сын Насреддина Хумаюна²⁶⁹, вступил на престол в 1554 году²⁷⁰. Во время его царствования из Н. Джуги²⁷¹ приехал в Индию некий господин Акоп²⁷² со своей женой и, обосновавшись в Кашмире, стал заниматься торговлей. Там у них родился сын. Но к несчастью на месте не нашлось священника, чтобы окрестить его, и сына пришлось им самим назвать именем Зулгрнел²⁷³.

Как-то, переодевшись, могучий властный самодержец объезжал свои владения и в Кашмире встретил юного сына армянина, красота которого ему очень понравилась. Некоторым из своих вельмож он приказал остаться там и разузнать, чей это ребенок и вместе с родителями привести к нему. Вельможи, разузнав кто родители ребенка, привели их к самодержцу. Акбар, узнав, что родители ребенка армяне, обрадовался, приласкал ребенка и, обратившись к его отцу, сказал: «Господин Музаффир (т. е. гость) и почтенный купец, у меня нет сына, отдашь ли ты своего ребенка, чтобы я его усыновил» Поклонившись, господин Акоп ответил: «Владыка, мой король, живи вовеки и не старей. Я и мое семейство являемся твоими слугами, но добровольно я не отдам своего сына, так как я по национальности армянин, а ты магометанин. Если отдам ребенка тебе и ты сделаешь его магометанином, я опозорюсь перед моим народом. Он осудит меня, скажет, что я за деньги или испугавшись силы отдал сына королю»²⁷⁴.

Королю очень понравился этот благородный и бесст-

рашный ответ. Он поклялся, что ни ребенка и ни его родителей он не заставит изменить своей вере. «Оставайся верным своей нации, я рад душой, но так как у меня нет детей, ребенка твоего я усыновлю».

И он приказал одеть мальчика, как полагается члену королевской семьи, и отвести во дворец.

Возвращаясь в Акпарабат, король взял с собой своего приемного сына и его родителей. В Акпарабате он поселил их вблизи сылхане—арсенала. Затем он приказал построить для армян церковь²⁷⁵, пригласить армянского священника, чтобы армяне поклонялись вере своих предков.

Услышав об этом, из Джуги приехали в Акпарабат архимандрит, священник и многие семьи армян, которых Акбар принял с большими почестями, наделил их 5000²⁷⁶ бигхами земли для строительства домов, разведения садов и виноградников. А приемный сын Акбара все время жил во дворце, рос, развивался и стал любимцем короля и королевы. Они всегда держали его при себе, очень баловали и берегли.

И за то, что король проявил милосердие к армянскому ребенку, сохранил в непорочности его веру и за любовь к нему и к его нации, бог воздал королю.

Когда Зулгрнел стал совершеннолетним, король Акбар подарил ему в Банкали целое поместье, т. е. джагир с городом Хугли, а также поместье в провинции (парагоне) Самбахар²⁷⁷ в Акбарабаде, где добывали чистую высококачественную соль. Подарил он ему и область Лахор в Пенджабе. Зулгрнел построил великолепный дворец и разбил рядом парк. Вокруг парка построил ларьки, беседки и в них разместил ювелиров, т. е. «джухахарачи» и т. д. Говорят, что он очень любил покупать и продавать драгоценные камни. Характером он был очень смиренный и покорный. Король Акбар так любил приемного сына, без его совета не принимал никого—будь то вельможа или нищий. Говорят, что Зулгрнел всем свободно разрешал проходить к себе выполнял просьбы всех, кто к нему обращался, он был лишен высокомерия. Говорят, что он имел «Мансуб хефт хазар», т. е. семитысячное войско, охранявшее его.

В 1553 году²⁷⁸ 17-го числа месяца рамблала короле-

ва, наконец, родила сына, которого называли Мир Салим Саладин²⁷⁹, т. е. царевич. Могущественный самодержец был поражен божьей милостью. Утверждают, что он часто говорил: «это благодаря армянской нации и любимого сына моего Зургиела бог смиловившись и подарил мне второго сына». Двое детей росли вместе и очень любили друг друга²⁸⁰.

В 1605 году король Акбар скончался. Его сменил сын Мир Салим Саладин, которого называли Нур-уд-дин Джахангир. Весь народ пришел поздравить нового короля с восшествием на престол. Только Зулгирел побоялся его, сохраняя осторожность, не вышел из дому и не пошел поздравить нового короля. Король несколько раз посылал за ним и приглашал его, но томимый ложным страхом, Гургиел уехал в свое имение в Хугли. Это очень расстроило короля, он приказал быть настороже с армянами. Но узнав, что Зулгирел болен и боится его, король поклялся: «Не бойся, ведь мы с тобой братья. Разве тебе не введома моя любовь к тебе с детства. Приезжай ко мне, обещаю выполнить любую твою просьбу. Я не посмею осквернить память моих родителей и сделать тебе зло. Если не придешь добровольно, привезу силой»²⁸¹.

Армяне также написали ему письмо, попросив, чтобы он приехал. Наконец Зулгирел приехал и представился королю и король полюбил его еще больше. Как-то раз он спросил Зулгирела: «Почему ты находишься вдалеке? Неужели я могу отнять у тебя подаренное моим отцом имение или не выполню твои желанья? Попроси ты даже пол моего царства я отдам его тебе». Опустившись на колени, наш царевич-отшельник сказал: «Государь, я знаю о твоей любви и милости ко мне, но умоляю тебя, разреши мне, подобно нищему, сидеть у себя дома и молиться за тебя». Король ответил ему: «Если это твоё желанье и твоя воля, я рад. Поступай как хочешь. Но всегда приходи проведать меня...»

Отказавшись от всех своих замечательных дел, Зулгирел занялся пением²⁸², которое на индийском языке называется «Раг». Он так преуспел в этом, что не уступал старым певцам. Его имя было записано и прославлено в индийской книге «Рагамала»²⁸³. И он предался суеве-

риям, внушив это и своим детям, некоторые из которых и до сих пор живы и проживают в его имени.

Действительно, все случилось по воле бога. Над человеческой слабостью можно смеяться. Красотой лица многие обманывались, подобно королю Акбару, они понадеялись на предсказания, но в конце концов пожалели об этом.

Ведь добросердечному королю бог сына не подарил. подумайте только, во что могла превратиться Индия в руках этого человека с его семью тысячами воинов. Какие благодеяния, какие замечательные дела мог сделать наш певец-царевич.

Отец короля Акбара Хумаюн, придя из Ирана, овладел своей страной, и его сын также имел мирный договор с Ираном. Это было известно Зугрейи, и если бы он пожелал совершить добрые дела, то смог бы это сделать. Но он ничего не сделал. Мне не понятна эта обидная беспечность по отношению к своему народу.

КОММЕНТАРИИ И ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ИСПРАВЛЕНИЯ

1. Автор сообщает неточную дату. В действительности, экспедиция Васко да Гама отплыла в 1497 г.
2. Васко да Гама (1469—1524)—португальский мореплаватель, открывший морской путь в Индию (ноябрь 1497 г.—20 мая 1498 г.).
3. Пурткала (Порта, Опорто, Портус-Кале)—приморский городок в Португалии. Точное место, откуда начал свое плавание Васко да Гама, неизвестно. Возможно, что, называя «город Портокала», автор имеет в виду Португалию.
4. «Бари уйс» по-армянски—«Доброй надежды». Это открытие Ходжамаляни ошибочно приписывает Васко да Гама. На самом деле мыс Доброй надежды был открыт знаменитым португальским мореплавателем Бартоломео Диашем.
5. Бона Эсперанса (по-португальски—добрая надежда).
6. Мосамбик (Мозамбик)—город и порт в португальской колонии Мосамбик на восточном побережье Африки.
7. В армянской исторической литературе существует мнение, что христианство на Малабаре начал распространять некий купец армянин Товмас (Фома) Урхайеци. (См. армянскую газету «Зартонк», Бейрут, 1956, № 133). Об этом же сообщает и Алишан Сисакан, стр. 466, Торгом, арх. Гушакян *Նոյն հանր.*, стр. 49.
8. Каликот (Каликут, Кожикоде)—город и крупный порт на Малабарском побережье Индии, который первым в Индии начал торговлю с европейцами.
9. Ходжамаляни указывает неточную дату. В действительности, португальцы бросили якорь у индийского побережья не 29 сентября, а 19 мая.
10. Анжудно (Анджодивские острова)—маленькие острова вблизи юго-западного побережья Индии.
11. Речь идет о короле Португалии Мануэле I (1495—1521).
12. После возвращения Васко да Гамы из Индии, португальцы снарядили 30 хорошо вооруженных кораблей и под командованием Кабрала 9 мая 1500 г. вновь отправились в Индию. Кабрал основал в Калькутте первую факторию.
13. В течение короткого времени было создано свыше 30 фор-

тов, которые позволяли португальцам держать в своих руках всю индийскую и восточную торговлю.

14. Гоа (Гоа)—главный город бывшей португальской колонии Гоа на Малабарском побережье Индии.

15. Ренающую роль в жизни города играли иезуиты ордена. Их было так много в Гоа, что с 1542 г. руководство городом почти целиком перешло к ним. Многие путешественники называют Гоа городом церквей.

16. Пегу—государство на юге Бирмы.

17. Джава (Ява).

18. Тимор—остров, входящий в группу малых Зондских островов.

19. Селлан—речь здесь идет о полуострове Малакка, входившем в состав Малайской федерации. Малакка иногда называют Селангорским княжеством (у автора—Селлан), находящимся на территории Малаккского полуострова.

20—21. Автор имеет в виду мелкие малайские острова, расположенные по побережью Малаккского полуострова.

22. Речь идет о короле Португалии Себастьяне (1557—1578).

23. Филипп II (1558—1598). В 1578 г. король Португалии Себастьян погиб во время войны с африканскими арабами. Престол оспаривали его два далеких родственника—король Испании Филипп II и приор Мальтийского ордена Ден Антонио. Филипп II, получив поддержку правящей верхушки иезуитов Португалии, вторгся с 30-тысячной армией и занял Лиссабон. В апреле 1581 г. собравшиеся кортесы провозгласили Филиппа II португальским королем.

24. В действительности, проникновение англичан в Индию началось с 1608 г.

25. Борампур (Бурхампур)—островок на восточном побережье Индии, вблизи Мадраса; в 50-х годах XVII в. принадлежал маратхам.

26. Здесь говорится о крепости и гавани Дели (Делхи) на северном берегу острова Тимор.

27. Шахджанабад (Шахджанабад)—в XVII—XVIII вв. так называли Дели.

28. Шахджан (Шах Джахан) (1627—1658)—правитель Индии из династии Великих Моголов.

29. На самом деле, первыми переговоры с могольскими императорами начали англичане.

30. Могольский император Джахангир (1605—1627) в 1613 г. разрешил англичанам свободно торговать и построить в Сурате первую торговую факторию.

31. Ходжамалян термин «примт» называет пошлину, взимающуюся с торговли, привезенных свои товары по сухопутным дорогам. Происхождение этого термина неизвестно.

32. Оврагзеб (Аурагзеб), (1658—1707).

33. Дакан (Декан)—так называется южная часть Индии (от слова дакшана, т. е. южный).

34. Биг (бигха)—единица измерения площади в Индии (1 бигх равняется $\frac{1}{4}$ га).

35. Чатгам (Читтагонг)—район в Бенгалии.

36. Бандел (Банда)—город на равнине Ганга.

37. Чинира (Чинсурах)—город на северо-востоке (штат Бенгалия).

38. Чаннагра (Шандернагор)—город в северо-восточной Индии (в Бенгалии), расположенный на рукаве реки Хугли, в дельте Ганга; имеет небольшую гавань, ныне входит в состав штата Бенгалия.

39. Сирампур (Серампур)—город в Бенгалии на правом берегу Ганга, в 20 км от Калькутты.

40. Крепость, выстроенная английской Ост-Индской компанией в XVII в. для защиты своих факторий и складов. Носила название Форт-Вильям в честь английского короля Вильгельма (Вильяма) III. В Форт-Вильяме находилось административное и торговое правление Ост-Индской компании в Бенгалии.

41. Пунчишери (Пондинери)—город и порт на полуострове Индостан, в 140 км южнее Мадраса. Был основан французами в 1674 г. как торговая фактория.

42. Танцзахур (Танжор, Танжур, Танжавур)—город на юге Индии в штате Мадрас, в дельте реки Кавери.

43. Тричкбар (Трикебар)—город в южной Индии на берегу реки Кавери.

44. Непатам (Наганатам)—город в южной Индии на реке Кавери.

45. Газдали-хан (Гази-уд-дин) служил при дворе Моголов. Один из любимых военачальников Аурангзеба.

46. Низамул-мульк (Мир Камар-уд-дин Чин Килидж-хан)—известный полководец и дипломат, один из наиболее выдающихся деятелей эпохи падения Могольской династии. Начал службу еще при Аурангзебе. При Бахадур-шахе в 1713 г. стал наместником Декана, получил большие почести и титул асаф, джах и Низам-ул-Мульк (буквально—устроитель дел государственных).

47. Низамул-мульк был назначен наместником шести крупных областей Могольского государства—Декана, Ауда, Арката, Тричинополи, Хайдарабада, Бенгалии.

48. Здесь речь идет об Аркате, который был подчинен только в 1743 г.

49. Автор ошибается: наместником Арката был назначен Анвар-уд-дин, а Дост Али-хан был наместником Карнатика.

50. Бадаших (Бадашхан)—область в северо-восточном Афганистане.

51. Хайдарабат—город, княжество. В 1724 г., когда было провозглашено независимое княжество Хайдарабат, город Хайдарабат стал столицей княжества.

52. Аркат (Аркот)—столица княжество Карнатика (крупного вассала Хайдарабада) на восточном побережье южной Индии, правителей которого европейцы называли «Набобами Аркота». См. К. А. Антонова «Английское завоевание Индии», стр. 17.

53. Ходжамалии ошибается: градоначальником Аркота был не Хамадали-хан, а Мухаммед Сайд-хан (Муххамед Сайд Саадатулла-хан).

54. В армянском тексте ошибка. В действительности, Такоджи.

55. Надир-шах вторгся не в 1735 году, а в 1738.

56. Надир-шах (Надир-шах Тахмас Кули-хан) (1736—1747)—шах Ирана.

57. Махамат-шах (Махамад-шах) (1719—1749)—правитель Индии. При нем почти завершился распад Могольской империи.
58. Чанда-хан (Чанда Сахиб)—главный министр (диван) Карнатика, зять наваба Карнатика Дост Али-хана.
59. Таидзахур (Тричинополи, Тричиррапполи)—город на юге Индии в штате Мадрас, на правом берегу реки Кавери.
60. Нагпур в XVIII в.—столица Маратхского княжества Бервар, которым правила династия Бхонсле.
61. Раджа Рогоджи Гося (Рагхотджи Бхонсле)—князь Нагпура, командующий маратхской конницей.
62. Нарбуд (Нарабада)—река в Малве.
63. Рашиор (Райчур)—город в Индии в штате Хайдарабад.
64. Должно быть Музаффар Джанг—племянник Насир Джанга.
65. Адони—город на юге Индии, в штате Мадрас.
66. Правитель Хайдарабада Низам-ул-мульк (Асаф Джа) скончался не в 1749, а в 1747 г.
67. Насирджанк (Насир-Джанг)—один из сыновей хайдарабадского низама Асафа Джаха. После смерти отца претендовал на престол, но вскоре был убит одним из своих соперников.
68. Автор ошибается. Речь здесь идет о навабе Карнатика.
69. Чанда Сахиб в плену находился не двенадцать, а семь лет.
70. На самом деле к Дюплексу был отправлен не Низам-хан, а сын Чанда Сахиба—Рза Сахиб.
71. Дюплекс (Джунпекс) был сыном крупного служащего табачной компании. В 1722 г. с помощью отца был назначен советником генерального комиссара Пондичерри. В 1731 г.—он глава французской фактории в Чандернагоре, в 1741 г.—генерал-губернатор Пондичерри.
72. Дотел (Д'Отейл)—тысячник французской колониальной армии.
73. Н. И. Радциг, основываясь на других источниках, считает, что в войске Д'Отейла насчитывалось 2520 солдат.
74. Оврамбабат (Аурангабад)—город в княжестве Хайдарабад в Индии.
75. Убит был не Мвуруди, как считает Ходжамаян, а Анвар-уд-дин.
76. Валадур (Валидамоулет)—название деревни недалеко от Пачивата.
77. Хемет Бхадур (Хаммат Бахадур)—военачальник из Адони.
78. Автор сообщает неправильную дату: должно быть—в октябре.
79. Славарджанк (Салабат Джанг)—брат Насир Джанга.
80. Низамали-хан (Низам Али-хан)—один из братьев Насир Джанга.
81. Бсал Джанк (Бсалат Джанг)—брат Насир Джанга.
82. Мзурали-хан (Анвар Али-хан)—младший брат Насир Джанга.
83. Каржан (Гардан)—офицер французской колониальной армии в Индии.
84. Дбус (Бюсси)—офицер французской колониальной армии.
85. Хайдарабад—город в Индии.

86. В управление французской Ост-Индской компании были переданы Карнатик, Мадур, Ташиивелли и др.

87. В 1740 г. Дюплеке стал набирать в пехоту и индийцев. Отряды из индийцев впоследствии назывались сипайскими.

88. Речь идет о семилетней войне, начавшейся в 1756 г.

89. Лалли Толландал заменил Бюсси в должности командующего французскими войсками в Декане. По словам Маркса, он был «...хороший солдат, но не генерал». В 1759 г. под Мадрасом его войско было разбито. В Пондичерри он попал в плен и находился в плену до 1763 г. После возвращения был обвинен во взяточничестве и брошен в тюрьму. Затем он был приговорен к смертной казни и публично казнен.

90. Сент-Давид—английский форт, был взят в апреле 1758 г.

91. Банкала—Бенгалия.

92. Сикалол (Сиракари)—этот район соответствует приморской части Андхри Десы. В него входят Гаприана, Висахалпатнам и другие районы на севере Майсора.

93. Чик-Балакпур—город в Индии на севере Майсура.

94. Анадираджд (Анаид Раджд)—правитель Чик-Баласаура.

95. Корнел Куест (Эйр Кут)—полковник английской колониальной армии в Индии. Руководил английскими войсками во время битвы при Пондичерри в 1761 г. и при Порта-Нова в 1781 г.

96. Мучлибандар (Масулипатам)—город и порт в Индии на Кормандельском побережье в дельте реки Кишны.

97. Маркиз д'Кофан—офицер французской колониальной армии.

98. Ходжамалии ошибается. Мухаммат-шах вступил на престол в 1719 г.

99. Муршидкули-хан (Муршид Кули-хан)—видный политический деятель Индии XVIII в. При Аурангзебе занял должность дивана во дворце Моголов (1703—1707), затем был назначен Аурангзебом правителем Бенгалии, Бихара и Орисса.

100. Бхар (Бихар)—провинция в Индии по среднему течению реки Ганга.

101. Уррина (Орисса, Уикал)—область на восточном побережье Бенгальского залива.

102. Патана (Патна)—речь идет о городе Патне, расположенном на правом берегу реки Ганга. В середине XVIII в.—крушной торговый центр.

103. Дака (Дакка)—город в восточной части Пакистана в устье реки Бури-Ганга, главный город Восточной Бенгалии.

104. Катак (Каттак)—город в Ориссе.

105. Кагра—район в Бенгалии.

106. Махузабат (Муршидабад)—город в штате Бенгалия, бывшая столица Бенгалии.

107. Алаверди-хан (Аллахварди-хан)—фаворит бенгальского наваба Муршид Кули-хана.

108. Автор ошибается в дате: Муршид Кули-хан скончался в 1725 г.

109. Шафраз-хан (Сарфараз-хан)—сын Шуджа-уд-дина после смерти отца в 1749 г. наследовал его престол. Через год пал жертвой интриг своего брата Ходжа Ахмада и Алаверди-хана.

110. Гири (Гира)—больше известна под названием Джамна—река в Индии, самый длинный и многоводный приток Ганга.

111. Раджамаха—провинция в Бенгалии, занимавшая горные районы на правом берегу Ганга вблизи впадения в него реки Куш.

112. Эти события происходили в апреле 1740 г.

113. Рокоджи Госле (Рагходжи Бхосле)—маратхский раджа, правитель Нагура.

114. Речь идет об Ориссе. Кроме того, Аллахварди заплатил маратхам 1,2 млн. рупий в качестве чаутх. Сниха и Банерджи, указ. соч., стр. 290.

115. Шираздовла (Сирадж-уд-доула) (1756—1757)—внук Аллахварди-хана. После смерти деда в возрасте 21 года наследовал суверенитет. Известен ненавистью к англичанам.

116. Пуриана (Пурана, Пурная)—округ в Бихаре.

117. Мирджафарали-хан (Мир Джафар)—главнокомандующий войсками Бенгалии. После смерти Аллахварди-хана был претендентом на престол, но не был поддержан феодальной верхушкой. Ценой предательства и измены после Плессен стал навабом Бенгалии в 1757—1760 гг. и 1763—1765 гг.

118. Джжест (Джагат Сетх—дословно «банкир мира») — крупнейший представитель бенгальского денежного капитала, банкир. Настоящее его имя—Фатех Чанд.

119. Ресит (английское)—расписка.

120. Имеется в виду заговор, в котором участвовали почти все представители крупных торговцев и банкиров. Известны имена заговорщиков—Джагат, Сетх, Раджа Баллаох (который потом бежал к англичанам), Райдуралб, Омичанд и др.

121. Ходжамаляи по-своему трактует события. На самом деле, Раджабалабх был одним из организаторов заговора против наваба. После разоблачения вынужден был бежать к своим хозяевам, по поручению которых был организован заговор.

122. Радж Блуб (Раджбалабх)—начальник канцелярии Сираджа.

123. Раджмахал (Раджамахал)—небольшой городок в верховьях Ганга.

124. Дрек (Роджер Дрэйк)—начальник английской фактории в Калькутте.

125. Хасумбазар (Касимбазар)—город в Бенгалии.

126. Начальником фактории в Касимбазаре был Уотте.

127. Англичане после взятия Касимбазара послали людей и через банкиров Сетхов и Марвари постарались заставить наваба отказать от мысли напасть на Калькутту.

128. Почти все ученые, говоря об этих событиях и касаясь вопроса численности английских войск, называют цифру, не превышающую 150 человек.

129. Очевидец Холуэлл умышленно преувеличивает это число до 123. «Это не была Калькутская черная яма», вокруг которой до сих пор поднимают столько шума английские ушакши». (К. Маркс, Хронологические выписки..., стр. 63—64).

130. Алигар (Алинагар)—город недалеко от Калькутты, «город Всевышнего».

131. Минкчанд (Раджа Маник Чанд)—один из высших офицеров в армии Сирадж-уд-доула, английский наместник Калькутты.
132. Ага Петрос Тер-Никогосян Джугаеци—один из богатых представителей армянской общины в Бенгалии в XVIII в. Благодаря дружбе с навабами Аллахварди-ханом и Сирадж-уд-доулом занимал высокое положение при дворе наваба.
133. Об этом великодушии Сирадж-уд-доула английские источники умышленно молчат.
134. Палта (Фальта)—маленький островок недалеко от Калькутты.
135. Ага Петрос Калантар Арутюнян—знаменитый купец в Бенгалии в XVIII в., старший брат Горгии-хана.
136. Англичане впоследствии вместо благодарности обесчестили его, обвинив в шпионаже в пользу индусов, и конфисковали все его богатство, а самого бросили в тюрьму. См. «Спир», Иерусалим, 1930, стр. 331.
137. Кокак (Покок)—адмирал английского флота.
138. Клевис (Клайв Роберт)—один из наиболее ярких английских колонизаторов в период завоевания Индии Англией.
139. Ватсен (Уотсон)—адмирал английской армии, член Калькутского совета, английский резидент в Муршидабаде.
140. Е. А. Люстерник, пользуясь другими источниками, пишет, что «вся экспедиция состояла из 700 человек европейцев, 1200 спаев и отряда морской службы в составе 250 человек». Е. А. Люстерник. Из истории захвата Бенгалии англичанами. См. Уч. записки Ленинградского гос. пед. ин-та им. Герцена, т. 62, стр. 179.
141. Пудбужиа (Баджи-Баджи)—маленькая крепость недалеко от Калькутты.
142. Англичане заняли Калькутту 2 января.
143. Хугли был атакован и взят англичанами 10 января.
144. Индийцы потеряли 600 человек убитыми и ранеными.
145. Посланными наваба были раджа Ранджит Рай и Омичанд.
146. Этот договор, подписанный 9 февраля 1757 г., получил название «договора Алланагара».
147. Ватч (Уотс)—служащий английской Ост-Индской компании.
148. Один куруп рупий равняется 10 млн. рупий.
149. Плеси (Плесси)—деревня, находящаяся примерно в 80 км от Калькутты.
150. Мир Мадан—генерал, командующий кавалерией. Он был самым способным и талантливым генералом Сираджа. Героически погиб при Плесси.
151. Раджмхал (Раджмахал)—город в Бенгалии, бывшая столица княжества Раджмахал.
152. Сирадж-уд-доул был убит в Муршидабаде 24 апреля 1756 г.
153. На самом деле трех суб: Бенгалии, Бихара и Ориссы.
154. Ходжамалян ошибается: в действительности «29 июня 1757 г. английская армия вернулась в Муршидабад, где Клайв торжественно произвел изменника в субадары Бенгалии, Бихара и Ориссы...». К. Маркс, Хронологические выписки из истории Индии..., стр. 64.
155. А. Алпояджан сумму, полученную армянами, исчисляет в лакхах рупий.

156. Авот (Ауд)—область в северной Индии. В XVIII в. фактически добилась самостоятельности при наместнике Саадат-хане.
157. Шуджадовла (Шуджа-уд-доул)—наваб Ауда, сын Сафдар Джанга. После смерти отца в 1754 г. наследовал субадарство Ауд и Аллахабад, был визирем Шаха Алама II.

158. Ахмад-кули-хан—офицер аудской армии.

159. Алигухар (Али-Гоухар)—сын Великого Могола Мухаммеда Аламгира, впоследствии (1760—1806) правил под именем Шаха Алама II.

160. Патана (Патана, Паталипутри)—один из древних городов на северо-востоке Индии.

161. Бирбун (Бирбхум)—провинция в Бенгалии, известна своими непроходимыми лесами.

162. Таджпур (Газипур)—провинция на севере Бенгалии.

163. Аламгар (Алмгар)—деревня в провинции Газипур в Бенгалии.

164. Мункер (Монхир)—город—одна из старых столиц Бенгалии, который долгие годы был заброшен. Снова был восстановлен Мир Касимом. При нем Монхир был столицей.

165. Сикалол (Чикалол)—провинция в Бенгалии.

166. Григор Арутюнян (Горгин-хан)—армянин, приехавший в Индию из Н. Джуги. Имел военную подготовку, однако занимался торговлей. В 1760 г. Мир Касимом был назначен главнокомандующим бенгальской армией. Убит английскими наемными агентами. О нем подробно см. Р. Абрамян, Восстание индийского народа против колонизаторов в 1760—1763 гг. и армянская община, «Историко-филологический журнал», 1960, № 3, стр. 11—123.

167. Барсег-ага,—армянин, знаменитый купец в Бенгалии, впоследствии был арестован англичанами.

168. Касумали-хан. (Мир Мухаммед Касим-хан Бахадур)—наваб Бенгалии в 1760—1764 гг.

169. Бардуан (Бардван)—богатейший район Бенгалии. По договору 1760 г. с Мир Касимом был отдан англичанам.

170. Чатигам—один из наибольших округов Бенгалии. округов Бенгалии.

171. Венштер (Вансштарт) — генерал-губернатор Бенгалии (1760—1764).

172. Автор имеет в виду Бенгалию и Бихар.

173. «Мансаб»—персидское слово. Дословно означает «чин».

174. Речь идет о знаменитой Панипатской битве.

175. Баву (Бхоу)—один из военачальников маратхских войск, двоюродный брат пешвы, возглавлял военную экспедицию против афганцев. В январе 1761 г. Бхоу пал в Панипатской битве.

176. Это был четвертый поход Ахмад-шаха в 1759—1761 гг.

177. Ахмад-шах—(Ахмад-шах Абдали)—основатель афганского государства Дуррани, совершил несколько вторжений в Индию.

178. Кандахар—область на юге Афганистана. Находясь на перекрестке караванных путей, являлась предметом длительной войны между Индией и Ираном. В 1648 г. область Кандахар была захвачена Ираном. С 1742 г.—столица Афганского государства.

179. Криал—город, расположенный недалеко от Патаны, потому

Ходжамалян и называет Панипатскую битву сражением при Криале.

180. Сатарагар (Стара)—город на юго-западе Индии, резиденция раджи маратхов.

181. Точные данные о численности маратхских войск сообщает участник событий в Казии раджа Пандит: по его данным, число регулярных войск и контингент маратхских князей превысил 240 000. См. Н. Семенова, Афгано-маратхская борьба за Индию и Панипатская битва 1761 г., «Очерки по новой истории стран Среднего Востока», М., 1951, стр. 87.

182. Маратхи (или Марати)—один из многочисленных народов, населяющих Индию. Они в основном живут в штатах Матхи, Прадеш, Бомбей, в районах Махараштра, Махтия Бхарата, Хайдарабада, в областях Махаратханабада и т. д.

183. Авгор ошибается. Речь идет о Шиваджи (1627—1680)—выдающемся вожде и организаторе Маратхского государства, руководителе освободительной борьбы маратхов против Великого Могола и биджапурского султана.

184. Хандеш (Хандес)—область Махараштри.

185. Бурхампур (Берампур)—город Хандеше, где помещалась резиденция раджи маратхов.

186. Биджапур—город на юге Бомбейского штата в Индии. С XV в. стал столицей Биджапурского султана. В 1669 г. маратхи отделились от Биджапура, но в 1766 г. Биджапур был завоеван Аурангзебом и присоединен к составу государства Великого Могола.

187. Фтахпур (Фатехпур)—город в центральной Индии.

188. Моте—область в Махараштре.

189. Пуна (Пона)—область в Махараштре, резиденция маратхских цени (правителей, князей).

190. Нагпур—город в центральной части Индии; в XVIII в.—столица маратхского княжества.

191. Акпарабат (Агра)—город в Индии на главном притоке Ганга—реке Джамие. В эпоху Акбара здесь существовала богатая армянская колония.

192. Джалалуд дин Джхалр (Джаханур Джалал-уд-дин-Дхон)—шах. Он был малолетним и назначение его шахом носило формальный характер. Законным правителем был Шах Алам II (1759—1806).

193. Фарухабат (Фаррухабад)—город на севере Индии, на правом берегу Ганга в штате Уттар Прадеш.

194. Сму (Сумру Вальтер Рейнхард)—авантюрист, эльзасского происхождения, долгое время служил то одному, то другому правителю разных районов Индии.

195. Новая Джуга—большой район города Исфагана. Был основан армянами Джуги, насильственно переселенными туда в 1605—1606 гг. Шахом Аббасом. Н. Джуга в свою очередь разделялась на ряд кварталов. В конце XVII—начале XVIII в. Н. Джуга достигла наивысшего расцвета. Караваны торговцев новоджугинских армян пересекали все дороги Европы и Азии. Они особенно часто бывали в соседней Индии. После упадка Н. Джуги большинство армян пересекло в Индию.

196. Чару—один из кварталов Новой Джуги.

197. Баксар (Буксар)—маленький город в восточной Бенгалии.
198. Ротос (Рохтас)—область и маленький городок на севере восточной Бенгалии.
199. Дубрасник (Дубрадж Сингх)—правитель Рохтаса.
200. Как об этом, так и о других походах бенгальских войск, о которых говорит Ходжамалия, мы узнаем впервые. В других источниках об этом ничего не говорится.
201. Муратапат (Мурадабад)—город в Индии, в штате Уттар-Прадеш, расположен на реке Рамагане.
202. Чота Нагпур (Чхота Нагпур)—один из горных районов Индии в северо-восточной части Декана.
203. Эминет (Аминат)—член Калькутского совета, участник переговоров между Мир Касимом и компанией.
204. Эпч (Элчис)—начальник английской фактории недалеко от Патны.
205. Индийские ученые Н. К. Синха и А. Ч. Банерджи, по-видимому не имея под рукой достаточно достоверных исторических фактов, ошибочно считают, что английские войска насчитывали 1400 солдат. См. Синха и Банерджи. История Индии, стр. 309.
206. Мендикули-хан (Менхи)—правитель Патны.
- 206а. Шамшефар-хан (Шамшир-хан)—высокое воинское звание в бенгальской армии.
207. Хаджинур (Газинур)—область в Бенгалии.
208. Чодр—(Чондар)—правитель Хаджинура.
209. Аштархан—Астрахан.
210. Меджер Адамс (майор Адамс)—главнокомандующий английской колониальной армией, руководящий военными операциями против Мир Касима.
211. Катуга (Катхуга)—область в Бенгалии.
212. Бирбун (Бирбхум)—город и область в Бенгалии, известная своими непроходимыми лесами.
213. Удхунала (Удханале)—большой овраг на одном из притоков в Бенгалии.
214. Джанмахамет Сабрбек (Джан Мухаммед Сабр-бек)—младший командир армии Мир Касима.
215. Брей—деревня недалеко от Патны.
216. Карманса (Карменсу)—небольшая река в Бихаре.
217. Юсуфали-хан (Юсуф Али-хан)—правитель Рохтаса.
218. Бенарес—город на севере Индии, с древнейших времен место паломничества для индусов.
219. Брети или Бахта—район на север от Аура.
220. Индопат—правитель Брета (Бахта).
221. Элбаз (Аллахабат)—один из древних городов сев. Индии. Центр одноименного княжества.
222. Лакнахор (Тахор)—область и города на севере Индии.
223. Ханадж (Санадж)—район южнее Дели.
224. Фруханат (Фаррухабад)—небольшой пустынный район около Каликота.
225. Ахмад-хан Банкен—правитель Фаррухабада.
226. Бдавоп (Бадаоп)—область на севере Могольской империи в Рахильходе.

227. Хансар—небольшой округ на равнине Рохилкходе.
228. Камав (Камовон)—округ в Рохилкходе.
229. Хафаз Рахмат-хан (Хафиз Рахмат)—раджа одного из сильных княжеств в Рохилкходе.
230. Сринадор—область на севере Индии.
231. Смбул (Самхал)—область и город в Рохилкходе.
232. Муратабат (Мурадабад)—область и город в Рохилкходе.
233. Дунди-хан—один из самостоятельных князей в Рохилкходе.
234. Курджанабат (Қора)—область на севере Индии.
235. Кайрачра (Карачахра)—провинция на севере Индии.
236. Сибул Муратабат (Санбал Моратапад)—область на севере Индии.
237. Бертипур (Бхаратпур)—небольшое княжество рядом с Агрой с одноименным городом-крепостью.
238. Джаты—главная земледельческая каста северо-западной Индии (Кашмира, Пенджаба, Раджовстана и на западе Уттар-Прадеша).
239. Джаад Сикх (Джухар Сингх)—джатский правитель XVIII в.
240. После битвы при Буксаре (1764) и разгроме шаха Алема, англичане часть захваченных районов вернули Великому Моголу, а затем заставили своего пленника Шаха Алема II (он при Буксаре попал в плен) подписать фирман, дающий компании в Бенгалии (и Бихаре.—Р. А.) права «дивана» (т. е. финансовое управление). Гражданские дела, которые решали местные власти, фактически перешли в руки колонизаторов.
241. Лахор—город на севере Индии.
242. Кроме христиан и мусульман, последователей других вер автор обычно называет язычниками.
243. Сикх—буквально ученик. Сикхами называли тех жителей северной Индии, которые были последователями сикхизма.
244. Джесалол (Джаса-Сингха)—вождь сикхов в XVIII в.
245. Амчара (Амритсар, Амрита Сара по-санскритски озеро бессмертия)—город в северной Индии, самый крупный центральный город Пенджаба, исторический, культурный и религиозный центр сикхов. Здесь же находится святилище сикхов «Золотой храм».
246. Шах Джахан правил гораздо позже—в 1627—1658 г. Напаке правил при Бабуре (1526—1530) и Хумаюне (1530—1539).
247. Нане Пите (Нанак Банда)—основатель религии сикхов и их духовный наставник—гуру (1469—1538).
248. Катри (Кхатра)—одна из каст в северной Индии.
249. Сикхизм возник в конце XVI в. в северо-западной Индии как червь индуизма и был непосредственным продолжением и развитием религиозно-реформаторского движения бхакти, отражающего в завуалированной форме социальный протест городских слоев против гнета феодалов в средневековой Индии. См. «Новая история Индии», М., 1961, стр. 65.
250. Бахдур-шах (Бахадур-шах)—здесь речь идет о Бахадур-шахе I (1707—1712).
251. Бенда (Банда)—вождь сикхов (1708—1715), одаренный полководец и организатор.

252. Ходжамалин ошибается: наемным убийцей был убит не Банда, а Хар Говинд.

253. Джжесул (Джжесса Колал Синг)—один из военных вождей в середине XVIII в.

254. Трмиди (Талланди)—деревня, где родился Панак.

255. Каталпур—не удалось выяснить конкретное местонахождение.

256. Калу (Калуе)—был кхатри и принадлежал к подкасте беди.

257. Ангат (Ангад или Даха)—второй гуру сикхов (1538—1552). По преданию Ангат является изобретателем алфавита гурумкхи, в результате чего непонятный санскрит был заменен живым разговорным пенджаби.

258. Амрдас (Амар Дас)—гуру сикхов (1552—1574).

259. Рамдас (Рам Дас)—гуру сикхов (1574—1584).

260. Арджанфич (Арджун)—гуру сикхов (1584—1606)—при нем была провозглашена божественность гуру, усилившая их власть над членами секты.

261. Харгобинд (Хар Говинд)—гуру сикхов (1606—1645). Принял титул истинного государя (сача падишах) и носил два меча, что символизировало духовную и светскую власть.

262. Харкиши (Хар Кришан)—гуру сикхов после Хар Рая (1661—1664).

263. Текбахдур (Тег Бахадур) (1665—1675)—гуру сикхов.

264. Говиндсинг (Гвинд Сингх)—гуру сикхов (1675—1708), он реорганизовал секту и внес ряд изменений в учения сикхизма.

265. Абдемасе-хан (Абд-ус-Самад-хан) — субадар Пенджаба (1713—1726) руководил операцией войск Великого Могола против хасу по поручению Фаррук Саяра (1713—1719) в период 1713—1715 гг.

266. Амдами хан (Ахмад Али-хан)—военный офицер армии Фарук Саяра.

267. На самом деле Говинд Сингх был арестован не в Родоскаре, а в Гурдаспуре—небольшом городке-крепости на северо-востоке от Амритсара.

268. Акбар (Джелал-уд-дин Мухаммед)—один из великих правителей Могольской династии в Индии (1542—1605).

269. Хумаюн—второй правитель Могольской династии в Индии (1530—1539, 1555—1556).

270. Автор ошибается в дате: Хумаюн вступил на престол в 1556 г.

271. Джуга—армянский поселок на берегу Аракса, крупный торговый центр. Караваны армянских купцов Джуги объездили весь мир. Они имели свои торговые дома в крупных городах Азии, Европы и Африки. В 1605 г. по приказу Шаха Аббаса из Джуги 12 000 семей были насильственно перевезены в Исфаган в столицу Ирана. Там они построили город, носящий имя Новая Джуга, в честь покинутой родины.

272. Акен (Искендер)—купец, армянин из Джуги или из Аленпо. Был на службе у Акбара в Замбахаре, управлял правительственными соляными промыслами. Скончался в 1613 г.

273. Зулгриел (Зу-л-Карнаин, дословно—двурогий)—сын купца

армянина Акона (Искандера). Воспитание получил во дворце Великого Могола. Сохранившиеся документы сообщают о нем как об управляющем государственными соляными промыслами в Замбахаре и знаменитом сочинителе индусских песен. Скончался в 1664 г., по-видимому, в Дели.

274. По подтверждению некоторых ученых, Зу-л-Карнаин и брат были еще маленькими, когда умерла их мать—дочь главного судьи Акбара Абдул Хайа (Абдула армянина). По поручению правителя Великого Могола их передали на воспитание одной из его бездетных жен, которая по национальности была армянкой. По-видимому, это и послужило основой для версии об «усыновлении» Акбара, о котором говорит автор.

275. В Агре армянская церковь построена в 1562 г. Это—одно из древнейших христианских сооружений в Индии.

276. По всей вероятности, автор чересчур преувеличивает эту цифру.

277. Замбахар (Замбахар)—район в Пенджабе. Здесь же озеро Самбахар, которое дает значительную часть индийской соли. Из мемуаров Джахангира следует, что, действительно, Зу-л-Карнаин был назначен управляющим Замбахара. Из двух источников выясняется, что Зу-л-Карнаин в Замбахаре заменил отца с 1613 г., когда ему было 18 лет. Джагирдарство Зу-л-Карнаина также подтверждается источниками.

278. Ходжамалин сообщает неправильную дату: Джахангир родился в 1568 г.

279. Мир Салим Саладин (Джахангир)—сын Акбара, император Великого Могола (1605—1627).

280. Современник Зу-л-Карнаина иезуитский священник Тавернье в своем «Путешествии Тавернье по Индии» об этом пишет: «Дозволено будет упомянуть о том, что Мирза Зула Карнаин был воспитан при дворе Акбара вместе с будущим шахом Джаханом. Они были товарищами по играм».

281. Поводом к разногласиям между императором и Зу-л-Карнаином послужил не отказ Зу-л-Карнаина поздравить Джахангира с его коронацией, а попытка императора заставить Зу-л-Карнаина принять магометанство.

282. Об этом Сетян пишет: «В 1634 г. мирза Зу-л-Карнаин отказался от управления (Замбахорскими соляными промыслами.—Р. А.) и удалился в Дели. Ему была назначена пенсия 100 рупий в день. Зу-л-Карнаин—замечательный сочинитель песен. О нем упоминают многие современники, самые достоверные сведения принадлежат самому правителю Великого Могола Джахангиру. «Зу-л-Карнаин... сын того армянина, которому повезло быть на службе у Акбара, является превосходным сочинителем индусских песен».

283. Рагамала (Ротнамала)—дословно песенник. Проф. Ш. Натал в журн. «Пюни» опубликовал несколько четырехстопный Зу-л-Карнаина, взятых из сборника.



АКОП СИМОНЯН

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ХАЙДАРА
АЛИ-ХАНА



Он был сыном некоего солдата¹ по имени Фати Джанги², родился в 1717 году³ в Коларе⁴.

Говорят, что когда ребенок родился, отец его позвал звездочетов и жрецов и попросил: «Предскажите нам будущее». Жрецы ответили: «Если проживет мальчик сорок дней, умрет его отец, а он вырастет мужественным, знаменитым и храбрым. Но если младенец будет убит, то отец проживет еще долгие годы».

Но когда мать услышала это, то, поразмыслив, решила: «Лучше пусть умрет сын мой, но живет муж». Она позвала к себе одну из своих служанок и, передав ребенка, сказала: «Возьми моего сына и убей его, бросив в колодец, но так, чтобы никто не узнал об этом. Если кто-нибудь узнает, я своими руками предам тебя жестокой смерти. Служанка завернула младенца в полотняную простыню и вышла с ним из дома. Но тут она столкнулась с Ибрагимом Схабом⁵, дядей младенца (братом матери).

Ибрагим Схаб спросил у служанки: «Что ты несешь?». Она ответила: «Ничего особенного». Тогда он выхватил меч и крикнул: «Если не скажешь правду, отрублю голову твою». Очень испугавшись, служанка призналась: «Господи мой, сестра ваша приказала мне убить своего новорожденного сына, бросив в колодец». «В чем причина этому?»—спросил Ибрагим Схаб. Служанка поведала о пророчествах жрецов. Тогда Ибрагим Схаб приказал ей: «Иди с ребенком за мной». Приведя их в свой

дом, он оставил ребенка, а служанке приказал: «Вернись к госпоже своей и скажи, что ты убила ребенка, бросив его в колодец»,—и добавил: «Если не сделаешь так, как приказал, я убью тебя». Служанка под страхом смерти вернулась к госпоже и сказала, что выполнила ее приказание. Выслушав ее, та обрадовалась, что муж будет жить.

Спустя 40 дней после этого муж ее, Фати Джанги скончался⁶. Жена, оплакивая смерть мужа, причитала: «Горе мне, несчастной. Зачем я поверила этим обманщикам-жрецам. Теперь я потеряла и мужа, и сына». Три месяца она предавалась своему неутешному горю.

Ибрагим Схаб, ее брат, отдал ребенка кормилице, у которой он оставался три месяца. Однажды Ибрагим Схаб решил навестить свою сестру. Она встретила его воплями и слезами. Ударяя себя в грудь, она говорила: «Почему ты до сих пор не приходишь утешить меня. Ведь я потеряла и сына, и мужа». Брат, увидев сестру в таком горе, плачущую горячими слезами, сказал ей: «Сестра моя любимая, перестань рыдать. Правда, ты потеряла мужа, но сын твой жив. Я спас его и отдал кормилице, он в моем доме». Но сестра не поверила словам брата. Тогда Ибрагим Схаб позвал служанку, которая должна была бросить ребенка в колодец, и приказал ей поведать госпоже обо всем случившемся. Служанка сделала это. Услышав все это из уст своей служанки, она несколько успокоилась, перестала рыдать и, опустившись на колени перед братом, молила доказать, правда ли рассказанное.

Когда Ибрагим Схаб увидел, что сестра настойчиво требует показать ей своего сына (так как она считала, что они обманывают ее, чтобы утешить), он приказал своим слугам отправить в его дом и привести кормилицу с ребенком. Слуги быстро выполнили приказание своего господина и почти тотчас вернулись с ребенком. Увидев его, мать потребовала, чтобы брат и служанка поклялись, что это действительно ее сын. Убедившись, что это правда, она схватила ребенка на руки и, счастливая, стала целовать его. Поблагодарив брата, она одарила служанку, не выполнившую ее приказа убить ребенка. Ребенок с этого дня остался у матери.

Ибрагим Схаб выбрал двух служанок и двух слуг,

чтобы они ухаживали за ребенком. Ибрагим Схаб был очень знатным человеком, он командовал отрядом конников в сто человек, поэтому его боялись и очень заботились о ребенке. И так как Схаб очень любил племянника, то навещал его два раза в день. Так продолжалось до тех пор, пока мальчику не исполнилось семь лет.

В семь лет он каждый день играл в те игры, в какие обычно играют все дети. в эти годы. Он никогда ни с кем не дружил, все время ходил один, держа в руках меч, которым рубил ветки деревьев, развивая мускулы рук. Он все время думал о том, как стать знаменитым воином. Так он жил до двенадцати лет. Однажды он пошел к Ибрагиму Схабу и попросил у него: «Дай мне хорошего коня». Схаб приказал отдать ему любимого коня, которого он захочет. Ему тут же отдали того, которого он выбрал из сотни коней⁷.

Когда Ибрагим Схаб спросил его: «Зачем тебе нужен конь», тот ответил: «Хочу учиться военному делу». Этот ответ очень понравился Схабу. Взяв коня, Гейдар отправился к солдатам дяди, у которых стал учиться военному делу. Когда ему исполнилось четырнадцать лет, он опять пошел к Ибрагиму Схабу с просьбой разрешить командовать солдатами. Схаб ответил: «Ты еще молод, не справишься». Гейдар опустился на колени: «Разреши мне на небольшой срок командовать хотя бы несколькими солдатами, и тогда ты узнаешь, могу ли я справиться с делом». Уступив настойчивым просьбам племянника, Схаб разрешил ему командовать двадцатью солдатами-пехотинцами⁸. Поблагодарив дядю, Гейдар ушел, забрав отданных в его распоряжение двадцать солдат. Он ежедневно обучал их по своему усмотрению. Часто он нападал на соседние деревни, которые были подвластны маратхам, грабил крестьян и раздавал награбленное своим солдатам. Скоро они получили возможность приобрести коней. Таким образом, у него под командованием оказалось двадцать всадников. Когда Ибрагим Схаб увидел, что племянник очень смел и в любом деле храбр, то он написал письмо в Мансур своему правителю⁹ (т. е. радже): «У меня есть племянник, сын сестры, четырнадцати лет, очень храбрый, любит военное дело, поэтому прошу Ваше Высочество разрешить ему коман-

довать отрядом и назначить жалованье». Раджа разрешил Гейдару командовать двумястами конников¹⁰, приказал назначить ему жалованье в шестьсот рупий в год и повелел называть его Фати Гейдаром. Такую же должность имел отец его Фати-Джанги. И когда был получен этот приказ, его все начали называть Фати-Гейдаром, дали войска и назначили жалованье из казны раджи, как и было приказано. Когда Фатех-Хайдар получил разрешение командовать двумястами солдатами, он с гордостью сказал себе: «Если в юности я добился права командовать столькими людьми, то чего же я достигну, если свою храбрость покажу радже». Он продолжал совершать с войском свои налеты на соседние маратхские деревни. Так продолжалось до тех пор, пока ему не исполнилось двадцать лет. К этому времени Гейдар был известен как человек очень умный, сообразительный, находчивый.

В это время началась война¹¹ между Пунтишерн¹² и Тшампулом¹³. Из Пунтишерн отправили посла к мансурскому радже с просьбой оказать помощь. Правитель Мансура согласился. Он приказал Фатехи-Гайдару взять под свое командование 500 пехотинцев, а другому командиру, имя которого не помню, 2500 конников. Это трехтысячное войско (500 пехотинцев и 2,5 тыс. всадников)¹⁴ направилось к Пунтишерн на помощь. Там они сражались против Тшампула месяцев шесть, но одержать победу не смогли. За это время мансурские войска не получали жалованья. Попав в затруднительное положение, они восстали против правителя¹⁵ Пундишерн, которого звали Чанта Схаб¹⁶, оставили его и, возмущенные, вернулись в свою страну. Но Фати-Гейдар отказался подчиниться своему главнокомандующему и не вернулся с ним в Мансур. Он со своим немногочисленным войском присоединился к пундишернцам и они осадили крепость Тшатноли. Осада была продолжительной и длилась месяцев восемь. Убедившись, что все попытки занять крепость путем осады тщетны, он стал искать другие возможные пути для занятия крепости. Ежедневно отправлялись в крепость послы, которые подкупали там знатных людей. Это был единственный способ занять город. В конце концов они заняли город, обезглавили королеву.

которую звали Рани¹⁷ (в Тшампули не было короля, страной правила королева).

После этого Фати-Гейдар попросил вознаграждения, но, ничего не получив, поссорился с Чанта Схабом, вернулся в свою столицу и о ходе войны доложил своему правителю. Поведение Чанта Схаба вызвало гнев правителя против него¹⁸.

Фати-Гейдар надеялся, что получит награду за свой поход, т. к. он действительно смело и храбро сражался в этой войне, но он ничего не получил.

В это время местный раджа враждовал с срикпатаанским¹⁹ раджей. Фати-Гейдар оставил службу у своего раджи и перешел на службу к срикпатаанскому радже²⁰. Тот принял его с великими почестями, вознаградил, поручил ему командовать двадцатью тысячами конников и провозгласил его вторым командующим страны. Фати-Гейдар своим умом и находчивостью сумел завоевать симпатии всей знати города.

Он ежедневно и настойчиво обучал свои войска военному мастерству. Все хвалили его перед правителем, говоря: «Нет среди нас такого храбреца, как Фати-Гейдар».

Раджа Срикпатана отправил одного из своих приближенных в Мансур, чтобы просить у местного раджи руки его дочери. Тот обрадовался этому и, подготовив все нужное для свадьбы, вместе с дочерью и семьей в сопровождении пятисот солдат приехал в Срикпатаан. Срикпатаанский раджа приказал своему войску продвигаться вперед и тщательно охранять дороги, а Фати-Гейдару с двумя тысячами отборных солдат окружить крепостные ворота, через которые должны были войти в город майсурцы, пропустить их, а затем всех убить. Выполнив приказ, воины Фати-Гейдара убили раджу, членов его семьи и всех тех, которые прибыли с ним. После этого Фати-Гейдар со своим войском продвинулся к Мансуру. И так как жители не знали о случившемся, он быстро занял город и захватил все богатства, принадлежавшие радже. Таким образом Мансур стал подвластен срикпатаанскому радже. После этого, как это принято, все вельможи пошли на поклонение к своему новому радже. С ними пошел также Фати-Гейдар. Он бил челом своему правителю. Там же он получил от раджи приказ о

назначении его главнокомандующим и щедрое вознаграждение. Он поблагодарил раджу, поклонился и вышел. Он сам стал назначать всех командиров по своему желанию, стараясь привлечь всех их на свою сторону. Скоро никто не осмеливался противоречить его приказам. Фати-Гейдар делал все сам, ни с кем не советуясь, он был человеком принципиальным и сообразительным, с большим упорством учился сам и обучал войска свои военному мастерству.

В это время Чанта Схаб враждовал с Махмат Али-ханом²¹. Чанта Схаба поддерживали французы, Махмата Али—англичане. С обеих сторон было собрано большое войско. Но Махмат Али не был столь богат, как Чанта Схаб. Последний, используя свои богатства, получал поддержку от французов. Правда, и Махмату Али помогали англичане, но он не имел достаточно средств, чтобы платить жалованье многочисленному войску. Когда началась война, Махмат Али оказался в затруднительном положении и послал письмо с просьбой о помощи и большие подарки срикпатанскому радже, с которым был в дружеских отношениях. Они составили договор, по которому Махмат Али обещал, что если срикпатанский раджа пошлет ему на помощь десяти-тысячную армию, оплатив все расходы, и если он (Махмат Али) одержит победу над врагом своим, Чанта Схабом, арестует его и сам будет хозяином всего Критака²², то он возместит своему союзнику все расходы и после войны подарит город Тшанпли или три крура рупий. После того как раджа Срикпатана ознакомился с предложениями Махмата Али, он выразил удовлетворение этим договором, принял все его пункты и с удовольствием написал ему письмо: «Хорошо, я согласен со всеми твоими предложениями, но прошу, подробно написать свои обещания на отдельной бумаге, скрепить это своей печатью и печатью своих вельмож и послать мне. После этого я готов свои войска и средства для их содержания отправить тебе». В тот же час, как был получен этот ответ, Махмат Али написал свое обязательство, скрепил печатью, приказал своим вельможам также поставить свои печати под ней и отправил со своим посланцем в Срикпатам. Когда срикпатанский раджа получил это обязательство, он отдал его начальнику канцелярии

двора и поручил хранить в казне очень бережно, т. к. это долговая расписка.

После этого он отдал приказ главнокомандующему своих войск Фати-Гейдару подготовить десятитысячную отборную армию. Тот быстро сформировал такую армию и сам стал во главе ее. Он выступал со своим войском, в котором насчитывалось 6 тысяч всадников и 4 тысячи пехотинцев, и пошел на помощь Махмату Али-хану. После соединения численность войск Махмата Али-хана, говорят, достигла 60 тысяч. Кроме этого, англичане послали ему на помощь 500 европейских²³ солдат с 6 пушками. Все это войско вело войну против Тшампула. Сначала были построены укрепления для защиты. Война между враждующими сторонами длилась четыре месяца. Однажды войска Чанта Схаба вышли из крепости, чтобы напасть на войска Махмат Али-хана. Заранее узнав о намерении врага, Махмат Али-хан в выгодной позиции сосредоточил свои войска. Между ними началась страшная битва, в которой с обеих сторон пало много воинов. Говорят, что только убитых было 5 тысяч²⁴. Во время этой битвы Чанта Схаб был взят в плен²⁵. Остальные его войска пустились в бегство. Все богатства были разграблены. После битвы Махмат Али-хан приказал привести Чанта Схаба и отрубить ему голову на виду у всех. Так он отомстил ему за кровь своего отца Анаварди-хана. Говорят, что Чанта Схаб был причастен к убийству Анаварди-хана—отца Махмат Али-хана. Затем войска Махмат Али-хана вошли в город и заняли его. Население города добровольно признало его власть. Махмат Али-хан отпустил войска срикатанского раджи со словами: «Идите в страну вашу с миром».

На пути в Срикатан были расположены маратхские крепости. Одна из них, Кшангри²⁶ была завоевана Фати-Гейдаром в честь срикатанского раджи. Оттуда Фати-Гейдар продвинулся к крепости Раеткаота²⁷, очень большой и хорошо укрепленной. Она была построена высоко в горах на расстоянии 18 косов²⁸ от Кшангри. Эта крепость также была им занята. После этого войска Гейдара вернулись в свою столицу.

По возвращении Фати-Гейдар нанес визит своему радже. Когда он вошел во дворец, то тут же раджа дал

приказ вручить ему подарок за его победы, одержанные на войне и на пути домой.

Затем к Махмату Али был отправлен посол, который ему сказал: «Теперь ты властелин тех краев, которых желала твоя душа, и ты отрубил голову твоему смертельному врагу. Ты обязан по договору, который составлен между нами, отправить три крура руний или отдать город Тшанпули». Но Махмат Али-хан не захотел выполнять свое обещание и ответил, что англичане якобы препятствуют этому, что город заняли они и сейчас он в их руках. Такие безрезультатные переговоры продолжались довольно долго, к единому решению не пришли, и это стало причиной ссоры между Махмат Али-ханом и срикпатаанским раджой. После этого Фати-Гейдар стал действовать по своему усмотрению, не считаясь ни с кем. Это привело к тому, что вся знать города начала злословить по его адресу. Фати-Гейдар, узнав об этом, свел дружбу с главным диваном и тайно перетянул его на свою сторону. Затем он послал с двоюродным братом своей жены Махтум Али-ханом²⁹ трехтысячное³⁰ войско в Пунтишери к французам и письмо к их наместнику с выражением дружбы и любви. В этом письме было, в частности, сказано: «Хочу быть в вечной дружбе с вами, обещаю всегда посылать свои войска Вам на помощь». Французы из-за жадности сразу же согласились, т. к. они подумали, что наступит такой час, когда они смогут разграбить богатства страны Фати-Гейдара. В ответном письме они сообщили, что и сами они являются его вечным союзником. Махтум Али-хан остался в Пунтишери. Получив ответ французов, Фати-Гейдар очень обрадовался, т. к. в его намерения входило приобретение пушек и винтовок у французов, в которых он так нуждался. Он вновь начал собирать войска и обучать их военному делу.

Раджа стал сомневаться в верности его, так как чувствовал его недобрые намерения, и потому приказал ему оставить все войска в городе и с семьей и близкими переехать жить за город³¹. Место, где обосновался Фати-Гейдар, представляло собой островок, образованный излучиной реки. Эту реку армяне зовут Колорама³² (не знаю, как она зовется местными жителями). Река эта

вытекала с западной стороны города, охватывая его двумя рукавами, затем соединялась и впадала в море около города Колорама, потому и мы эту реку зовем Колорама. Длина острова шесть миль, а ширина—три. В результате остров был почти недоступен. Единственной дорогой туда был каменный мост. Ежегодно в половодье на остров в течение двух месяцев невозможно было попасть. На этом острове, забрав свое имущество, семью, близких, и вынужден был поселиться Фати-Гейдар. Он там жил в лагере и, как прежде, получал жалованье. Так продолжалось месяцев пять, пока не начался период дождей и река не вышла из берегов. Знатные люди города, посоветовавшись, решили внезапно напасть и арестовать или убить³³ главнокомандующего. Но граждане, сторонники Фати-Гейдара, предупредили, что его хотят арестовать. Услышав об этом, Гейдар начал думать, каким образом спасти свою жизнь. И так как у него уже не было времени, он ночью закопал все свои богатства, прикрыл большим камнем, зарезал много баранов и кровью испачкал все кругом, чтобы создать видимость резни. Потом он распорядился из множества винтовок стрелять в воздух, чтобы было слышно в городе. Сделав все это, он приказал своим людям быстро срубить деревья, перетащить их на берег и связать канатами. Получился большой плот. Все уместилось на нем (их было около 150 человек)³⁴, переплыли на противоположный берег и быстро продвинулись в Бенклур³⁵.

На следующее утро войска раджи вышли из города, чтобы арестовать или убить Фати-Гейдара. Когда они подъехали к стану главнокомандующего, там уже никого не было. Они увидели большие окровавленные камни и подумали, что между людьми Фати-Гейдара произошла резня. В этом их убедила и ночная стрельба. Вернувшись в город, они подробно рассказали радже обо всем. Знатные люди были в недоумении: «Куда они могли деться?». Уйти из-за половодья не было возможности. Они решили, что люди Фати-Гейдара перебили друг друга или утонули в реке. Но точно о том, что случилось с Гейдаром и его людьми, они так и не узнали, ибо не обнаружили никого.

На расстоянии трех миль от Бенклура Фати-Гейдар

разбил палатку, а одного из своих верных людей³⁶ отправил в город, чтобы сообщить защитникам крепости о своем приезде. Когда начальник гарнизона крепости Али Араб³⁷ (по национальности араб) услышал о его приезде, он тут же отправился в стан главнокомандующего. Они встретились и братски обнялись. Когда они вошли в палатку, Али Араб спросил у него о причине его приезда. Фати-Гейдар ответил ему, что обо всем расскажет после того, как они войдут в крепость. И когда он со своими людьми вошел в крепость, то рассказал обо всем происшедшем в Срикпатане и попросил Али Араба помочь ему. Последний сразу объявил о своем согласии и о том, что будет подчиняться ему, как слуга своему хозяину. Тогда Фати-Гейдар отправил посла в Пунтишери к Махтум Али-хану и передал, что случилось с ним. Махтум Али-хан купил двести винтовок и выехал к нему со своим трехтысячным отборным войском. Фати-Гейдар обрадовался его приезду, начал собирать подати с народа и формировать новую армию. За девять месяцев он собрал восьмитысячную армию³⁸—2 тысячи конников и 6 тысяч пехотинцев—и продвинулся с ней к Срикпатану. Он остановился около города, на берегу реки и послал на другой берег письмо радже: «Вельможа, зря оклеветали меня, Вашего слугу. Я Ваш слуга, пришел с восьмитысячной армией к Вам на службу, как и раньше. Клянусь, что буду Вам служить верно». Запечатав это письмо, он отдал его одному из своих слуг, чтобы тот передал радже и вернулся с ответом. Но слуга вернулся без ответа: раджа не хотел отвечать. Тогда на следующий день Фати-Гейдар написал много подметных писем на имя командиров. В письмах говорилось: «Вчера я получил Ваше письмо, в котором Вы говорите, что готовитесь заговор во главе с диваном³⁹ и хотите убить раджу и вместо него дивана посадить на трон. И если я дам согласие присоединиться к Вам, то Вы откроете крепостные ворота передо мной и назначите меня на мою прежнюю должность—главнокомандующим. Отвечаю Вам: «Не желаю принимать участия в деле, которое вы замыслили. Я не присоединюсь к Вам и не хочу быть участником заговора, так как дал клятву верно служить своему правителю—радже. Будьте здоровы»⁴⁰.

Запечатав письмо, он на каждом написал имя и адрес командира и поручил своему разведчику поехать в город и передать все их радже. Тот поехал в город и все сделал так, как ему было приказано. Когда раджа прочел письма, он был страшно удивлен и начал думать, правда это или обман? Но все-таки отпустил человека, принесшего письма. На третий день Фати-Гейдар написал такое же письмо на имя главного судьи и опять поручил своему человеку сделать все так же, как и в первый раз. Когда раджа прочел и это письмо, то испугался. Он тотчас пошел к своей матери и рассказал ей обо всем. Мать сказала ему. «Сын мой, я знаю точно, что твои приближенные зря оклеветали Фати-Гейдара, так как я сама видела, как он верой и правдой много лет служил тебе. Так послушайся совета, пошли человека к Фати-Гейдару, пригласи его, вознагради и снова назначь главнокомандующим, как и раньше». И этот несчастный поверил словам матери, пригласил Гейдара в город и сделал так, как сказала она.

Когда Фати-Гейдар снова стал главнокомандующим, он уволил часть командиров, отрубил голову тем, которые не хотели подчиниться ему и назначил новых командиров из своих людей. После этого уже никто не осмеливался идти против него. Он стал действовать только по своей воле, раздавая солдатам большие деньги и т. д. Солдаты готовы были отдать жизнь за своего главнокомандующего. Он по-прежнему сам ежедневно занимался военным делом и тщательно учил своих солдат. Все время он думал об одном: как арестовать раджу? С этой целью он завел дружбу с главным министром. Ежедневно он ходил к нему во дворец, где они вели различные разговоры. Однажды во время беседы Фати-Гейдар сказал: «Я думаю, что раджа хочет арестовать тебя. Ты должен быть осторожен. Это я говорю тебе потому, что обещал, пока жив, быть твоим другом. Учти это, за последствия я не отвечаю, что бы ни случилось». Диван остался наедине со своими мыслями. Он думал только об одном: как быть, чтобы спасти свою жизнь? Так он думал много дней. А Гейдар после этого оклеветал дивана перед раджей, сказав: «Диван, двоюродный твой брат, хочет убить тебя, а самому стать владыкой

твоей страны. Так как я обещал служить тебе верой и правдой, я обязан сообщить тебе то, что я слышал и быть готовым выполнить твой приказ. Так решай сейчас, что ты намерен предпринять. То, что я говорю тебе, верно, так как я слышал это все из уст своих приближенных. Быстрее решай, что тебе предпринять, пока с тобой не случилось несчастье». Так он посеял раздор между ними, и они стали думать о том, как бы убить друг друга. Оба боялись народа. А властолюбивый Фати-Гейдар курил им фимнам, т. к. отлично знал, что спустя короткое время сам наследует правление государством и был очень доволен своими поступками. Он созвал всю свою армию и спросил у воинов о размере жалованья, которое они получают. Когда воины ответили ему, Фати-Гейдар сказал: «Этого мало, я обещаю прибавить жалованье. Но вы будете верными своему долгу и подчиняться моей воле». Он щедро раздал им деньги⁴¹. После всего этого он стал обдумывать, как довести до конца начатое раньше дело. Однажды он пошел к очень богатому купцу, которого звали Нарсидас⁴² (так называют крупных торговцев в Индии), и попросил у него одолжить ему шестьдесят лакхов⁴³ (хунов)⁴⁴ рупий для его нужд. Нарсидас дал ему то, что он просил. Заняв у Нарсидаса деньги, он их щедро раздал, стараясь тем самым привлечь людей на свою сторону, чтобы привести в исполнение задуманное. Тогда ему было всего тридцать три года.

Пришло время, когда Фати-Гейдар решил арестовать своего раджу. Он пошел во дворец и сказал ему: «Владыка мой приближается час, когда должны убить тебя. Предприми что-нибудь срочно». Тот ответил: «Никогда я не хотел плохого дивану, ибо он мне двоюродный брат. Но так как сейчас он собирается убить меня, то лучше мне убить его. Потому и приказываю тебе: «Как поймаешь его, тут же убей». Главнокомандующий ответил радже: «Владыка мой, я поклялся верно служить Вам и готов сейчас же выполнить Ваш приказ, но боюсь гнева народа. Они могут после убийства дивана убить и меня, так как он также является законным наследником государства. Правда, я обязан и готов выполнить Ваш приказ, но умоляю, Ваше величество, дайте мне письменный приказ, чтобы я смог прочесть его во

время приведения в исполнение приговора». И ничтожный раджа написал приказ и отдал в руки главнокомандующего. В нем говорилось: «Приказываю тебе, где бы ни встретился мой двоюродный брат, тут же убей его. Никто не имеет права спросить тебя, по какой причине ты убиваешь его. Тот, кто осмелится вмешаться, пусть умрет». Хитрый Фати-Гейдар взял приказ у раджи и поклонившись, вышел. Он тут же направился к дивану и, показав ему приказ раджи, сказал: «Смотри, какой приказ я получил. Показываю тебе его, так как клялся тебе в дружбе и не хочу, чтобы что-нибудь с тобой случилось. Подумай, что делать». Диван, увидев приказ раджи, испугался и стал умолять Фати-Гейдара: «Вижу я, что жизнь моя в твоих руках, и верю, что ты мне друг. Посоветуй, как мне спасти жизнь свою». «Ничего я тебе не могу сказать, чтобы ты убедился в моей дружбе, кроме того, что я твой друг. Приказывай, что тебе угодно, и я выполню твой приказ». И тогда диван спросил его: «Нельзя ли убить раджу, моего двоюродного брата, чтобы я занял трон вместо него?» Главнокомандующий ответил, что он готов выполнить приказ, но приказ должен быть дан в письменном виде, так как боится гнева народа. И глупый диван поверил его словам и написал: «Друг мой Гейдар Али-хан, приказываю тебе убить моего брата раджу, за что обещаю четыре лакха хун (рупий) после исполнения приказа. Когда же я стану раджой, обещаю большие подарки в знак благодарности». Фати-Гейдар взял эту бумагу, пошел во дворец раджи и, показав ее, сказал: «Владыка мой, не бойся и не подозревавай меня ни в чем. Я с тобой, я поклялся отдать жизнь свою за тебя. Теперь время арестовать его».

В 1748 г.⁴⁵ он снова зашел во дворец раджи и сказал ему: «Владыка мой, этой ночью надо арестовать дивана. Ты должен дать приказ твоим слугам внезапно войти к нему домой, арестовать его, заковать в цепи и посадить в тюрьму. Я буду охранять дорогу с войском, чтобы никто из жителей города не взял меча в свои руки и не восстал». Затем он пошел к дивану и также сказал: «Сегодня ночью ты должен послать слуг во дворец раджи с приказом убить его. Я со своим войском обещаю охранять твое имущество». После этого он ушел

к себе и стал ожидать результатов. И диван, и раджа поступили по совету хитрого главнокомандующего. В ту же ночь раджа был убит, а диван посажен в тюрьму и закован в цепи. На рассвете в городе поднялся большой переполох. Правительница-рани, жена раджи, послала одного из своих служителей пригласить к себе главнокомандующего. Когда тот узнал, что все получилось так, как он задумал, то пришел во дворец со своими войсками, чтобы увидеть труп своего владыки. Войдя во дворец, он притворился удивленным, несмотря на то, что обо всем знал очень хорошо. Спустя некоторое время с великими почестями труп раджи по обычаю сожгли (они были идолопоклонниками). После кремации, когда все вернулись во дворец, жена раджи (рани)⁴⁶ отдала два лакха хун (рупий) главнокомандующему. Она хотела подкупить Фати-Гейдара, чтобы он помог сыну раджи занять место отца. Фати-Гейдар пошел во дворец, взял за руки старшего сына, посадил его на трон и приказал стрелять из пушек и бить в барабаны, чтобы все слышали и пришли поклониться новому радже. Тут же он от имени раджи, которому было всего четырнадцать лет, приказал отрубить всенародно голову дивану, чтобы отомстить за смерть отца. Он стал главнокомандующим и диваном и управлял страной по своему усмотрению, стараясь накопить побольше богатств, чтобы достичь своей цели.

После этих событий он опять собрал многочисленное войско в 30 тысяч солдат (26 тысяч пехотинцев и 4 тысячи всадников). В 1749 г.⁴⁷ со своей армией Фати-Гейдар двинулся на маратхов и начал с ними войну от имени своего раджи. Близ маратхской границы были расположены четыре крепости: Хесур⁴⁸, Хесикота⁴⁹, Балапур⁵⁰ и четвертая—Чик Балапур⁵¹. Ему удалось занять все эти крепости, разграбить их и вернуться в Срикпатам с богатой добычей, которую он спрятал в одной из крепостей под надежной охраной.

Спустя некоторое время он стал обдумывать, каким путем отстранить нового раджу. Однажды он позвал к себе одного из слуг раджи, подкупил его и уговорил в подходящий момент отравить владыку. И этот злодей за небольшую награду отравил раджу. Услышав о смерти

своего раджи, народ стал думать: «От чего он умер? Ведь раджа никогда и ничем не болел». Никто не осмеливался выяснить истинную причину, но все были уверены, что его отравили по приказу главнокомандующего. После кремации раджи хитрый полководец посадил на трон брата раджи и поклялся ему в верности. Новому радже было всего двенадцать лет. Опять Гейдар приказал стрелять из пушек и бить в барабаны, чтобы народ пришел на поклонение к новому радже.

По прошествии нескольких дней после восхождения на трон нового раджи Фати-Гейдар вышел из Срикпатана и двинулся в Санур Банкапур⁵² на Хаким-хана⁵³ (родом из Патны). Хаким-хан, не имевший достаточно сил, чтобы оказать сопротивление, отправил к нему одного из своих министров с вопросом: «Что тебе надо от нас?» Фати-Гейдар ответил ему, что он требует подчинения себе, передачи правления страной в его руки, поселения Хаким-хана с семьей вне города. При этом он обещал ему ежегодно давать два лакха хунов или рупий, если он откажется от права управлять страной. Если его условия не будут приняты, Гейдар угрожал перебить всех жителей города. Вернувшись, посол передал все Хаким-хану. Попав в безвыходное положение, Хаким-хан был вынужден принять предложение Фати-Гейдара. С обеих сторон составили договор, по которому вся страна Хаким-хана с крепостными переходила к Фати-Гейдару. В городах были назначены новые коменданты крепостей, в обязанности которых входило собирать ежегодно подати, в том числе два лакха хунов или рупий, которые он обещал Хаким-хану. Говорят, что доходы от этих сборов превысили 18 лакхов хунов. Фати-Гейдар делал все это якобы ради юного раджи.

Сделав это все, он возвратился в Срикпатам и был встречен с почестями, подобающими королю после выигранных сражений. Впереди несли его флаги, били барабаны, стреляли из винтовок и пушек. Народ, увидев такой пышный и торжественный въезд, был охвачен страхом и потому все вышли навстречу ему и проводили его в город. В тот же день, когда он вернулся домой, он приказал рядом с дворцом раджи построить роскошный дворец для себя. После постройки дворца, он перешел

жить в него и оттуда правил всей страной: вершил суд, наказывал виновных, отдавал разные приказания по своему усмотрению. Никто не рисковал идти против его воли, так как все боялись его. Видя все это, он возомнил о себе: «Как я вижу, все меня считают своим настоящим правителем, без моего приказа ничего не осмеливаются делать. Пришло время, когда я должен стать действительно законным правителем». И он приказал своим слугам отравить юного раджу. Слуги сделали так, как приказал Фати-Гейдар, и убили раджу. В городе начались волнения, т. к. не было больше наследника. В народе чувствовалось недовольство. Фати-Гейдар испугался, что горожане поднимут восстание и убьют его. Поэтому он поехал во дворец раджи и со слезами на глазах стал утешать мать умершего, желая показать, будто тоже скорбит по его смерти. Он говорил ей: «Успокойтесь, мы все смертны. Пришел час его смерти—он умер. Есть много знатных людей по происхождению, которые имеют маленьких детей. Выбери одного из них. Обещаю служить ему как своему радже. И пусть он станет наследником твоего государства».

Вдова так и поступила: она усыновила двухлетнего младенца из знатной семьи. Фати-Гейдар взял ребенка на руки, поцеловал его перед всеми, назвал правителем, и сказал: «Повелитель мой, я готов с верностью служить тебе, как слуга своему хозяину». Вернувшись во дворец, он тут же приказал назначить охрану вокруг дворца раджи, чтобы никого не пропускали без его ведома. Ежедневно во дворец посылалось питание.

После этого, он стал фактическим хозяином страны, каким и является до сих пор. Он открыто властвует над страной и больше никого не боится, так как расправился со всеми, в верности которых сомневался. По его приказу одним отрубали голову, других избивали до смерти. Он назначил градоначальником брата своей жены Исмаил Схаба⁵⁴, а сам покинул город и поселился в военном лагере. В это время его уже начали называть Гейдар Али-хан. Когда весть обо всем, что он делал, дошла до Гедарабата⁵⁵ и о нем рассказали Нзам Али-хану⁵⁶, властителю Дакана⁵⁷ (область эта в Индии называется Суба Дакан), тот присвоил ему имя Наваб Гейдар Али-

хан Бахдур⁵⁸. Но обычно звали его просто Наваб Бахдур.

После перегруппировки войск он двинулся в путь, но никто не знал о его намерениях. В пути разведчики доносили ему, что на него готовится напасть огромная армия маратхов, которая продвигается быстрым маршем. Услышав об этом, он предпринял меры предосторожности. Затем, стараясь воодушевить свою армию, он сказал: «Не бойтесь, надеюсь, что победа будет за нами». Свернув с прежнего пути, он повел армию по тому направлению, откуда двигались маратхи. Противники встретились на поле, название которого, к сожалению, я не помню, где и произошло сражение. В этой страшной битве с обеих сторон пало очень много воинов. Говорят, что погибло около 20 тысяч человек, но победу одержал Гейдар-Али. Маратхи, побросав свои доспехи, отступили. Победители собрали богатые трофеи. После этого Гейдар регулярно совершал набеги на маратхские деревни, а сам беспрестанно ездил по стране, вербуя новую армию. Во время одной из поездок его путь лежал мимо города Сира⁵⁹. Город этот был очень большой, хорошо укрепленный и богатый. Говорят, что он был построен королем Овраикзибом⁶⁰, которого иногда зовут также Алемгир. Город окружали двойные крепкие крепостные стены, построенные из камня, с укрепленными башнями. Каждая крепостная стена была окружена глубоким рвом. Город был подчинен маратхам.

Фати-Гейдар напал на этот город, но т. к. не имел больших пушек, чтобы разрушить крепостные стены, то семь месяцев не мог его взять. Убедившись, что город занять невозможно, он снял осаду и опять начал совершать набеги на маратхские деревни. Однажды он проезжал мимо города Биднура⁶¹, который некоторые зовут Раин Биднур⁶². Город этот был столицей королевства, самурии (король) которого как раз в это время скончался. В городе были беспорядки, так как король этот оставил двух сыновей, из которых один был от законной жены, а второй—от любовницы. Горожане разделились на две группы. Одна защищала кандидатуру законного наследника, требуя, чтобы законный сын стал королем вместо отца, другая группа защищала незаконного сына. Эти разногласия длились уже четвертый месяц. Когда

жители города услышали, что Наваб Бахдур проезжает мимо их города, то, посоветовавшись, решили отправить к Гейдару посла с приглашением в город, чтобы тот помог им посадить на трон нового правителя⁶³. «Когда он придет, то мы позовем обоих мальчишков, посадим по обе стороны от него и тот, на голову которого он возложит венец, будет королем». Всем понравилось это решение. Они послали двух знатных людей к навабу Бахдур, который в это время находился в двадцати семи милях от города. Послы подробно рассказали ему обо всем, происходящем в городе. Он спросил у послов: «Чем вы оплатите расходы по содержанию моей армии, если я приду в ваш город, останусь там на некоторое время и решу ваш спор? Ведь пока я буду в вашем городе и вернусь назад, пройдет не менее месяца или двух».

Послы ответили, что они готовы щедро оплатить расходы по содержанию его армии и вознаградить его шестью лакхами рупий. Услышав от послов такое предложение, обрадованный Бахдур еказал им, что он согласен, но придет в город при одном условии: они разрешат ему для своей охраны привести в город 2 тысячи солдат. «Кроме этого,—сказал он,—после того как я войду во дворец, никто туда входить не должен, кроме двух сыновей короля и двадцати вельмож. На чью бы голову я ни возложил венец, вы должны считать его своим королем, поклоняться ему и одарить его, как это принято по обычаю».

Послы-вельможи согласились на это предложение и заключили с ним договор (о чем говорилось выше). После этого Фати-Гейдар вместе с армией подошел к городу. Отобрал одну тысячу солдат для своей охраны, а основную армию оставил за стенами города. «Я вхожу в город, а вы должны быть в боевой готовности. Как только увидите, что в городе поднят мой флаг, то должны тотчас ворваться в город». Войска были готовы выполнить приказ своего командующего. Войска же, которые вошли с ним в город, тоже получили приказ: «Тогда я с вельможами сяду во дворце с венцом в руках и они примут клятву, я возложу венец на свою голову. Вы должны воспрепятствовать тому, кто осмелится противиться этому. Тех, кто не послушается—убивать».

И вот он вошел во дворец, сел на трон, приказал привести сыновей короля и посадил одного слева, другого справа от себя. Потом принесли и положили венец перед ним. После того как он заставил сыновей и вельмож поклясться в верности, он взял в свои руки венец и сказал: «На чью голову я положу венец, тому вы обязаны тотчас подчиниться. Правда, они братья и наследники короля и, несмотря на ту небольшую разницу между ними, лишь один из них может удостоиться венца, который находится в моих руках. Если венец я положу на голову законного сына, то незаконнорожденный сын получит поддержку матери и убьет его. А если положу его на голову незаконнорожденного сына, то законный сын с помощью вельмож убьет его. Мне кажется лучше будет, если оба окажутся живы и будут жить вместе. И так как среди вас нет более достойного этого венца, кроме меня, и так как этот венец послал мне сам господь бог, я буду вашим королем. Вы обязаны поклоняться и вознаградить меня подарками по обычаю вашему». Сказав это, он возложил венец на свою голову. «Я хорошо знаю,—продолжал он,—что среди вас есть такие, которым не по душе то, что я делаю. Но они должны убедиться в том, что это возвышение подарил мне сам бог, и потому вы должны подчиниться мне. В противном случае, я прикажу отрубить вам голову». Услышав слова своего командующего, солдаты обнажили мечи, чтобы внушить всем страх. Фати-Гейдар приказал поднять флаг в городе так, чтобы его было видно со всех четырех сторон войскам, расположенным за городом. Когда войска увидели флаг, они с мечами ворвались в город, как это и было приказано, и захватили его. Двадцатитысячная армия Хейдара-Али расположилась в нем. Жители города не осмеливались выходить из своих домов, так как войска начали грабить город.

Я удивляюсь, как могли правители этого города быть такими слепцами. За короткий период, который я прожил там, я своими глазами видел, как недоступен город не только потому, что он хорошо укреплен, но и потому, что он удобно расположен—окружен высокими горами и непроходимыми лесами. Еще в древние времена самуриинские короли, увидев это столь недоступное

место, решили построить там крепость. Жителей соседних деревень согнали на строительство города, а потом приказали в нем жить. За короткое время город разросся и стал неприступным. Взять его осадой почти не было возможности, потому что продовольственных и других нужд город не испытывал, так как там хорошо созревали фрукты и другие растения, необходимые для питания. Урожай там были настолько обильными, что купцы соседних городов приезжали, чтобы скупать там продукты и перепродавать в другие места. Город пересекали три большие реки, находящиеся друг от друга на расстоянии двух миль. Они брали свое начало высоко в горах, протекали через весь город и в южной стороне пропадали в горах. Реки способствовали обильным урожаям фруктов, ягод и овощей. Леса были богаты всевозможной дичью. В городе было множество красивых строений, достойных восхищения. Город этот заслуживает внимания в нашей истории не только из-за неприступности, но и из-за его богатства. Говорят, что в длину город протянулся на 46 миль, а по ширине на севере—на 20 миль, на юге—на 15.

Молю господу бога, чтобы забытый мой армянский народ имел такой же недоступный, полный богатства, застроенный город и с правителем армянином. Здесь я кончаю свой рассказ о городе и продолжаю мое повествование о храбром Навабе Бахдуре.

А на следующий день после занятия города он огласил приказ о том, чтобы солдаты не смели больше грабить население. И тогда народ пришел на поклонение ему. Он приказал стрелять из пушек, бить в барабаны и устроить большое торжество. На третий день вельможи и народ преподнесли ему подарки, как это было принято. На четвертый день он подсчитал сокровища дворцовой казны. Говорят, что он нашел там девять куруров хунов, не считая золотых и серебряных вещей. После этого он позвал к себе тех двух вельмож, которые пригласили его в город, и сказал им: «Я сделал то, что вы хотели. Тем я разрешил ваш спор. Вы обязаны выполнить теперь ваши обещания. У меня в руках наш договор, в котором вы обещаете при разрешении вашего спора оплатить расходы по содержанию войска и подарить мне шесть

лакхов хун». Они ответили: «Господин наш, в договоре говорится о другом. Сейчас все в твоих руках и ты же являешься нашим хозяином и пастырем». Но Бахдур приказал им: «Идите и принесите мне деньги на расходы по содержанию моей армии, которые равняются десяти лакхам хунов, и шесть лакхов, которые вы мне обещали, в общем шестнадцать лакхов хунов. Даю вам на это недельный срок». Они ушли от него растерянные и не знали, что делать. Прошло семь дней, но они все еще не выполнили приказа. Тогда Фати-Гейдар Бахдур велел их взять под стражу и бить до тех пор, пока они не заплатят шестнадцать лакхов хунов. Взяв их под стражу, охранники начали их страшно пытать различными способами, избивать палкой, так что они согласились отдать все свое имущество, оцененное в четырнадцать лакхов хунов. Стража после получения денег сообщила, что они отдали все, что у них есть, и просила освободить их. Но Бахдур приказал избивать их до тех пор, пока не заплатят еще лакха. Стража продолжала их бить, пока оба не умерли. Когда их родственники и близкие приехали и попросили трупы, чтобы ежечь их, как это принято по обычаю, Бахдур сказал, что разрешит увезти трупы при одном условии—если эти родственники заплатят остальные деньги, и взял их под стражу. Убедившись, что это не король, а просто наказание божье и нет никакого спасения от него, они согласились уплатить два лакха хунов, взяли трупы и сожгли. После убийства этих двух вельмож он приказал вызвать всех князей города, взять их под строжайший арест, а затем каждому в отдельности он устанавливал сумму выкупа. (Говорят, что он требовал с них такие большие деньги, что даже половину из них невозможно было заплатить. Просто он хотел их убить). Если же за короткий срок требуемые деньги не будут отданы, он приказывал избивать арестованных палками и так как не было никакой возможности уплатить деньги, несчастные умирали от побоев и пыток, а наваб захватывал все их имущество. Говорят, что он убил их умышленно, потому что боялся, что они сами убьют его⁶⁴, так было уничтожено триста знатных людей города.

После этого наваб разослал во все соседние деревни

и на побережье Кост-Малавар⁶⁵, которое было подвластно государству Бидур (теперь его называют также Гейдар Нагар), указ с требованием подчиниться, признать его власть и заплатить подати. Ему все подчинились, как своему правителю, потому что неоткуда было ждать помощи, и послали дань. Никто не осмелился воспротивиться его приказу, потому что все уже знали о его зверствах и боялись его.

После всего этого Бахдур назначил правителем города своего двоюродного брата. Оставив там небольшой гарнизон, он с остальным войском осадил крепость Сира. Осада эта длилась четыре месяца. Население города начало испытывать острый недостаток в продовольствии. Не ожидая спасения от своего правителя, горожане вынуждены были сдать город с условием, что они обязуются заплатить дань, а солдаты не будут грабить население и народ останется свободным. Город был очень красивый и богатый. Бахдур назначил главой города двоюродного брата своей жены Мир Садика⁶⁶, а сам через несколько дней поехал в Срикпатам, где провел некоторое время.

В 1767 г. Нзам Али-хан и его брат Васаладжанк⁶⁷ собрали большое войско и начали войну против Махмат Али-хана, который несколько лет подряд не платил им дани. Выехав из Гейдарабата, они прибыли в Криатак, иначе называемый Кост Кортандел. Наваб Бахдур также присоединился к ним и объявил войну Махмат Али-хану, потому что он себя считал хозяином Срикпатама и имел в руках обязательство Махмат Али-хана, по которому тот должен был заплатить ему три крура рупий или же отдать город Тшампли. Таким образом, собралось многочисленное войско (около 150 тысяч) с восемьюдесятью пушками и другим вооружением. Махмат Али-хан не имел войска, способного противостоять им (хотя в его войсках были английские части), и вынужден был заплатить дань Диван Нзам Али-хана по приказу своего правителя приехал к Махмат Али-хану и составил с ним договор, по которому Махмат заплатил пятьдесят лакхов рупий, в результате чего было заключено перемирие. После перемирия Нзам Али-хан вернулся в свою страну, а Наваб Бахдур и Васаладжанк остались там.

Говорят, что Васаладжанк хотел присоединиться к англичанам и выступить против Бахдура. Когда об этом узнал Бахдур, он внезапно, пока тот еще не успел перейти к англичанам, напал на его войско и начал сражение, так что остатки войск пустились в бегство и вернулись в свою страну. Были собраны богатые трофеи. Бахдур остался с войском, в котором насчитывалось 20 тысяч солдат (8 тысяч всадников и 12 тысяч пехотинцев). Тогда же произошел такой случай: Мафус-хан, брат Махмат Али-хана, восстал против своего брата, присоединился к Бахдuru и начал войну против брата. Махмат Али-хан, собрав свои войска, объединился с англичанами и выступил против брата и Бахдура. Во время одного из боев войска Мухаммед Али-хана взяли в плен Мафус-хана⁶⁸. Махмат Али хотел убить брата, но англичане не позволили ему это сделать и, взяв с него слово, что он не убьет брата, отправили в Тричинополи и там арестовали. Но пока оставим их и начнем рассказ об англичанах.

Англичане начали против Бахдура ожесточенную войну. Английскими войсками командовал генерал Смит⁶⁹. Вскоре⁷⁰ они ворвались во владения Хайдара Али и заняли Кшантури⁷¹, Хасур, Колар. Оттуда продвинулись далее. Выехав из Гейдарабата, они прибыли в Криатак, гарнизон города во главе с Ибрагимом Схабом (дядя Бахдура) храбро сражался против англичан и взял в плен около 400 английских солдат. Наваб Бахдур в свою очередь опустошил эту страну, уничтожив все. После этого генерал Смит любой ценой хотел добиться ареста Бахдура. Он всячески старался заставить его принять бой, но тот ускользал от него. Хайдар стал вести против англичан партизанскую войну. Внезапно напал на продовольственные обозы англичан, уничтожал солдат и т. д. Так они преследовали друг друга несколько месяцев, но безрезультатно. Наваб все время думал, как ему избавиться от преследования англичан. Всегда находчивый, он приказал позвать большую группу танцовщиц (которых в Индии зовут рамджани⁷²) и коларатни⁷³, отобрал среди них семьсот, зараженных венерическими болезнями, одарил их и приказал идти в лагерь английской армии в качестве танцовщиц и остаться там распут-

ничать. Те послушно выполнили приказ, отправились в лагерь английской армии. Они круглосуточно танцевали для солдат. Английские солдаты, не подозревавшие ни о чем, спали с ними, скоро многие англичане заразились страшной болезнью, и так как они не лечились, то болезнь быстро развивалась и скоро солдаты не смогли ни ходить, ни сидеть. Генерал Смит спросил о причине их болезни. Они признались, что заразились от тех семисот танцовщиц, которые находились в армии. Генерал позвал к себе танцовщиц и спросил, с какой целью они приехали в английскую армию. Те, испугались, признались во всем. Тогда он приказал выслать их из лагеря, угрожая смертью, если они посмеют вернуться. Они вернулись к Бахдуру и рассказали ему обо всем случившемся.

Вскоре он быстрым маршем провел свою армию через Карнатик в Малабар (он отлично знал, что противник не может передвигаться такими темпами, а сам не мог дать открытого боя). Войска Бахдура грабили близлежащие деревни, безжалостно уничтожали население, угоняли в плен. Жителей городов охватила тревога, так как враг с каждым днем становился все безжалостнее, опустошал страну, в городе Мадрасе число раненых ежедневно достигало почти сотни человек. Англичане решили собраться и посоветоваться, ибо убедились в том, что вызвать Бахдура на открытый бой невозможно, а партизанская война, которую он вел, приводила народ в отчаяние. Посоветовавшись, они решили помириться с ним и с этой целью отправили к нему двух лучших людей из Мадрасского совета. Английские послы мистер Дубрин⁷⁴ и мистер Стрессин⁷⁵ прибыли в его армию, которая находилась в шести милях от города, и начали переговоры. После долгих споров⁷⁶ был заключен договор⁷⁷, который гласил: «Англичане обязуются освободить те территории, которые были захвачены во время войны, вернуть семьи Чанта Схаба и Имам Схаба, находившиеся в плену. Признать власть Бахдура над Мансуром и Срикпатаном. Наваб Бахдур обязан вернуть пленных англичан». Договор этот англичане представили в совет и члены совета поставили свои подписи под ним. Англичане предложили Махмат Али-хану также подпи-

сать договор, но он отказался, так как этот договор его не удовлетворял. Он не захотел мириться с Навабом Бахдуром. Англичане, не посчитавшись с несогласием своего союзника, заключили мирный договор с Навабом.

После этого Бахдур со своей армией возвратился в Срикпатаи. Весть о его победе распространилась повсюду. Делийский король Алигухар⁷⁸ присвоил ему новый титул—Чахмаджанг (т. е. новолунье).

С этого времени его стали называть Хайдар Али-хан Бахдур Чахмаджанг и он начал чеканить монеты со своим именем. На этих монетах изображали с одной стороны идолы, а с другой—полумесяц, т. е. арабскую букву «х»,—первую букву имени Хайдар. На медных монетах был изображен слон. Говорят, что у Хайдара был большой слон, который много лет служил ему и которого он любил. Он и велел изобразить на монете этого слона и две печати. На одной из них можно было прочесть «Фати-Гейдар», на другой «Наваб Али-хан Бахдур Чахмаджанг». После того как он получил такое высокое звание, он назначил главнокомандующим своего сына Типу Схаба, храбростью похожего на отца.

Пока Наваб Бахдур вел войну против Криатака, маратхи собрали многочисленное войско, напали на город Сира и после ожесточенных боев заняли его. Градоначальника Мир Схаба, который был шурином Бахдура, маратхи взяли в плен, заковали в цепи и посадили в тюрьму. Услышав об этом, Бахдур начал собирать большую армию, чтобы начать войну против маратхов. После двухлетней подготовки, он приказал Типу Схабу—своему новому главнокомандующему—напасть на маратхов. Типу Схаб должен был в первый раз самостоятельно руководить сражением. И так как он был еще совсем молодым, двадцатилетним юношей, Бахдур очень беспокоился за него. Типу Схаб с пятнадцатитысячным отборным войском двинулся на город Сира, занятый маратхами. Увидев приближающиеся войска, маратхи вышли из крепости и между ними началось сражение. Юный полководец действовал очень храбро и прославил свое имя. Маратхи не могли противостоять войскам Типу Схаба, пустились в бегство и укрылись в крепости. Молодой полководец осадил крепость. Осада эта про-

должалась восемь месяцев. Много раз жители города посылали послов к Типу Схабу, чтобы заключить договор о сдаче города, но тот каждый раз отказывался. Город испытывал большой недостаток в припасах. Невозможно было достать никакого продовольствия. Так продолжалось до тех пор, пока Типу с боем овладел городом. Началась жестокая резня, продолжавшаяся час. Затем Типу вызвал к себе градоначальника и спросил: «Где находится мой дядя Мир Схаб?». Тот показал ему тюрьму, где, кроме Мир Схаба, закованного в цепи, находились также пятьдесят его приближенных. Всех их освободили, они вымылись, каждому дали новую одежду, соответствующую его чину, и привели к Типу Схабу. Увидев друг друга, Типу и Мир Схаб обнялись и расцеловались. После этого Типу Схаб разрешил своим войскам грабить город. Начался большой погром. Войны Типу Схаба отбирали у жителей все имущество, избивали их палками, мучили, чтобы те показывали, где упрятано серебро и золото. Так продолжалось дней тридцать пять, после чего Типу Схаб потребовал поднести ему все награбленное. У них был такой обычай: каждый, кто грабил или брал что-либо, обязан был честно обо всем дать отчет, после чего одну четверть оставлял себе, а три четверти отдавал правителю. Те, которые скрывали часть награбленного, строго наказывались. Издавна у индусов был этот обычай: три четверти трофеев получал правитель. Говорят, что доля правителя Типу Схаба превысила тридцать лакхов хунов (один хун равняется четырем рупиям, один лакх равняется ста тысячам рупий, один крор равняется ста лакхам). В руки грабителей попало много добра, так как город был очень богатым, а народ его был жаден и скопил уйму всего. О количестве же спрятанных богатств никто ничего не знал. Когда жители города увидели, что у них беспощадно отбирают все, что есть, они закопали в землю сокровища и украшения.

Сделав все это, Типу Схаб послал гонца к своему отцу и сообщил обо всем происшедшем. Наваб Бахдур, узнав о храбрости и военном мастерстве своего сына, очень обрадовался, устроил большой пир и послал сыну приказ: отдать всю добычу и трофен Мир Схабу и

с немногочисленным войском отправить его в Срикпатаи, а затем собрать всех состоятельных граждан Сира и также отправить их в Срикпатаи, оставив на месте бедняков. Город же уничтожить до основания. Получив этот приказ, Типу Схаб позвал к себе Мир Схаба и отдал ему награбленное, чтобы тот с немногочисленным войском отвез все в Срикпатаи. Но он отдал Мир Схабу не все, оставив у себя пятьдесят лакхов хунов. После этого он приказал разрушить до основания первую и вторую крепостные стены, оставив цитадель города для защиты остальных жителей. По его приказу собрали всех богатых (до ограбления) жителей города (говорят, что их было около двадцати четырех тысяч человек с семьями и без семей)⁷⁹ и под охраной отправили в Срикпатаи. Назначив управляющего городом и оставив там маленький гарнизон для сбора податей с окружающих деревень, Типу со своими войсками вернулся в Срикпатаи и тут же пошел во дворец к своему отцу. Все вельможи хвалили его за храбрость перед своим правителем Навабом Бахдуром. Но тот, не дослушав их, спросил сына, сколько всего он захватил трофеев? Типу Схаб ответил, что их было столько, сколько отправлено. Но наваб покачал головой, говоря: «Нет, не все». Он отлично знал количество денег, спрятанное сыном, так как он подослал к нему своего агента, который следил за сыном и тайно посылал подробные сведения о его поступках. После доклада он отпустил сына.

Когда жители города Сира прибыли в Срикпатаи, несчастные ничего не имели. Они были почти нищими. Наваб Бахдур приказал построить за его счет на острове помещения. Скоро был построен почти целый город и назван Шахрганджам⁸⁰, и наваб приказал переселенцам жить в нем. Но несчастные, хотя и нашли жилище и покой, в карманах не имели ни гроша, чтобы купить пищу, одежду и нужные вещи. Часть из них погибла от голода, так как гордость не позволяла им заниматься попрошайничеством. Однажды наваб отправился осмотреть новый город Шахрганджам. Город ему понравился: «Очень хороший город»,—сказал он. Один вельможа по имени Ализаман-хан⁸¹ подошел к нему и сказал: «Правитель наш, какая польза от того, что город

тебе нравится. Народ погибает от голода, т. к. горожане очень бедны и ничего не имеют». Тогда наваб Бахдур спросил Ализаман-хана: «Скажи, что желают жители города, и я выполню». Тот ответил: «Правитель наш, жители находятся под охраной, поэтому никто не осмеливается уйти с острова. Им необходимо хотя бы приличное питание». Наваб отдал приказ выдать каждому по две пары одежды по достоинству и отпустить из казны денег, чтобы они могли жить в течение трех месяцев. Наваб выделил четырех человек, каждому вручил по 25 тысяч хунов из своей казны и они начали раздавать народу деньги: кому 500, кому 20, кому 10, а кому 5 хунов на том условии, что они вернут их с процентами (4% в год). Эти четверо в конце года должны были собрать проценты и разделить между собой в качестве платы за свою работу. Получившие деньги начали заниматься торговлей. Через 7 месяцев эти четыре, выделенных навабом человека, должны были проверить, нет ли среди получивших ссуду лентяев и бездельников, которые лишь транжирят деньги. У таких они должны были отобрать деньги и посадить в тюрьму, чтобы это стало уроком для остальных, чтобы все накопили капитал и стали богатыми, как и раньше.

Через 7 лет эти четверо обязаны были вернуть в казну по 25 тысяч хунов. В случае недостачи они должны были заплатить из своего кармана. После такого распоряжения наваб вернулся.

Говорят, что многие из переселенцев поехали в свой город Сира, раскопали спрятанные ими богатства и драгоценности и привезли их в свой новый город, продали и стали заниматься торговлей.

Я сам был очевидцем этого и встретил среди них много богатых людей. Наваб приказал всем торговым караванам, проходящим в город Срикпатаи, продавать товары в новом городе Шахрганджаме без всякой пошлины. Собирателям пошлины строго было приказано ничего с переселенцев не брать.

Спустя некоторое время наваб призвал к себе Ализаман-хана, сказал, что хочет женить своего сына Типу Схаба и спросил, где можно найти красивую девушку. Ализаман-хан ответил: «Правитель мой, в городе Аркате

есть одна очень красивая девушка—внучка Имам Схаба⁸², которая достойна твоего сына. Разрешите мне, твоему слуге, поехать и привезти эту девушку». Наваб тут же приказал выдать ему из казны деньги и припасы на дорогу. Взяв все необходимое, Ализаман-хан поехал в город Аркат. Он хорошо знал многих его жителей, т. к. родился там и вырос. Приехав в Аркат, он послал к девушке старых женщин с небольшими подарками, чтобы добиться у нее согласия на брак с Типу Схабом. Получив согласие, он вернулся в Срикпатаи с девушкой. Наваб был безгранично рад своей невестке, т. к. она была очень красивая и происходила из знатной семьи. Затем сыграли большую торжественную свадьбу. После свадьбы наваб подарил своей невестке много украшений с драгоценными камнями. Некоторые говорят, что они стоили около двух лакхов хунов. А сыну он подарил большой город, доходы которого составляли пять лакхов рупий и которые сын мог использовать для своих нужд.

Пока происходило все это, маратхи собрали многочисленное войско и объявили войну навабу Бахдуру. Они послали ему письмо, в котором говорилось: «Много раз ты нападал на наше государство, но мы прощали тебе. Ты же не довольствовался этим, видя нашу слабость. Ты овладел большим городом Сира, ограбил его, переселил жителей, да еще приказал разрушить город, построенный великим правителем Оврангзибом⁸³. За что? Кто тебе разрешил? Сира много лет была владением, которое мы сохраняли с великой любовью в честь великого правителя Оврангзиба. Как же ты осмелился поднять руку на такой великий, красивый, поразительный город. Мы отомстим тебе за это. Готовься встретиться с нами».

Прочитав это письмо, он тут же приказал собрать войска, выйти из города, разбить лагерь и быть наготове.

Всякий раз, когда он начинал войну или нападал на какой-нибудь город, он звал к себе жрецов и спрашивал их, когда выйти ему в путь или когда начать нападение. Как говорили ему жрецы, так он и делал. И в этот раз он позвал к себе жрецов и спросил у них, когда можно начать войну против маратхов. Те ответили:

«Правитель наш, лучше тебе заключить мир с маратхами». Но он ответил: «Боже упаси заключить с ними мир». Тогда жрецы ответили: «Мы не можем сказать, когда тебе начать войну, т. к. мы видим, что у тебя будут большие несчастья. Правда, ты останешься жив, но спасешься от врагов с большим трудом. Все твое имущество попадет к ним в руки. Мы не отвечаем за последствия. Поступай как хочешь».

В первый раз он не послушался жрецов, которым он очень щедро платил, с которыми не расставался и к советам которых всегда прислушивался. В 1769 г.⁸⁴ он выехал из города, некоторое время жил в лагере, а затем двинулся против маратхов, которые быстро продвигались со столытидесятитысячной армией. Они встретились на расстоянии 50 миль от города Срикатана⁸⁵. Место, где произошла встреча, было покрыто множеством препятствий. В ожесточенном бою с обеих сторон пало много воинов⁸⁶. Войска Бахдура разбежались, т. к. не могли противостоять врагу. Солдаты были так ошеломлены, что даже не узнавали друг друга. Наваб Бахдур тоже хотел бежать, но сначала ему это не удавалось. Спустя некоторое время он и 150 солдат-конников сумели ускользнуть от маратхов и собрались на одном из холмов. Он думал только о том, как бы спасти свою жизнь. С ним были двое приближенных, которые ему говорили: «Правитель наш, если мы потеряем время, то враг окружит этот холм и мы погибнем. Лучше нам бежать отсюда в город в надежде, что бог поможет нам спастись от их рук». Так они и сделали: спустились с холма галоном и прорвались сквозь окружение. Когда Бахдур добрался до города, с ним осталось всего 20 человек. Неизвестно, что стало с остальными⁸⁷.

Бахдур тяжело переживал случившееся не только потому, что был побежден врагом, но и потому, что не знал, что случилось с сыном Типу Схабом. Так продолжалось дней восемь. Говорят, что два раза в день он спрашивал, не появился ли Типу. Он поклялся: «Если своими глазами увижу сына живым, клянусь перед богом, что за короткий срок отомщу врагу. На 8-й день Типу вошел в город, переодетый нищим. Восемь дней он занимался попрошайничеством в армии маратхов и маратхи

так и не узнали его. Когда Типу вошел в город, отцу дали об этом знать. Он тут же вознаградил двумя тысячами хунов тех, кто принес ему хорошие вести. Поднявшись с пола, он сел на свое место и приказал привести к себе сына Типу. Увидев сына, он с трудом узнал его, так сильно тот изменился. Поблагодарив бога, он начал готовить новую большую армию.

Маратхи, победив Бахдура, забрали множество трофеев и продвинулись к Сриптану. Они находились на расстоянии пушечного выстрела от города. После разгрома армии наваба разбежавшиеся солдаты по 4, по 5, по 10, а иногда и по 100 человек начали по ночам возвращаться в город. Так собралось 800 солдат. В городе, кроме них, было еще 1500 солдат. В общем собралось 2300 солдат. Но на всех было всего 150 винтовок и 50 коней. С этими силами наваб и хотел еще раз выйти в бой. Он все время обдумывал, как бы устоять перед врагом. Однажды Типу Схаб пришел к отцу и спросил у него разрешения выйти со 150 солдатами ночью из города и попытаться счастья. Отец не соглашался, боялся, что его могут взять в плен или убить. Сын долго просил его, пока, наконец, не получил разрешения. Когда наступила ночь, он со 150 отборными пехотинцами (среди них не было ни одного конника) вышел из города. Они тайком подошли к коням маратхов, каждый выбрал по одному коню, и затем все успешно вернулись в город. На следующий день он уже с 200 солдатами сделал то же самое. Таким образом он похитил у маратхов 700 коней. Как-то он снова вышел с 300 солдатами, но ему ничего не удалось сделать, т. к. враг был настороже. Спустя 10 дней ночью наваб с 500 конников, а Типу с 300 пехотинцев вышли из города. Солдаты наваба начали стрельбу по одну сторону лагеря противника. Среди маратхов поднялась паника. Пользуясь этим, Типу угнал еще 500 коней, которые стояли по другую сторону лагеря. Наваб, в свою очередь захватив 60 пленных и угнав 800 коней, удачно вернулся в город. На следующий день к рассвету маратхи на 3 мили отвели свои войска от прежних позиций. Вскоре у них начал чувствоваться недостаток в продовольствии, т. к. они находились далеко от своей

страны, а окружающие деревни были разрушены и там невозможно было ничего достать.

Однажды наваб Бахдур, собрав горожан, сказал: «Настал час, когда мы должны восстать против моего врага, но, как видите, войска для этого слишком мало-численны. Каждый из вас должен взять длинный кол в руки, выйти из города, собраться на холме близ реки. И когда я с конницей нападу на маратхов, вы вскините палки над головами и поднимите шум. Враг, увидев толпу на берегу реки, подумает, что это вооруженные винтовками солдаты. Так мы их обманем». И вот однажды Бахдур со своим сыном вышли из города с 300 солдат и с 30 000 жителей города, вооруженных палками, и заняли позицию на берегу реки. Разделив войска на две части, он внезапно напал на маратхов с обеих сторон. Началось избиение. В армии маратхов поднялась паника. Они никак не ожидали, что Бахдур осмелится выступить еще раз против них. Увидев на берегу реки многочисленную войска с винтовками, они испугались и, оставив все, что имели, пустились бежать. Победу в этот день одержал Бахдур. Собрав многочисленные трофеи, он вернулся в город. Жители города стали умолять его: «Правитель наш, нам пора заключить мир с ними, т. к. все окружающие области превратились в развалины. Мы не знаем, что случилось с их несчастными жителями». Наваб тоже считал нужным заключить мир. С этой целью он послал к маратхам посла, чтобы узнать их условия. Маратхи потребовали 50 лакхов рупий за согласие заключить мир. Наваб Бахдур не захотел платить столько денег, он предложил лишь 15 лакхов рупий⁸⁸. Переговоры продолжались много дней. Каждый вечер или в полночь Тияу Схаб нападал на стан маратхской армии, грабил и возвращался в город. Когда в маратхской армии усилились продовольственные затруднения, маратхи вынуждены были согласиться на 15 лакхов рупий. Они послали человека к Бахдuru передать, что решили заключить мир⁸⁹ за обещанные 15 лакхов рупий. Бахдур попросил, чтобы те дали ему 30 дней для этого. Он передал маратхам, что город Сира был разрушен сыном без его ведома и разрушены крепостные стены без его приказа. Теперь он обещал восстановить крепостные стены и город.

На 3-й день он послал маратхам 5 лакхов рупий, а также разного продовольствия стоимостью в 2 лакха рупий, которое его слуги продали в армии маратхов за 10 лакхов рупий. Эти деньги и были переданы маратхам. В общем они заплатили маратхам 15 лакхов рупий и заключили мир. Маратхская армия вернулась в свою страну.

В ту же ночь, как маратхи двинулись в путь, Бахдур вызвал к себе сына Типу Схаба и приказал с 4000-ным отборным войском выйти из города и по дороге догнать маратхов. Он это сделал потому, что его разведчики донесли о продвижении маратхов через реку Кишнари⁹⁰ и перевозке ими большого богатства. Добравшись до места, где находились запасы и богатства маратхов, Типу Схаб с 500 солдатами напал на охрану и уничтожил всех. Трофеев было так много, что они не могли забрать с собой все. Типу Схаб послал человека в город Хайдарнагар, т. е. Раин-Биднур, просить помощи у градоначальника. Тот послал многочисленных воннов и охрану. Они помогли Типу перевезти трофеи в город Хайдарнагар, т. к. он был ближе и находился в 6 днях пути от реки Кишнари. Говорят, что стоимость отнятых трофеев превышала 30 лакхов рупий.

Когда маратхи прибыли на место и увидели, что там произошло, они были возмущены беззаконными действиями Типу Схаба и послали письмо навабу Бахдuru, в котором говорилось: «Еще нет месяца, как мы заключили мирный договор с тобой. Что это за беззаконие! Слова твои подобают лишь коварному человеку. Ты должен ответить нам за это, мы не можем больше прощать тебе твои нечестные поступки». Наваб им ответил так: «Я заключил с вами мирный договор с таким намерением, чтобы между нами был вечный мир. К тому, что произошло, я не причастен. После вашего ухода сын мой восстал против меня, бежал, не говоря ни слова, и совершил это беззаконие. Вы вправе возмущаться, но я говорю вам правду: это было сделано не по моему приказу. Вы можете арестовать моего сына и повесить, если желаете, потому что этот презренный не только восстал против меня, но и совершил такое, чему нет оправдания. Он заслужил виселицу на засохших деревьях и публичную казнь». Когда маратхи получили это письмо, они поверили, что

Типу действительно восстал против отца, т. к. в письме разрешалось повесить сына (несчастные не догадались о коварстве Бахдура). Наваб знал, что сын его не попадет в руки к маратхам, потому и решился на такую хитрость. Маратхи пытались арестовать Типу Схаба, но это им не удалось, ибо он укрепился в городе Хайдарнагаре. И обманутые маратхи вернулись в свою страну.

А Наваб Бахдур вновь начал собирать многочисленное войско. Говорят, что численность его превышала к тому времени 50 тыс. воинов, из которых 20 тыс. было всадников и 30 тыс. пехотинцев. Он послал во все концы страны приказы к местным правителям собрать как можно больше войск и обучить их военному делу. После этого он постепенно начал грабить и подчинять своей власти правителей соседних областей.

Недалеко (от границ его государства) находился большой город Чтлдрук⁹¹. Раньше раджа этого города был в дружбе с прежним правителем Срикпатана. Дружба эта была очень близкой и чтлдрукский раджа называл раджу Срикпатана отцом, а тот его сыном. С давних времен между ними так повелось, что когда один вел войну, другой шел ему на помощь со своими войсками. Потому и попросил наваб Бахдур у чтлдрукского раджи помощь. Последний тут же с 8 тыс. отборных храбрых солдат поспешил в армию Бахдура и присоединился к его войскам. Объединившись, они подчинили себе много раджей и захватили много богатства. У Бахдура было такое правило: пленного раджу отправлять в Срикпатам и сажать в тюрьму, где его спустя несколько дней отравляли. Почти никто из раджей, попавших в плен, не оставался в живых.

Когда Бахдур был вблизи города Таркула⁹², которым правил прославленный раджа, этот раджа понял, что спасения нет и уйти от рук Бахдура невозможно. Раджа послал одного из своих вельмож к Бахдурю с предложением: «Не хочу воевать против вас, хочу быть другом вашим и помогать вам по мере сил своих, только прошу оставить меня в покое». Бахдур ответил ему: «Так как ты добровольно подчиняешься мне, дарю тебе жизнь, но ты обязан оставить армию, отказаться от доходов, собираемых в твоей стране. Я обещаю платить тебе

ежегодно два лакха хунов, необходимых для твоих расходов, и разрешу тебе также иметь 150 солдат для личной охраны. Вот моя воля. Если не подчинишься, то будешь послан туда, куда посланы другие раджи». Этот жалкий человек, попав в безвыходное положение, дал свое согласие. Он хорошо понимал, что жестокий и черствый Бахдур убьет его, и потому от страха отдал все, что требовалось от него. Таким образом наваб Бахдур занял и этот город, чему я был очевидцем. Город тот был очень большой и очень богатый. Говорили, что ежегодно доходы этого города равнялись 50 тыс. лакхов хунов. Радже Чтлдрука, который один остался в живых, наваб Бахдур сказал: «У меня многочисленное войско, требующее больших расходов, и ты обязан ежегодно платить мне дань, чтобы покрывать эти расходы». Услышав это от Бахдура, чтлдрукский раджа поразился и, несмотря на то, что был человеком храбрым, струснул, т. к. понимал, что здесь одной храбрости мало. Он ответил Бахдур: «С древних времен между нами был такой обычай: правитель Чтлдрука называл правителя Срикпатана отцом, а тот его сыном. Никогда не было, чтобы один из них платил дань другому. Но если ты хочешь, чтобы сын твой платил подать, покорно подчиняюсь и постараюсь выполнить желание отца моего. Так приказывай, сколько я должен платить». Навабу Бахдур очень понравилась эта речь, и он сказал: «Коль скоро ты добровольно подчинишься моему приказу, я на тебя наложу легкую дань: ты обязан платить мне ежегодно 40 тыс. хунов, подчиняться мне и быть покорным». Он подарил ему дорогие одежды⁹³, а сам вернулся в Срикпатам и с великим торжеством вошел в город. После этого сам Бахдур больше не возглавлял военные походы, а посылал сына своего Типу Схаба, который всегда оказывался победителем, опустошая, грабя и беря в плен население маратхских областей.

В 1771 г. маратхские войска снова пошли войной против Бахдура. С 200-тысячной армией они ворвались в его страну и начали опустошать ее. Все вельможи собрались у Бахдура, они говорили ему: «Правитель наш, лучше заключить мир с маратхами, потому что доходы нашей страны велики. Если будет разорена наша страна,

откуда мы возьмем средства для жизни и чем будем платить войскам?». Навабу понравилось разумное предложение, и он отправил письмо к маратхам для заключения мира. На третий день после выхода из города люди посла поймали одного гонца, скакавшего во весь опор. Посол Бахдура приказал арестовать его и привести к себе. Когда привели гонца, посол спросил его: «Куда держишь путь?» Тот рассказал, что его послал с письмом к маратхам Нарсидас и передал в руки посла письмо. Посол отправил письмо в Срикпатан, а сам продолжил свой путь. Добравшись до армии маратхов, он начал вести переговоры, длившиеся много дней⁹⁴. Маратхи не хотели мира и сказали послу: «Наваб ваш—человек вероломный, с одной стороны он предлагает мир, а с другой—грабит нашу страну. Боже упаси поверить вашим словам. Хотим проверить, улыбнется ли нам счастье в этой войне». Посол вернулся в Срикпатан ни с чем.

Когда навабу Бахдуру отдали письмо, он приказал тут же прочесть его. Письмо Нарсидаса гласило: «Наваб наш отправил посла к вам с целью заключить мир. Я готов послать вам много денег, чтобы вы могли заплатить жалованье вашему войску. Обещаю, что если ваша армия будет вблизи моего города, вы найдете крепостные ворота открытыми. Можете смело проходить. А потому советую вам не принимать предложения наваба о заключении мира». После прочтения письма Бахдур тотчас приказал арестовать Нарсидаса и посадить его в тюрьму под сильной охраной. (Некоторые говорят, что этого письма Нарсидас не писал. Оно было написано самим навабом. Так как Нарсид был очень богатым человеком, Гейдар просто хотел ограбить его. Другие говорят, что оно действительно было написано Нарсидасом. Не знаю, кто из них прав). Как бы то ни было, Бахдур приказал ограбить дом Нарсидаса. Все его имущество забрали. Чтобы найти спрятанные драгоценности, все стены дома раскопали на глубину в один метр. Говорят, что в стенах обнаружили золото, серебро, украшения и драгоценные камни стоимостью в 36 лакхов хунов. Спустя некоторое время Нарсид скончался в тюрьме. Два его сына и многочисленная родня остались в жалком состоянии.

После этих событий Бахдур вторично отправил Али-Риза-хана, сына Чанта Схаба, послом к маратхам, чтобы заключить с ними мир. Он разрешил Али Риза заплатить маратхам столько, сколько они потребуют, но в пределах 50 лакхов хунов. Бахдур очень любил Али Риза-хана и хотел выдать за него свою дочь. Маратхи приняли Али Риза-хана с радостью и заключили мирный договор. Он написал об этом письмо навабу и сообщил, что обязался заплатить 40 лакхов рупий. Наваб тут же послал эти деньги. Риза-хан отдал эти деньги маратхам, но сам остался у них, потому что не хотел жениться на дочери Бахдура.

После заключения мира с маратхами наваб Бахдур послал во все концы подвластных ему стран приказ, потребовав уплатить подати. Сборщики налогов начали собирать деньги. Когда они добрались до города Чтлдрук и потребовали от раджи обещанную дань в 40 тысяч хунов, он не захотел выполнить свое обещание и написал навабу Бахдuru такое письмо: «Отец мой, умоляю твое величество освободить мою страну от налогов, потому что не принято, чтобы сын платил подати отцу. Мне очень стыдно за это. Я всегда готов подчиняться твоему приказу и в мирное, и в военное время». Раджа понимал, что если в первый раз уплатит 40 тысяч, то на второй год от него потребуют 80, а на третий—сто, пока не ограбят всю страну. Отправив письмо, он с нетерпением стал ждать ответа. Вряд ли Бахдур простит его,—думал он,—наваб или начнет войну, или добьется от него дани. А потому он послал 20 тысяч рупий в подарок маратхам, которые были его соседями, и написал им: «Если наваб Бахдур начнет войну против меня, помогите мне». Маратхи согласились. Когда наваб прочел письмо раджи и понял, что тот не хочет платить обещанную дань, тут же объявил ему войну. Продвинув свои войска к Чтлдруку, он начал грабить соседние деревни и брать в плен жителей. Окружив город⁹⁵, он приказал насыпать вал вокруг него. Раджа Чтлдрука дал знать маратхам, которые с 80-тысячной⁹⁶ конницей двинулись на наваба Бахдура. Узнав о приближении маратхов, он снял осаду с Чтлдрука и со своими войсками направился навстречу им. Ожесточенная схватка произошла в открытом поле. С

обеих сторон оказалось много убитых—почти 20 тысяч⁹⁷. Но победил Бахдур. Маратхи бежали. Победители собирали богатые трофеи. Через день Бахдур двинулся вперед, преследуя отступающих. Он грабил маратхские деревни и брал в плен их жителей. Никто не осмеливался противостоять ему, ибо все боялись его. Так он захватил много деревень, городов и селений. Войсками командовал его сын. Сам наваб находился в лагере и жил в большой палатке, которая всегда находилась в 200 милях от линии фронта, откуда он указывал Типу Схабу как действовать. Тот всегда сражался мужественно и был, как отец, храбрым человеком. Овладев рядом городов, наваб Бахдур убедился, что больше никто не осмелится противостоять ему и, назначив градоначальников в захваченных городах для сбора дани, вернулся со своими войсками в Чтлдрук. Оттуда он послал приказ подвластным ему князьям с требованием выступить со своими войсками на войну. Халим-хан, властитель города Карна⁹⁸, взяв свою 6-тысячную отборную конницу, поспешил на помощь навабу.

Действительно, Бахдур был счастливым человеком. Господь бог, если хочет кого одарить, то одаривает так, как Бахдура. До него не было открыто в стране ни одного рудника, а при нем было открыто целых четыре, где добывалось золото, алмазы и железо и другие металлы. Возвратившись домой после войны, наваб посетил железные рудники, направил туда ремесленников и приказал плавить руду и отливать оружие, в котором он очень нуждался. Раньше все это покупалось по дорогой цене у европейцев, да и то не хватало. Говорят, что в тех местах, где обнаружили железную руду, жители окружающих мест платили подать в два лакха хунов. Назначив там управляющего для сбора дани, он поручил собрать деньги и отдать ремесленникам, чтобы те делали оружие. Так начали отливать и отлили очень много оружия.

Когда Бахдур второй раз осадил Чтлдрук, он окружил его еще большим валом. Город этот состоял из двух частей: одна часть была расположена на высоких горах и сильно укреплена, другая находилась у подножья горы, но тоже была хорошо защищена обрывом. Осада города продолжалась год и 6 месяцев⁹⁹.

Однажды он позвал к себе Халим-хана и сказал ему: «Ты обязан ежегодно платить мне семь лакхов рупий, но я их не возьму с тебя. Кроме того, обещаю тебе ежегодно три лакха хунов в подарок. Но ты обязан за это содержать 20-тысячную отборную армию, и если мне будет нужно, ты придешь с войском мне на помощь туда, где я буду находиться. А теперь приказываю—вернуться в свою страну, ибо я имею с собою достаточное количество войска для осады. Но ты обязан выдать свою дочь за моего сына Керим Схаба и мы будем родственниками». Халим-хан тут же ответил: «Господин мой, согласен, все, что вы приказали, я исполню. Я очень рад этому». Наградив Халим-хана по достоинству, он отпустил его, чтобы тот вернулся к себе и привел (или отправил) свою дочь. Но ничтожный Халим-хан, вернувшись в свою страну, отказался выдать свою дочь замуж за Керим Схаба и написал Бахдuru такое письмо: «Я знатного происхождения, из старинного рода, а ты из простого—я не хочу отдать свою дочь в жены твоему сыну, ибо ты не достоин быть моим родственником. Обещанные мною деньги платить тебе с сегодняшнего дня не буду. Если ты хочешь что-нибудь предпринять против меня, то предпринимай быстрее». Прочитав это письмо, Бахдур на второй же день позвал к себе Мир Схаба, брата своей жены, и приказал ему пойти на Халим-хана с 6-тысячной конницей.

Во время осады Чтлдрука он, как обычно, позвал жрецов, чтоб те предсказали, подчинится ли ему осажденный город. Те единодушно ответили: «Господь наш, о твоём приказе занять город ничего определенного сказать нельзя». Главный жрец добавил: «Господь мой, судьба твоя похожа на судьбу Александра Македонского, ибо вижу, что в ближайшем будущем ты будешь правителем Чтлдрука, Карна, Арката и Гейдарабата».

Услышав слова главного жреца Рама, наваб приказал отправить его в Срикпатап и держать под охраной. Наваб сказал жрецу: «Ты останешься в тюрьме, пока не сбудутся твои предсказания, а когда исполнятся, ты получишь от меня большие подарки и один большой город, в котором будешь правителем».

В 1768 г., в декабре месяце, я (Акоп Симонян) по-

шел во дворец навестить наваба Бахдура с намерением получить от него указ о разрешении армянам заниматься свободной торговлей в его государстве. Я был встречен у Гейдара с большими почестями. Наваб Бахдур обещал дать моему армянскому народу все то, что я просил, а я, кроме разрешения торговать, просил также освободить армян от всяких пошлин и податей. Он с удовольствием предоставил нам эти права. Но, к сожалению, я не сумел добиться задуманного. Не хочу кого-либо обвинять в этом. Хочу только сказать, что моя неудачная судьба не позволила мне достичь такого счастья, чтобы довести начатое до конца. Если господь бог дарует мне жизнь, то после окончания этой истории я расскажу, что было причиной моей неудачи. А сейчас хочу рассказать только о войне, которую вел храбрый наваб Бахдур.

Он отдал приказ по всей своей армии, чтобы воины, осаждающие крепость, неподвижно сидели в своих траншеях и чтобы никто из них не осмеливался стрелять из винтовок и пушек по городу, но чтобы они ежечасно были наготове. Если же кто-либо осмелится выйти из города, чтобы напасть на них, то тогда самим начинать сражение. Он постоянно предупреждал солдат, чтобы те не подходили к городу и оставались в своих укреплениях до того, пока осажденные не попадут в безвыходное положение и не отдадут свою страну. Он знал, что в осажденном городе началась острая нехватка припасов.

В январе месяце раджа (Чтлдрука), посоветовавшись с приближенными, решил выйти ночью из крепости и напасть на войско Бахдура. Так он и поступил. Вышел из крепости и напал на неприятеля, а утром на рассвете снова вернулся в крепость. Погибших за ночь оказалось около 9 тысяч, но никто не мог знать, сколько среди них было тех, кто нападал на крепость, т. к. у них был такой обычай: во время отступления, когда кто-либо из своих погибал, тут же отрубать ему голову и раздевать, унося с собой одежду, чтобы никто не смог опознать погибшего. За один месяц Типу четыре раза поступал так. Когда наваб Бахдур приказал подсчитать потери, выяснилось, что они составляют 30 тысяч убитыми. Типу Схаб, который отцом был назначен главнокомандующим войск, не мог примириться с такими потерями и 15 января без сог-

Ласия наваба с 20 тысячами солдат начал штурмовать крепость. Этот очень ожесточенный бой длился 6 часов. Обе стороны сражались с неслыханной храбростью и с обеих сторон были большие потери. Победа оказалась на стороне Типу Схаба, занявшего крепость. Он тут же послал к отцу гонца и сообщил о своей победе. Получив это известие, Бахдур страшно разгневался, отстранил Типу, назначил другого главнокомандующего своими войсками и приказал привести сына к себе. Приказ этот сейчас же был выполнен. Когда Типу предстал перед отцом, тот посмотрев в лицо сыну, сказал гневно: «Тебе, наверное, кажется, что ты сделал хорошее дело, а я думаю, что это злое, недоброе дело, так как оно совершено без моего приказа, ты не достоин называться моим сыном, ты для меня теперь чужой неблагодарный человек, как многие из моей армии». И Бахдур приказал арестовать сына, заключить в тюрьму, поставить стражу и строго следить, чтобы он ни с кем не говорил. После того как Типу Схаб был посажен в тюрьму, Бахдур отнял у него все его имущество. На второй день некий крупный купец, которого звали Сикршети¹⁰⁰, пошел проведать Типу Схаба. Когда об этом доложил навабу, он тут же приказал посадить купца в тюрьму. Как-то один из охранников пришел и передал навабу: «Владыка мой, сын ваш в отчаянии, хочет покончить жизнь самоубийством, ибо у него не осталось ни одной рупии». Услышав это, наваб приказал привести сына к себе. Когда его привели, он спросил: «Я хорошо знаю причину, почему ты хочешь покончить с собой». И наваб приказал принести 20 тысяч хунов, запечатал их своей личной печатью и приказал отнести это в камеру, т. к. знал, что если у сына не будет денег, тот не успокоится и не будет спать. Затем он освободил сына и разрешил ему опять взять на себя командование войсками, как это было раньше, но с условием, что тот не осмелится что-либо делать без его приказа. Вельможи попросили его освободить также арестованного Сикршета, но наваб не захотел их слушать. Но после многих просьб, он оштрафовал купца на 20 тысяч хунов, и тот, внеся эти деньги в казну, был освобожден из тюрьмы.

20-го числа этого же месяца из города вышло мно-

жество нищих и бродяг. Держа в руках оголенные мечи, они подошли к лагерю наваба. Когда он узнал об этом, приказал остановить всех (их было более 350). Одного из них пригласили в лагерь и там вели с ним разговор, длившийся 2 часа. Никто не знал, что там говорилось. Нищий этот получил подарок, а каждый пришедший с ним—5 рупий. После этого наваб отпустил их к своим.

В ту же ночь окруженный раджа Чтлдрука вместе со своим сыном и братом, с 6 тысячами войск вышел из города и напал на войска Гейдара. Во время боя раджа был ранен в плечо, а брат его и сын—в ноги. Когда они хотели вернуться в город, то обнаружили крепостные ворота запертыми¹⁰¹. Жители города и солдаты, объединившись, сказали ему: «В городе нет припасов, а ты не хочешь подчиниться и заключить мир с Бахдуром. Поэтому мы и заперли крепостные ворота. Когда раджа вышел из крепости, с ним было 6 тысяч воинов, а вернулся он всего с 300 ранеными солдатами. Семья его все еще находилась в крепости. Так как солдаты больше не хотели сражаться и впускать его в крепость, раджа стал просить их о пощаде. Оказавшись в безвыходном положении и увидев, что нет спасения, он поклялся заключить мир. После этого горожане открыли ворота и впустили его в крепость. Вельможам, которых раджа отправил к Бахдуру, чтобы заключить мир, наваб дал немного пуль и пороха и сказал: «Передайте вашему радже, что время перемирия прошло, посылаю вам немного боеприпасов, если хотите pošлю больше, чтобы вы сражались против меня». Те, забрав то, что им дал наваб, пошли к своему радже и рассказали обо всем. Раджа, отрубив головы многим своим приверженцам, закопал богатство в землю так, чтобы никто не мог узнать, куда оно делось, и 28 числа того же месяца¹⁰² со своей семьей и родственниками (которых было 65 человек) вышел из города и направился в стан наваба Бахдура¹⁰³. Когда Бахдуру доложили об этом, он приказал остановить раджу и его родственников вблизи своего лагеря и приготовить для них место. Когда раджа прибыл в лагерь, наваб приказал принести железные цепи на золотом подносе, покрытом драгоценным шелком, и преподнести радже в подарок.

Слуги выполнили приказ наваба и положили поднос перед раджей. Когда раджа открыл поднос и увидел, что там цепи, он тут же надел их на ноги и сказал: «Если отец мой хочет проучить меня, я, как сын, готов подчиниться своему отцу». Всех—раджу и его семью—заковали в цепи и увезли в тюрьму. Там раджа умер. Бахдур назначил своего верного человека владыкой и управляющим города. Затем он дал разрешение своей армии грабить его. Бахдур оставался в городе 2 месяца и велел всей стране веселиться и салютовать в честь его победы.

Спустя некоторое время он покинул город, сказав, что направляется в Бангалур, но никто точно не знал, куда он направился. После 8-дневной дороги, Бахдур остановился на почлег и приказал своей 20-тысячной коннице и охране забрать с собой 8—10-дневные припасы и быть готовыми к выступлению по первому приказу. Назначив некоего жреца по имени Пурикам¹⁰⁴ командующим своих войск, он приказал ему через 6 дней после своего ухода продвигнуться в Карпа и там ждать нового приказа. Кроме Пурикама, об этом приказе никто ничего не знал. Он запретил солдатам писать письма кому-либо и двинулся в неизвестном направлении. Даже на 10-й день войска не знали еще, куда они идут.

Оставив армию на месте, в феврале 1779 г., ночью, он со своей охраной галопом подошел к Карпа. Как уже говорилось, солдаты, сопровождавшие его, не знали, куда они направляются, т. к. Бахдур никогда ни у кого не спрашивал совета и не рассказывал кому-либо, что он намерен делать. В общем они добрались до Карпа¹⁰⁵. Говорят, что между Карпа и тем местом, где он оставил свою армию, расстояние было в 15 дней, но благодаря быстрому продвижению этот путь (не хотел писать, т. к. вряд ли поверят) он прошел за 15 дней. Добравшись до места, он увидел, что Халим-хан вышел из своей крепости и сражается против Мир Схаба. Никто из них не знал о прибытии наваба Бахдура-Счастливого. Наваб, пользуясь отсутствием Халим-хана в крепости, отправил туда 2 тысячи солдат. Кроме малочисленной охраны, в крепости никого не было. Заняв крепость Карпа, он отправил гонца к Мир Схабу сообщить о своем прибытии. Мир Схаб, услышав об этом, очень обрадовался. С двух

сторон они начали сражаться против Халим-хана. После ожесточенных боев Халим-хан попал в плен к навабу Бахдуру. После победы войска Бахдура вошли в город Карпа, где он захватил дворец и занял трон пленного хана.

Вблизи города на горе стояла большая крепость, которая называлась Седот¹⁰⁶. В этой крепости находилось все имущество и богатство Халим-хана. Наваб позвал к себе Халим-хана и приказал ему написать письмо градоначальнику Седота с тем, чтобы тот отдал навабу все его богатство. Иначе он, наваб, уничтожит всех. Несчастный Халим-хан, попав в безвыходное положение, отправил приказ в Седот о сдаче крепости людям Бахдура. После занятия города и крепости, Бахдур разрешил грабить население и приказал заковать в цепи Халим-хана и его семью и отправить в Срикпатаи. Приказ был выполнен. Затем наваб захватил имущество хана. Все награбленное добро было отправлено в Срикпатаи, а сам он, чтобы уладить дела, оставался в городе в течение 4 месяцев. Позвав к себе Мир Схаба, он сказал ему: «Дарю тебе эту страну, будь ее правителем. Доходы здешних мест составляют 40 лакх рупий. Эти доходы будут принадлежать тебе. За это ты должен постоянно держать наготове 20 тысяч конников для моих нужд. Где бы я ни находился, ты должен в нужную минуту прийти мне на помощь».

Затем он выслал своего сына Типу Схаба из Срикпатаи, дав ему охрану в 150 отборных солдат. С охраной он послал письмо, в котором говорилось, что «сын его Типу арестован и высылается в Срикпатаи и что он не имеет права останавливаться по пути в каком-либо городе, пока не доберется до Срикпатаи. Везде он должен жить вне города, и если будет нуждаться в чем-либо, то обязан покупать все на свои деньги». Он также отправил письмо градоначальнику Махмут Али-хану: «Из Срикпатаи отправляю к тебе моего сына. Ты обязан держать его под арестом в своем дворце. Никто не должен о чем-либо разговаривать с ним. И если он прибудет в город днем, не разрешай ему входить в город до тех пор, пока не стемнеет. С ним во дворец разрешите войти только 4 лицам. Как только он войдет во дворец, тут же ты дол-

жеи взять его под стражу из 300 солдат». Махмут Али-хан выполнил все, что ему было приказано¹⁰⁷.

После этого наваб Бахдур написал письмо во все подвластные ему владения, чтобы те праздновали его победу, дарованную ему богом. В городе Карна под барабанный бой возили арбу, нагруженную сахаром, который раздавали всем—и богатым и нищим.

Отпраздновав победу, Бахдур направился в Сригпатаи. Город Бенклур находился на пути, и он решил заехать туда, чтобы посмотреть свой новый дворец, который он приказал построить лет 8 тому назад. Он отправил людей вперед, чтобы те украсили город и подготовили ему торжественную встречу народа. Магазины, базары, дома—все было украшено шелком и цветами. Народ вышел ему навстречу. И я вышел с ними встречать его, т. к. в это время жил в Бенклуре. То, что я увидел, действительно было удивительно торжественно. Бахдур вошел в город, восседая на троне, установленном на слоне. Наваб был окружен 4 тысячами солдат, вооруженных копьями. С ними было также 500 разукрашенных слонов. За слонами шла вся армия с 20 пушками. Впереди шли 4 тысячи всадников-мушкетеров, которые во время шествия палили из мушкетов. С ними было также пятьсот конников-европейцев с оголенными саблями, многотысячная пехота с поднятыми флагами. Под барабанный бой и пушечные выстрелы, с большими почестями и торжеством наваба ввели в город. Это было поразительное зрелище.

Когда Бахдур вошел в свой новый дворец и осмотрел его, он рассердился на надзирателя за то, что плохо выстроен дворец. И он имел на то право. Дворец строили уже 8 лет, и хотя он еще не был окончен, потолок уже дал трещину. Бахдур наказал и оштрафовал многих. Он пробыл в городе еще 4 дня и уехал в Сригпатаи, приказав разрушить дворец до основания и построить заново на более крепком фундаменте. Так и поступили, разрушили и построили точно такой же дворец на том же очень удачном месте.

Добравшись до Сригпатаи, Бахдур вошел в город с еще большей помпой и торжеством, чем это было в Бенклуре.

После возвращения в город, Бахдур наказал и оштрафовал многих взяточников, ибо ненавидел взяточничество.

Приведя в порядок дела, он отправил посла к Хаким-хану, навабу Саванура¹⁰⁸, по национальности патана, с письмом, в котором просил руки его дочери для своего сына Керим Схаба¹⁰⁹, а сам предложил руку своей дочери пятому сыну Хаким-хана. Он хотел, чтобы они породнились и стали друзьями. Хаким-хан, которому понравилось это предложение, написал ему: «Я согласен с вашим предложением и сам привезу свою дочь к вашему величеству. Когда я подожду к городу, вы должны послать своего сына Типу Схаба встретить меня и с почестями проводить в город». Наваб согласился выполнить его просьбу.

Хаким-хан покинул свой город вместе с семьей сыновьями (у него их было 14) и отправился в Срингпалан. Наваб приказал поставить палатку для Хаким-хана в 4 милях от города. Прибыв туда, Хаким-хан прожил 3 дня, дожидаясь Типу Схаба. Но так как Типу Схаб был в тюрьме, на 3-й день наваб Бахдур с многочисленными своими людьми сам поехал в стан к Хаким-хану. Хаким-хан встретил наваба с большими почестями: отвел его в шатер, где по приказу Хаким-хана был приготовлен небольшой трон, а пол в шатре был устлан красивыми коврами. Он посадил гостя на трон, специально сделанный для него, и склонился перед ним в низком поклоне. Затем подали свадебный шербет. Таков был обычай: сначала подавали шербет, а потом вели разговор о свадьбе. После того как раздали шербет всем сидевшим в палатке, принесли золотой поднос, на котором лежали красивые украшения с драгоценными камнями и жемчугом, и положили перед Бахдуром. Хаким-хан обратился к Бахдuru: «Правитель мой, эти подарки, которые я положил перед вами, не достойны вашего величества, умоляю ваше величество простить меня бедного, принять мои скромные подарки и считать, что я являюсь вашим слугой». Эти слова очень понравились Бахдuru. Он сказал: «Хаким-хан, ты просил отправить тебе на встречу Типу Схаба, но я пришел сам. Сейчас я вернусь в город и отправлю к тебе моих вельмож, в сопровожде-

нии которых ты войдешь в город со славой, которую ты заслужил». Бахдур вернулся в город, слуги его привезли преподнесенные Хаким-ханом подарки. Говорят, что они стоили 5 лакхов хунов. Вернувшись во дворец, Бахдур тут же приказал украсить 150 слонь и выйти навстречу Хаким-хану с 4 тысячами всадников, 1000 танцовщиц и музыкантов и с множеством других лиц... Когда посланники открыли поднос с подарками, они оказались гораздо драгоценнее, чем были преподнесены навабу. Наваб был излишне щедр. Если Хаким-хан покрыл шелком небольшую часть дороги, то наваб велел покрыть шелком более чем полмили пути. Наваб ждал Хаким-хана очень торжественно. Действительно, это была удивительная картина. Тому я был свидетелем. Бахдур восседал на большом троне в очень красивом и богато украшенном дворце, под золотым балдахином. Он приказал всем своим вельможам и именитым купцам занять места слева от трона, а справа были приготовлены места для Хаким-хана и его близких. Когда Хаким-хан вошел, наваб Бахдур встал со своего трона, взял его под руки и усадил рядом с собой. После недолгой беседы Хаким-хан сказал: «Владыка мой, трон этот господь бог подарил тебе. Никто не достоин сидеть на нем, кроме тебя». Тогда Бахдур приказал поставить рядом со своим небольшой трон для Хаким-хана. А рядом с Хаким-ханом сидели его сыновья и приближенные. Слуги раздали всем присутствующим шербет. После этого принесли 8 золотых подносов с очень богатыми украшениями. Один из подносов с самыми драгоценными украшениями поставили перед Хаким-ханом. Остальные 7 поставили перед каждым сыном по достоинству. Говорят, что подарки на этих 8 подносах будто бы стоили 30 лакхов хунов. Затем гости пошли в отведенную для них резиденцию, где были приготовлены очень красивые покои.

Через 3 дня справили свадьбу, поженив молодых с великим торжеством, как это принято у них. После свадьбы Бахдур сделал подарки всем своим вельможам и военачальникам согласно их достоинству и чину. Он пригласил на ужин все свое войско. Сначала сели за стол вельможи, затем военачальники, а за ними простые воины. Во время пира Хаким-хан попросил наваба Бах-

дура, чтобы тот простил арестованного Типу Схаба. Наваб не мог отказать в просьбе Хаким-хану и освободил Типу.

Однажды Бахдур пригласил Хаким-хана на обед. Во время обеда он сказал: «Мы уже породнились, надеюсь будем неразлучными приятелями, а потому дарю тебе всю страну, которая была тебе подвластна. Дарю тебе также всю прибыль твоей страны, и еще из моей казны ты будешь ежегодно получать 2 лакха хунов на следующих условиях. Ты обязан держать 20-тысячную хорошо обученную отборную конницу и быть верным мне. Ты обязан быть всегда наготове со своим войском. Если я начну войну против кого-либо, ты обязан прийти на помощь туда, где я буду находиться».

После этого наваб Бахдур отпустил Хаким-хана, чтобы тот со своими людьми и 6 сыновьями вернулся к себе с миром, оставив свою вышедшую замуж дочь и зятя.

Когда Хаким-хан уехал, Бахдур позвал к себе сына купца Наредаса—Балмукандаса¹¹⁰ и сказал, чтобы тот готовился поехать послом в индийскую столицу Дели. Он позвал также одного купца из дома Бокенадж¹¹¹ и поручил ему написать вексель для Балмукандаса на индийском языке, чтобы тот, когда приедет в Дели, мог взять 50 лакхов рупий, а в случае необходимости еще 5 лакхов рупий для покрытия расходов. Когда все это было сделано, Бахдур сам написал письмо к Наджиб-хану, который был спарзосом, т. е. вице-королем Делийского царства. Никто точно не знал, что было написано в этом письме, но говорят, что наваб хотел заключить союз с Наджиб-ханом против своих врагов.

Когда происходило все это, я находился во дворце и видел, как был отправлен посол. Затем Бахдур отправил второе посольство в Катак¹¹². Он послал с ним 5 лакхов рупий маратхам Катака и письмо. Никто не знал, почему он это сделал. Затем он написал письмо также маратхам Понны¹¹³ с предложением отправить в Срикпатаи своего представителя, т. к. хотел заключить с ними союз. Маратхи согласились и тут же отправили своего представителя. Когда их вельможа прибыл в Срикпатаи, наваб принял его с большим торжеством и почестями и препод-

тему большие подарки. После переговоров был заключен такой договор: «Все города и деревни, которые раньше были Бахдуром захвачены у маратхов, навсегда остаются подвластны ему». Обе стороны не должны были вспоминать прошлую вражду. За это наваб должен был заплатить 50 лакхов рупий. Они поклялись в вечной дружбе и договорились также, что: «Если одна из договаривающихся сторон вступит в войну против какого-либо другого государства, то эта сторона обязана до начала войны предупредить вторую договаривающуюся сторону. И тогда объединенными силами они начнут войну против врага и окажутся победителями над ним». Бахдур подписал договор и отправил его в Пону, чтобы маратхи также поклялись в дружбе и поставили подпись под ним. Получив договор, маратхи подписали его и вернули в Срикантан. По заключенному договору Бахдур отдал маратхам 60 лакхов рупий на содержание их армии, т. к. намеревался начать против кого-то войну. После возвращения маратхского посланника наваб написал письмо в Гейдарабат Изам Али-хану и отправил вместе с письмом подарок—25 лакхов рупий. Никому не было известно содержание письма¹¹⁴.

Наваб написал также письмо своему послу в Мадрасе: «Сходи к навабу Махмад Али-хану и от моего имени передай ему: по твоему долговому обязательству, которое находится в моих руках, ты обязан заплатить мне 3 курура рупий с процентами или отдать мне город Тишамнули». Посол наваба много раз и подолгу вел переговоры с ханом, но тот никак не хотел отвечать согласием, т. к. не был намерен выполнить взятого на себя обязательства. Посол, убедившись, что тот не вернет долг, сообщил об этом своему правителю. Тогда наваб написал в Мадрас начальнику английских факторий¹¹⁵ и попросил помочь получить обратно свои деньги. Англичане не захотели выполнить эту просьбу, потому что сами были в то время в очень тяжелом положении. Долго велись письменные переговоры. Говорят, что английский градоначальник Мадраса с обеих сторон получил большие взятки, но ничего не сделал.

Правитель Мадраса отправил одного священника (падре) послом в Срикантан к навабу Бахдурю. Я в то

время находился там (во дворце). Когда посол-надре приехал в Срикантан, наваб приказал не впускать его в город. Посла поместили в палатке за городом и держали под охраной 8 дней. На 8-й день вечером наваб позвал его к себе. После часового разговора он отпустил посла в Мадрас с ответным письмом и тут же разослал приказ во все города страны, лежавшие на пути посла, чтобы ни в коем случае не пускали его в город. Наваб приставил к послу стражу, чтобы он не встречался и не разговаривал с кем-либо, пока не доедет до своей страны. Наваб призвал в армию новые силы, которые около 2 месяцев обучали в его присутствии военному мастерству. Через некоторое время из Мадраса приехали два гонца и привезли навабу 2 письма. Прочитав эти письма, Бахдур тотчас позвал писаря и продиктовал ответ, в котором говорилось: «18 месяцев назад вы послали ко мне одного духовного отца. Он передал мне все, что ему поручили. После переговоров я с ответом вернул посла к вам. Теперь вы во второй раз спрашиваете мое мнение, но мне нечего добавлять к тому, что было сказано вашему послу». Скрепив письмо печатью, он отдал его гонцам. Затем приказал разбить палатку за городом в расположении армии, а армию привести в боевую готовность.

В апреле 1780 г. Бахдур переехал из города в стан армии и после 7-дневной подготовки двинулся со своим многочисленным войском на Бенклур. Но тогда об этом никто не знал. Говорят, что наваб повел за собой 40 тысяч всадников, 100 тысяч пехотинцев и 30 тысяч охраны, кроме того, с ним было много всякого сброда. С этой многочисленной армией он двинулся сначала на Критак.

В чем была причина этой войны? Когда в Европе между французами и англичанами началась война, англичане Мадраса и Банкала получили в 1787 г.¹¹⁶ от своего короля приказ начать войну против французов в Индии и отобрать у них занимаемые ими города и селения. Англичане вначале отняли у французов Пунтишерри—столицу французских владений в Индии, а затем постепенно стали отнимать у французов большие и маленькие поселения в Индии. До начала этой войны Гейдар Али имел с англичанами договор, по которому пос-

ледние не имели права вести в Индии какую-либо войну против кого-бы то ни было. Но англичане нарушили договор с Гейдаром Али, начали захватывать французские владения. Среди этих территорий в области Катмалавар находился маленький город Маин¹¹⁷, вблизи границы с государством Гейдар-хана. Англичане заняли также и этот город. Когда Гейдар-хан узнал об этом, он отправил в Мадрас к англичанам послов с письмом, в котором говорилось: «У меня с вами имелся договор о вечном мире, но теперь вы расторгли его. Как вы осмелились перейти мою границу и занять город Маин, который я подарил французам? Вы должны ответить за это». После этого Гейдар Али-хан послал в Европу к французскому королю¹¹⁸ посла с многочисленными подарками, с выражением дружбы и просьбой отправить французские войска ему на помощь. Он обещал после прибытия в Индию оплатить все расходы французской армии, уплатить за службу солдатам и предлагал объединенными силами начать войну против англичан Индии и отобрать у них все захваченные ими территории, а также владение наваба Мамед Али-хана—Аркат, после чего Аркат должен был перейти к французам, а Тричинополи—к Хайдару-али, т. к. он имел дарственную грамоту Мамед Али-хана. Войска и военные корабли он просил отправить в Индию срочно, ибо не начинает войны в ожидании французской помощи. После того как он отправил посла, к нему прибыл французский военачальник и сказал: «Во владениях Адони наваба Васаладжанка¹¹⁹ находится наш храбрый полководец по имени месье Муси Лали¹²⁰, на которого наш король разгневался. Отправь посла к нашему королю и проси у него прощения для Лали. Пусть король простит его и пошлет вознаграждение—крест. При удаче я обещаю привести его со своим войском к тебе». Наваб тут же написал письмо французскому королю. А месье Пиморен¹²¹ отправил посла в Адони к храброму полководцу мусье Лали с вышензложенной просьбой. Когда Лали прочел письмо месье Пиморена, он тут же собрал войска (800 пехотинцев и 50 конников с 50 пушками) и приехал к навабу Бахдуру. Тот принял Лали с большими почестями, отдал ему множество подарков и назначил очень большое жалованье ему и его солдатам. Когда

посол Гейдара Али прибыл в столицу Париж, Людовик XVI принял его с почестями в честь наваба Бахдура. По приказу Людовика, приготовили красивые подарки и отпустили посла. Посол вез с собой также помилование и наградной крест для Лали и письмо Бахдурю лично от Людовика. Наваб Бахдур получил письмо от своего посла, когда находился вблизи границы Критака. Прочитав его, он очень обрадовался, т. к. король Франции обещал отправить на помощь достаточное число войск, военных кораблей и снаряжения. Тогда он и решил начать войну и занять Критак.

В мае 1780 г. Бахдур после тщательной подготовки с многочисленным войском двинулся на Критак, разрешив своим солдатам безжалостно грабить, брать в плен и уничтожать всех, кто попадется на пути. Он приказал Мир Схабу отправиться с 6-тысячным войском в Махмуд Бандар, т. е. в Портново¹²², а сыну своему Типу продвигнуться в Кера¹²³ к крепости, называемой Амургар¹²⁴. Забрав с собой остальные войска, он сам прибыл в большой город Чтур¹²⁵. Город этот находился в руках Насирдола Абдолхаб-хана¹²⁶, младшего брата наваба Мамад Али-хана, у которого имелось очень много боеприпасов. Наваб Бахдур отправил одного своего военачальника послом к Насирдола Абдолхаб-хану и предложил ему подчиниться, обещая большие подарки. Тот не согласился и начал войну, надеясь получить помощь от англичан из Мадраса или от своего брата. Но никакой помощи он не получил, ибо это было невозможно из-за бездорожья. Многочисленные войска наваба захватили всю его страну. Из-за отсутствия питания и боеприпасов войска Насирдола Абдолхаба начали покидать его¹²⁷.

Когда их осталось немного, Насирдола вынужден был добровольно сдаться. Он со своей семьей вышел из крепости и пошел в армию наваба, не встретив никаких почестей. Там отвели ему под жилье палатку (по приказу наваба) и держали под охраной. Затем наваб поехал в крепость Амбургарх. Градоначальник тут же без боя сдался и заключил договор. Наваб очень обрадовался этому и приказал сыну войти в город Чтур. Войдя в город, Типу начал беспощадно грабить народ. Когда весть об этом дошла до Мадраса, местные правители не поверили. Но вскоре до них дошла другая трагическая

весть—об ограблении Типу Схабом города Махмуд Бандара (т. е. Портново) и окружающих деревень и о пленении множества людей. Им были взяты в плен также некоторые именитые купцы: Мнер, Топхандра, Мнер Лайка—по национальности голландец, мистер Гоинхарии—по национальности англичанин и ряд индусских и магометанских купцов. Их всех закованными отправили в Бенклур. И вот, когда эти сведения дошли до Мадраса, все были потрясены, поднялся большой шум. Англичане стали срочно собирать большие войска и вести срочные приготовления. Они послали приказ в Гунтур¹²⁸ полковнику Беле¹²⁹, чтоб тот поспешил им на помощь. Получив этот приказ, Беле тотчас же подготовил войска, в которых насчитывалось 4 тысячи пехотинцев с несколькими пушками и некоторыми стенобитными машинами с большим снаряжением. Беле поспешно продвинулся и скоро добрался до Нелура¹³⁰. Когда генерал Монро¹³¹ узнал о прибытии Бейле в Нелур, он с хорошо подготовленными войсками также вышел из Мадраса и двинулся на противника. На пути Монро остановился в Кандживараме¹³², т. к. имел приказ от Мадрасского совета присоединиться к войскам полковника Беле. Генерал Монро отправил приказ Беле и подсказал ему, какими дорогами можно безопасно добраться до Кандживарана. Полковник Беле, получив приказ от своего командующего, возгордился и решил испытать свою судьбу. Он не захотел идти по той дороге, по которой приказал командующий, а пошел по другой. Ему хотелось одному завоевать славу великого победителя. Так он добрался до Текур Пуррибака¹³³, который находился в 8 милях от большой армии врага. Несмотря на то, что местность эта была лесистая, прибытие английских войск не осталось в тайне: разведчики¹³⁴ противника были рассеяны повсюду. Наваб Бахдур, узнав об этом, срочно продвинулся к Беле и со всех сторон окружил противника.

Генерал Беле, увидев, что он окружен, приказал войскам готовиться к бою. Он собрал всех своих солдат в один полк, расставил пушки и другие огнестрельные орудия и готовился выступить против врага. Считая силы врага ничтожными, он рассчитывал справиться с ним как с куском хлеба. Началось сражение, во время кото-

рого в армии Беле взорвался склад с порохом. Этот взрыв вызвал панику в войсках англичан. Генералу Беле долго не удавалось привести свои войска в порядок. Воспользовавшись этим, наваб Бахдур приказал своей коннице, не теряя времени напасть на противника. Конница наваба двинулась на англичан и, не встречая сопротивления, стала рубить их саблями. Наконец Беле, воодушевив свои войска, с трудом восстановил порядок и смог противостоять врагу, надеясь на помощь командующего Монро. Действительно, Монро послал ему в подкрепление один полк, но пока он добирался, окруженные английские войска были частично уничтожены, а частично взяты в плен. Сам генерал Беле был ранен. Из четырехтысячной армии едва 30 человек спаслись бегством, добрались до своих и сообщили об этой трагедии главнокомандующему Монро. Для Монро это было большим ударом, и он не знал, что делать, так как возлагал большие надежды на присоединение к войску Беле. Судьба сложилась для него неудачно. А в действительности, если бы они соединились друг с другом, то мне кажется, смогли бы победить Бахдура. Эта неудача убедила генерала Монро в том, что войска врага многочисленны и противостоять им невозможно. Оставалось только думать о том, как спасти свою жизнь и оставшиеся войска. А в это время командир французских войск в Мансуре мусье Пиморен поспешил к навабу Бахдур и сказал ему: «Наступила счастливая минута. Прикажи своим войскам быть наготове и незаметно продвинуться в Мадрас, т. к. я точно знаю, что Мадрас совершенно без охраны. Нашим войскам никто не окажет сопротивления и мы зайдем город». Наваб Бахдур, взвесив все «за» и «против», приказал своим военачальникам готовить армию для наступления на Мадрас.

Некий врач, по национальности немец, которого звали Чарлос Лайд, сказал Бахдур: «Повелитель мой, совет, который дал тебе месье Пиморен, неприемлем. Наши войска устали, надо дать им отдохнуть, а потом начинать сражение». Он уговорил его и наваб отменил приказ. А сам Лайд, между тем, в тот же день после захода солнца написал тайное письмо генералу Монро и передал ему все, что наваб хотел предпринять против

него. При этом немецкий врач обещал и в дальнейшем давать такие сведения, т. к. его никто не подозревает. Получив письмо, генерал Монро сразу написал ответ доктору Чарлосу Лайду, поблагодарив его за сообщение и обещав большое вознаграждение, если тот будет продолжать ставить его в известность о намерениях Бахдура. После этого Монро отдал секретный приказ готовиться к возможной встрече с врагом. Он приказал потушить светильники и, оставив лагерь, вышел со всем своим войском. Была плохая погода, поэтому они до утра с трудом добрались до небольшой крепости Чинклет¹³⁵. Утром разведчики сообщили навабу Бахдуру о случившемся. Тот приказал своей коннице немедленно преследовать войска генерала Монро. Конница дошла до Чинклета, но ничего не смогла сделать, так как засевшие в крепости англичане начали стрелять из пушек. Тогда войска Бахдура оставили крепость, направились в брошенный лагерь и разграбили его.

А доктор Чарлос Лайд, между тем, продолжал сообщать генералу Монро обо всем, что происходило в лагере Хайдара. Эти шпионские сведения очень помогали англичанам. Они вовремя принимали меры предосторожности, предупреждая намерения своего врага.

На третий день после этого наваб повернул свои войска к столице Аркат и со всех сторон окружил город. Градоначальник Арката Нджибхан, не надеясь ни на чью помощь, все-таки оказал сопротивление. Но у него кончились боеприпасы. И несмотря на героический отпор и большие людские потери, понесенные Бахдуром, Нджибхан был вынужден сдать столицу Аркат.

Заняв столицу Аркат, Бахдур приказал своим войскам разграбить город. Картина была страшной: солдаты не только безжалостно грабили и пленные людей, но варварски насильствовали их. Никто не спрашивал: «Что вы делаете?» После грабежа Гайдар созвал всех знаменитых купцов Арката, запретив им брать с собой что-либо из имущества, и сослал их в Бенклур и Срикпатаи. Награблено было очень много, т. к. город с древних времен был столицей всего Критака и владел большими сокровищами. Бахдур приказал восстановить город, построить новые красивые здания. Был открыт очень большой ры-

нок. Аркат хотя и был столицей, никогда не имел ранее таких красивых зданий. Вокруг города был великолепный сад, посаженный по приказу Махмада Али-хана. Он назывался Баги-Навабной-лаки, т. е. сад 99 лакхов. В саду, как уверяли, было 900 тысяч деревьев. Наваб Бахдур отдал приказ, чтобы никто из солдат не осмеливался входить в сад и рубить деревья. Если кто-нибудь сломает хотя бы ветку, то будет казнен. Около сада была поставлена стража, назначены садовники. Все награбленное наваб отправил в Бенклур и приказал одной части своего грабительского войска расположиться по всей стране (это на их языке называется лутис¹³⁶). А с остальной, наиболее храброй и отборной частью своих войск он двинулся на хорошо укрепленный город Велур¹³⁷, градоначальником которого был англичанин полковник¹³⁸ Ланк¹³⁹. Крепость эта была недоступной, строилась в давние времена из гладко отесанных камней, была окружена тройной крепостной стеной. Вокруг был глубокий ров, заполненный водой и кишачий крокодилами. Как только туда бросали хотя бы камень, крокодилы тут же бросались к нему. Окружив город, наваб стал время от времени предпринимать атаки против него, но градоначальник полковник Ланк храбро сражался. Осада города продолжалась 4 месяца. Убедившись, что так город не возьмешь, Бахдур решил испытать судьбу. Он приказал своим войскам на рассвете быть готовыми подняться на крепостные стены и начать штурм города. Как только начало рассветать, войска наваба, как бешеные звери, со всех сторон двинулись на город, но, добравшись до рва, не смогли пройти дальше и отступили. Осажденные во главе с полковником Ланком начали стрелять из пушек и, нанеся врагу большие потери, заставили их уйти. Гейдар потерял около 5 тысяч солдат. Воспользовавшись отходом врага, осажденные вышли из крепости и, захватив большие трофеи—боеприпасы и продовольствия,—вернулись в город. Большие потери огорчили наваба. Он со своим войском отошел в Кандживарам и пробыл там некоторое время. Оттуда он написал мне, Акопу Симониану (свидетелю этой истории), письмо, в котором говорилось: «Желаю тебе доброго здоровья. Сейчас я нахожусь в военном лагере. Мне нужно 20 флаконов розового

масла. Прошу тебя, пришли мне их и напиши, сколько они стоят, чтобы я послал тебе причитающуюся за них сумму». Получив это письмо, я пошел к градоначальнику Мадраса мистеру Джону Вудлу¹⁴⁰, который завтракал в это время с главнокомандующим, и показал письмо Гейдара. Он спросил: «Что там написано и почему я показываю ему это письмо». Я сказал, что делаю это потому, что письмо послал мне мой друг, с которым вы воюете, и я считаю себя обязанным показать его вам, т. к. живу под охраной Великобритании и не хочу иметь в будущем неприятностей. Прошу вас разрешить мне отправить Гайдару розового масла. Оба они, градоначальник мистер Джон Вуд и главнокомандующий генерал Мопро, дали разрешение. Они сказали: «Иди отправь. Но мы от тебя требуем, чтобы и в следующий раз, когда получишь от него письмо, ты дал нам знать об этом». Я отправил розовое масло, а Хайдар тут же прислал мне причитающиеся за него деньги.

Потом он приказал своим солдатам рассредоточиться по всей вражеской стране и непрерывно совершать набеги. Иногда войны Бахдура добирались даже до Мадраса. Несчастное население, проживающее вокруг, вынуждено было бросать свои дома и имущество и скрываться в Мадрасе. В городе начал чувствоваться недостаток припасов, невозможно было купить продуктов. В это время наша армянская община разделилась на три части: часть переехала в Трикбар¹⁴¹ и Некапатнам¹⁴², часть—в Мучли Бангар¹⁴³, а остальные остались в Мадрасе, чтобы быть свидетелями небесного наказания. Эта война не была похожа на обычную войну. Меч, голод и смерть—всегда эти три врага одновременно обрушивались на нас. Потому и называли эту войну небесным наказанием. Счастливы были те, которых не было среди нас, кто не стал свидетелем той трагедии, что пережил народ Мадраса. К тому времени уже прибыли французские войска с множеством военных кораблей. Из-за нехватки продовольствия в городе начался повальный голод, от которого многие умирали. Улицы покрылись трупами, на арбах их вывозили за город. Так продолжалось немало дней. Тогда набожные люди написали обращение, пошли по домам состоятельных людей и стали соби-

рать пожертвования для голодающих. Специально созданная комиссия из 6 достойных людей организовала кормление голодающих. Около городских ворот построили больницу, привлекли врачей для оказания помощи больным. Здоровых кормили один раз в день, а больных—два раза. Набожные люди из Банкала также собирали и послали немного денег для оказания помощи голодающим. Хотя денег было собрано много, но достать продовольствия, чтобы прокормить более чем 2 тысячи человек в день, было невозможно. Вскоре и это уже не помогало, т. к. в местах раздачи пищи ежедневно собиралась такая многочисленная толпа, что многим не хватало. На улицах все больше и больше встречалось трупов. Если и можно было что-либо купить из продуктов, то простой народ не в состоянии был это сделать, т. к. стоило все очень дорого. За 10 золотых не достать было даже маленького мешочка риса. А потому многие богачи превращались в нищих, а нищие умирали от голода. Со всех концов на кораблях судовладельцы доставляли продукты, но местные власти не разрешали продавать их народу,—они все скупали для себя и своего войска.

Когда эта весть дошла до Банкалы, генерал Кут, которому подчинялись территории, подвластные англичанам, вышел с многочисленным войском, деньгами, военным снаряжением и направился в Мадрас. Прибыв туда, он тут же сменил градоначальника, взял в свои руки управление городом и, соединившись с генералом Монро, послал разведчика в армию наваба Бахдура в Кандживерам к доктору Чарлосу Лайду. Разведчик сообщил доктору о прибытии главнокомандующего генерала Кута и обещал ему большие подарки, если он даст новые подробные сведения об армии наваба. Чарлос Лайд написал в ответ о том, что завербовал несколько человек и сам лично руководит их деятельностью. Что бы ни происходило в армии, он тут же сообщил об этом главнокомандующему. Никто его не подозревал, ибо он был главным врачом и всегда находился рядом с навабом Бахдуром.

Отдав ряд распоряжений генералу Монро, генерал Кут отправился в Бангалор. Генерал Монро расположил

войска вокруг Мадраса так, чтобы они сдерживали набег врага, добравшегося до города. Так прошло много дней, пока деньги в государственной казне совсем не истощились. Англичане начали брать деньги под проценты у народа. Но и это не помогло, т. к. расходы на содержание армии и на жалованье военнослужащим были очень большими. В результате отсутствия денег и довольствия англичане попали в положение нищих; вернувшийся главнокомандующий генерал Кут привез с собой немного денег и начал готовиться к встрече с неприятелем. Но и этих средств хватило ненадолго. Англичане вынуждены были опять брать деньги под большие проценты у ростовщиков Банкала, чтобы обеспечить военные приготовления. Закончив подготовку, генерал Кут вышел со своими войсками и начал с большой осторожностью продвигаться к Пунтишеру, а оттуда в Гуднур. Все необходимое доставляли в лагерь Кондживаром, где на кораблях находилась войска.

Наваб Бахдур приказал своим трем высшим командующим—сыну Типу Султану, Мир Схабу с 50-тысячной конницей и коменданту Мамаду Али с 6 тысячами пехотинцев—готовиться в поход на английскую армию. Они незамедлительно выполнили его приказ. Сам наваб отправился в Чттур.

Пришел час, когда доктор Чарлос Лайд приступил к осуществлению своего кровавого замысла. Пользуясь тем, что наваб Бахдур доверял ему и очень любил, Чарлос Лайд добился разрешения отправить свою жену в Пунтишеру. Затем, по поручению англичан, он связался с комендантом Мамед Али-ханом. Доктор Лайд обещал Мамаду Али 50 тысяч рупий и подарки за измену навабу Бахдuru. Англичане стремились заполучить Мамада Али-хана, потому что он был храбрым и знаменитым полководцем, командовавшим 6 тысячами пехотинцев. Добившись согласия Мамеда Али-хана, Чарлос Лайд перешел в английскую армию. Здесь его приняли с большими почестями. Генерал Монро наградил его 3 тысячами, а генерал Кут—5 тысячами рупий. Кроме того, они ему письменно обещали до самой смерти ежемесячно влатить жалованье в 125 золотых. На небольшой лодке он отиравился в Пунтишеру, забрал свою жену и вернулся в Мадрас.

Когда войска наваба Бахдура, отправленные против англичан, заняли позиции между Гундура и Портнов, обе стороны начали готовиться к битве.

Комендант Мамад Али-хан, стоявший у подножья одного из холмов, приказал своим войскам, чтобы они, как только начнется бой, стреляли вхолостую. Он передал генералу Куту: «Не беспокойтесь, мои солдаты получили соответствующий приказ». (Он надеялся на награду, которую ему обещали через Чарлоса Лайда). Эта весть очень обрадовала генерала Кута, т. к. он был уже наготове, но не решался начать сражение из-за многочисленных врагов.

Типу Султан и Мир Схаб, не знавшие об измене коменданта, храбро вступили в бой. Началось сражение, во время которого Мир Схаб получил тяжелое ранение и войска его покинули поле битвы. Когда об этом сообщили Типу Султану, тот огорчился, т. к. Мир Схаб был его дядей по матери. Типу тоже пришлось отступить. После этого англичане приободрились, начали преследовать отступающие войска врага и многих из них убили. Таким образом из-за предательства одного человека была разгромлена многочисленная армия. Думаю, что если не было бы этой измены, английская армия была бы разбита.

После сражения изменник Мамад Али-хан не раз отправляя одного из своих преданных людей к англичанам за обещанными ему деньгами. Генерал Кут каждый раз любезно отвечал, что денег в казне пока нет и просил чуточку подождать, уверяя, что в течение короткого времени выполнит свое обещание. Но он так и не отдал Мамад Али-хану ни одной копейки...

Весть о гибели Мир Схаба и уничтожении многочисленного войска сильно подействовала на Бахдура. Он горько оплакивал смерть Мир Схаба, которого очень любил. Наваб приказал своим войскам продолжать набег и нашествия. В лагере он оставался еще месяца 2 или 3, где и заболел раком. Бахдур вызвал врачей, обещая им большие подарки, если излечат его. Врачи старались найти какой-нибудь способ исцеления, но ничего не сумели сделать, т. к. настал его час. Перед смертью наваб позвал к себе своего преданного слугу Айюб Мах-

мада и сказал: «Ты долгое время преданно служил мне, за это я тебя очень любил. Теперь я хочу, чтобы ты после моей смерти с такой же преданностью служил моему сыну. Труп мой отвезешь в Срикпатаи, пусть там похоронят меня в саду Лал-баг, т. е. Красный сад. Этот сад я посадил своими руками и хочу, чтобы мое тело было погребено там. Поручаю тебе после моего ухода из этого мира беречь мой престол с великой осторожностью. Как придет мой сын Типу Султан, передашь ему престол, пусть он будет владыкой всего моего наследства и вашим настырем вместо меня. Все подчинитесь ему, как подчинялись мне». Когда было составлено завещание, он повернулся лицом к стене и пролежал так два часа. Затем присел на постели, велел позвать своего младшего сына Керим Схаба и приказал всем выйти.

С ним остались только его сын Керим Схаб, Айюб Махмад и еще несколько близких и преданных людей, которые служили у него. Он обратился к сыну: «Сын мой, чувствую, что пришел час моей смерти, и я ухожу из жизни. Ты еще молод, потому я и поручил моему верному слуге Айюб Махмаду после моей смерти с великой осторожностью беречь престол, пока придет твой брат. Все должны верно служить ему. И ты будешь верным брату своему». Сказав это, он обнял, поцеловал сына и велел всем уйти из комнаты. Сильная боль начала мучить его. Он жил еще три часа. Так 7 декабря 1782 г. скончался он от рака, прожив на свете 65 лет, будучи счастливым, удачливым и храбрым правителем.

КОММЕНТАРИИ И ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ИСПРАВЛЕНИЯ

1. Говоря «солдат», автор имеет в виду «военнослужащий». Фатех Мухаммед (Фатех Джанг, в армянском тексте—Фаты Джанги) командовал отрядом, состоящим из 70 всадников и 300 пехотинцев. Он находился на службе у правителей Майсура.

2. Фаты Джанги—Фатех Джанг в конце жизни получил прозвище Немид-хан.

3. Хайдар Али родился в 1311 г. хиджри, т. е. между 1718—1719 гг.

4. Колар—древний город в Майсоре. На самом деле Хайдар Али родился не в Коларе, а в маленькой крепости Динавели или в Будикоте во владениях своего отца, недалеко от крепости Колар.

5. Ибрагим Схаб (Ибрагим Сахиб) дядя Хайдара Али. Симониа часто упоминает его. О нем как о дяде (брате матери Хайдара) один раз упоминает Вилкс. В остальных источниках он не фигурирует как дядя или покровитель Хайдара. Тем не менее сообщение армянского источника об Ибрагиме Сахибе, как об одном из выдающихся полководцев майсурской армии, участвовавших во многих операциях, можно считать верным.

6. Все рассказанное носит легендарный характер. На самом деле, отец Хайдара—Али Фатех Хайдар погиб в одном из сражений в 1728 г. Между прочим, Хайдар не был единственным сыном Фатех Мухаммеда, у него был брат по имени Шахбаз.

7. По другим источникам, покровителем Хайдара Али был один из его дальних родственников.

8. По Чолат Мухаммеду, старший брат Хайдара Али—Шахбаз, а не дядя выделил небольшой отряд из 5—6 всадников и 50—60 пехотинцев своему брату Хайдару.

9. Мансур (Майсор)—княжество в Центральной Индии. Речь здесь идет о радже из династии Водейров, который, однако, в тот период фактически не правил Майсуром.

10. По свидетельству майора Стюарта, в 1742 г. Хайдар Али получил от правителя Майсора титул нанка. («Нанк» означает «командир», «начальник»). Как сообщает Вилкс, по ходатайству Ибра-

гим Сахиба в 1749 г. Хайдар получил титул наика от главнокомандующего майсурских войск Десараджи.

11. Автор имеет в виду борьбу между французским ставленником Чанда Сахибом и «правителем» Карнатика, ставленником англичан, Мухаммедом-Али.

12. Пунтишери (Пондишери)—см. комментарии к «Истории Индии» Т. Ходжамалияна.

13. Тшампул (Тричинополи, Тиручираппалли. Между прочим, город Тричинополи называют Тшампул почти все армянские источники, написанные в Индии)—в XVI—XVIII вв. хорошо укрепленная крепость государства найяков—правителей Мадур. Крупный центр торговли и ремесла, славился изготовлением и обработкой драгоценных камней. Благодаря своему стратегическому положению этот город-крепость считался ключом к югу Индии. Кто владел Тричинополи, тот господствовал над всеми княжествами крайнего юга, основными путями из Танжера в Майсур и из Карнатика на Малабар.

14. Эти цифры сообщаются впервые.

15. Автор ошибается, Чанда Сахиб был не правителем, а диваном Карнатика.

16. Чанта Схаб (Чанда Сахиб)—см. примечание к «Истории Индии». Здесь допущена неточность: майсурские войска сражались не на стороне Чанда Сахиба, а против него. По-видимому, здесь должен быть не Чанда Сахиб, а Мухаммед Али.

17. Автор явно путает более ранние события с событиями 1751 г. Рани, правительница Мадур, была вероломно взята в плен Чанда Сахибом и казнена в Тричинополи в 1731 г. В этих событиях войска Майсура не участвовали.

18. Тут также допущена ошибка. Эта кампания, в которой участвовал Хайдар Али, кончилась тем, что Чанда Сахиб попал в плен к Мухаммеду Али и был казнен. Мухаммед Али, а не Чанда Сахиб после снятия осады с Тричинополи и победы решил не выполнять своего обещания. Он не отдал Тричинополи Майсуру и не «вознаградил» Хайдара Али.

19. Срикпатаи (Серингпатам) был столицей Майсурского государства. В 1799 г. ограблен англичанами.

20. К сожалению, источник не сообщает подробностей и настоящих причин вражды между раджой и Нанджараджей. Кроме личной вражды, там были более серьезные причины. Военная политика Майсура терпела крах. Нападение Хайдарабада в 1755 г., затем маратхов в 1757 г. довели Майсур до финансовой катастрофы. Войска, давно не получавшие жалованья, сели в дхерна (сидячий протест.— Р. А.) у дверей главнокомандующего. Раджа и Нанджарадж обвиняли друг друга в создавшемся положении. Вот в таких условиях произошло столкновение между раджой и его главнокомандующим. А. Симонян прав, что Хайдар был на стороне раджи, отстранил главнокомандующего и сам занял его место. Это подтверждают и другие источники.

21. Махмат Али-хан—Мухаммед-Али, наваб Карнатика.

22. Крнтак (Карнатик)—княжество на восточном побережье Южной Индии.

23. Эти подробности о численности войск Майсура и Карнатика впервые встречаются у Акона Симоняна.

24—27. Симонян тут что-то путает, на самом деле хайдаровской армией в это время были взяты майсурские крепости Полни и Вирупанька.

28. Кос—мера длины в Индии.

29. Махтум Али-Хан—один из высших командиров армии Хайдара Али.

30. По Лангле, 5000 кавалерии и 3000 пехоты (см. Лангле, Гайдар Али, стр. 10).

31. По другим источникам, Гайдар не по приказу раджи, а сам уехал в свою летнюю резиденцию. (см. Лангле, Гайдар Али, стр. XI).

32. Колорама (Колерун, Колидион)—приток р. Кавери. Серинганатам стоит на Кавери, но автор, видимо, жил на побережье, где Кавери впадает в море двумя рукавами—южнее Кавери, севернее Колерун. Тут речь идет о Серинганатаме.

33. Действительно, дворцовая клика, недовольная Хайдаром, хотела отстранить его от власти. Главным организатором заговора стал Кханде Рао, бывший главный муттасанд (писец) Хайдара, его представитель во дворце раджи. Нападение на лагерь Хайдара, по Н. К. Синху, было назначено на 12 августа 1760 г.

34. По другим сведениям, Хайдар забрал все богатство, бросил семью, армию, переправился на тот берег Кавери и удрал в Бангалур. Число верных Хайдару солдат было гораздо больше—3000 человек, но они находились вдалеке от стана главнокомандующего и были отрезаны от лагеря Хайдара. По другим источникам, оставшихся вместе с Хайдаром солдат насчитывалось 300.

35. Бенклур (Бангалур) был основан как военная крепость в XVI в. и долгое время имел важное военно-стратегическое значение. В XVII в. входил в состав Маратхского государства. Хайдар Али поехал именно в Бангалур, потому что там находилась часть его войск во главе с Исмаилом Сахибом, подготовившим поход на Аркат. После завоевания Индии англичанами Бангалур был превращен в центр колониальной и военной администрации.

36. В Бангалур был послан Камар Бек.

37. Имя Али Араба из Кермани и других источников не известно.

38. По Хаувадана Рао, Хайдар из Понтишери вызвал свой 7-тысячный корпус.

39. «Диван»—первый министр и министр финансов.

40. Об этих хитростях Хайдара Али было известно, но такие детальные подробности сообщаются впервые.

41. Об этих и других связанных с ним фактах впервые сообщает Симонян.

42. Нарсидас (Нарсингхдас)—об этом впервые сообщает Симонян.

43. Лакх—100 000 рупий.

44. По сообщению самого Симоняна, в период Хайдара Али 1 хун равнялся 4 рупиям.

45. На самом деле эти события происходили гораздо позже, в 1759 г. По всей вероятности, эта ошибка издателя текста «Жизнеописания», а не автора. Трудно поверить, что автор «Жизнеописания» Симонян, современник, человек близко стоящий к Хайдару Али, мог так ошибиться. Во всех древнеармянских рукописях до середины XIX в. вместо цифр употребляются армянские буквы. Читатели, не разбирающиеся в тексте, путают похожие буквы и в результате порой получают грубые ошибки. Это еще усложняется тем, что в Индии армяне пользовались двумя летосчислениями. Издатель текста, по-видимому, расшифровывая цифры, допустил ошибку. Между прочим, эти ошибки в отношении летосчисления встречаются довольно часто.

46. В некоторых местах в армянском тексте слово «рани» написано с большой буквы, поэтому создается впечатление, что это собственное имя. На самом деле слово «рани» означает «царница».

47. Дата неверна. Разве что в 1759 г.? Тут повторена та же ошибка, которая объяснена выше.

48. Хесур (Хосур)—небольшой город на северо-востоке Майсура.

49. Хесикота (Хоскот)—город на северо-востоке Майсура, владение мелкого палаяккара, аннексированное Хайдаром Али в 1741 г., несколько раз переходил то к маратхам, то к Майсуру. В последний раз в 1771 г. наваб Хайдар Али отобрал Хоскот у маратхов.

50. Баламур (Дод Баламур)—небольшой город на северо-западе Майсура. Дод Баламур был завоеван и присоединен к Майсуру в 1761 г. Несколько раз был захвачен маратхами, затем отвоеван Майсором.

51. Чик Баламур (Чик-Баламур)—хорошо укрепленная крепость на севере Майсора.

52. Санур Банкапур (Саванур Банкапур)—небольшое княжество на севере Майсора за рекой (севернее) Варада, находившееся в вассальной зависимости от Бендура.

53. Хаким-хан—патамский наваб в Савануре. Много раз в союзе с маратхами вторгался в Майсор: в 1776, 1770, 1760 гг. и т. д.

54. Неманл Схаб (Неманл Сахиб)—один из высших командиров армии Хайдара Али.

55. Гедарабат (Хайдарабад)—см. примечание к тексту «Истории Индии».

56. Низам Али-хан (Низам Али-хан)—правитель Хайдарабада, заменивший своего брата Салабата Джанга в 1762 г. За 40 лет правления в борьбе против маратхов, Майсора и во внутренней феодальной борьбе сумел упрочить и нормализовать положение династии, которая до Низама Али находилась на грани уничтожения.

57. Дакан (Декап)—область в Индии.

58. Хайдар Али титул «Бахадура» получил в 1759 г. от своего майсорского раджи, фактически ставшего пленником Хайдара. «Бахадур» означает «храбрый», «герой», «богатырь». Этот титул обычно в Индии присваивали главнокомандующим, великим полководцам.

59. Сира—город на северо-западе Майсора, крупный центр торговли, качества и т. д. В 1761 г. Сира за 300 тысяч рупий был куплен Хайдаром Али у Васалат Джанга.

60. Оврангзиб (Аурангзоб)—правитель Индии (1658—1707).

61. Биднур (Бендур, Хайдарнагар)—один из самых больших городов своего времени в Южной Индии (на западе от Майсора). Благодаря своему стратегическому положению господствовал над горными проходами из Малабара и Канары.

62. Ранн Биднур—«Королева Биднур», так называли этот город имея в виду его красоту, богатство, многолюдность, хорошее местонахождение и т. д. Столица одноименного княжества.

63. По другим сведениям, Хайдар Али вступил в Бендур не для решения спора между наследниками трона, а для того, чтобы восстановить на престоле местного «Лжедмитрия»—юношу, выдававшего себя за сына покойного правителя, спасшегося от убийства людьми, подосланными регентшей Бендура. См. К. А. Антонова. Английское завоевание Индии..., стр. 179.

64. Действительно, против Хайдара был организован заговор дворцовой клики, который был раскрыт. Часть организаторов заговора Хайдар уничтожил, а часть сослал в далекую крепость Маджурири.

65. Кост-Малавар—побережье Малавар (Молабар).

66. Мир Садик (Мир Садык)—впоследствии глава финансового и налогового ведомства Майсорского государства.

67. Васаладжанк (Басалат Джанг)—младший брат Низама Али-хана. Долгое время претендовал на престол Хайдарабада, вел войну против брата. Это он в 1761 г. за 300 тыс. рупий продал г. Сиру Хайдару Али.

68. Мафус-хан—один из братьев Мухаммеда Али. О его восстании против брата говорится впервые.

69. Дж. Смит—полковник английской колониальной армии в Индии. А. Симонян иногда ошибочно называет его генералом. Руководили рядом неудачных походов и сражений против Хайдара Али. Это он командовал английскими войсками во время битвы при Чапгаме в 1767 г.

70. Англичане ворвались на территорию Майсора 14 августа 1767 г.

71. Кшантури (Чангама)—город Карнатика, под которым в 1767 г. в первый раз полковник Смит разбил войска Майсора и Хайдарабада.

72. Рамджани—человек низкого происхождения от родителей смешанных каст.

73. Коларатни—дословно «черная драгоценность».

74. Дубрин (Ж. Дюпре)—член Мадрасского совета, позднее губернатор Мадраса. Действительно был посредником при переговорах между Хайдаром Али и Мадрасским советом.

75. Стрессин (Стриттон Дж.)—член Мадрасского совета, губернатор Мадраса (1776—1777). Хауадана Рао вместе с Стриттоном вторым посланником в Майсор, упоминает Джорджа Бурчера—брата губернатора.

76. Особенно долгих споров между Хайдаром Али и англичанами не было, основные споры шли между Мухаммедом Али и англичанами. Мухаммед не был доволен уступками англичан в ущерб Карнатика.

77. Договор между Майсором и англичанами был подписан 3 марта.

78. Ангухар (Али Гоухар)—шах Алем П. См. прим. к «Истории Индии».

79. Бюкенен, говоря о насильном переселении населения города Сира, указывает цифру в 12 000 человек.

80. Шахгранджам (Шахр-Ганлжам)—город в Майсоре, недалеко от Серинганатама. В период правления Хайдара Али этот новоотреченный город в основном был населен переселенцами из города Сира.

81. Ализаман-хан (Али Заман-хан)—один из приближенных и высших офицеров Хайдара Али.

82. Имам Схаб (Имам Хасиб)—по-видимому, претендент на карнатинский престол, находившийся при дворе низама Хайдарабада.

83. Оврангзиб (Аурангзёб)—см. примечание к тексту «История Индии».

84. Явная ошибка, эти события происходили на самом деле не в 1769 г., а в 1771 г.

85. Акон Симонян говорит об окружении и разгроме войск Хайдара Али и Типу султана маратхами 7 марта 1771 г. около г. Чинкурли.

86. Хайдар понес большие потери: по подсчетам Синха, приблизительно 40—45 орудий, 20—25 слонов, 7—8 тыс. коней.

87. Из армии наваба действительно спаслось очень мало людей. В этом бою сам Хайдар и Типу Султан избежали плена. Почти все высшее офицерство, участвовавшее в этом сражении, попало в плен, в том числе Али Заман-хан, Мир Али Риза, Ясим-хан, Абдул Мухаммед и др. Рассказывают, что Хайдару удалось бежать случайно. Попавшего в плен Ясим-хана, который был очень похож на Хайдара, маратхи приняли за правителя Майсура. Они поняли свою ошибку спустя несколько часов, начали искать Хайдара, но уже было поздно.

88. По другим источникам, сумма, которую Майсор должен был заплатить маратхам, равнялась 7,5 млн. рупий. См. К. А. Антонова, Англо-французская борьба и роль государства Майсора в 1769—1784 гг. В сб. «Из истории общественных движений и международных отношений», стр. 127.

89. Мир между маратхами и Майсором был заключен гораздо позже. Стычки между врагами продолжались до июня 1772 г.

90. Кишнари (Кришна-Кришна)—река на юге Индии, на плоскогорье Декан. В упомянутое время река Кришна была границей между маратхами и Майсором на севере Майсора.

91. Читлдрук (Читталдруг)—сильно укрепленный город-крепость на севере Майсора. Тут и далее речь идет о взятии этой крепости и пленении читаллдругского Палайккара Хайдаром Али в 1779 г.

92. Таркула (Тринколур)—форт на Малабарском побережье. В апреле 1782 г. Хайдар под Тринколуром был разбит англичанами.

93. А на самом деле Читталдорг был окружен войсками Хайдара во главе с Файз Алиханом. Палайккар вынужден был заплатить дань в 70 тыс. рупий—гораздо больше, чем до этого. Насколько

точные сведения, сообщаемые А. Симоньяном, неизвестно, но правда, что Хайдар оставил Палайккара владыкой своей страны и даже обещал вернуть ему захваченные районы. Палайккар имел право держать лишь 2000 солдат пехотинцев и 300 конников для личной охраны. Он вынужден был согласиться на вассальную зависимость от Майсора и получить свои владения уже как джагир (стоимостью в 50 тыс. рупий).

94. Об этой второй попытке Хайдара заключить мир с маратхами впервые сообщают армянские источники. Во всяком случае Хаувадана, Синха, Лангле и Робсон ничего не говорят ни о попытке Хайдара заключить мир с маратхами, ни о поездке Али Риза-хана делегатом в Пуну и его измене.

95. Тут речь идет о втором походе и окружении Читталдрога (первый поход был в ноябре 1770 г.).

96. По Хаувадана Рао, не 80 000, а 60 000 маратхов послали на помощь своему союзнику. Согласно тому же Хаувадана Рао, маратхские войска сопровождали читталдрогские проводники.

97. О таких больших потерях во время столкновения войск Майсора и маратхов (20 000) сообщается впервые. По-видимому, А. Симоньян говорит о битве при Парави.

98. Карпа (может быть, Кириба или Кирпа)—небольшой город-крепость в Савануре в вассальной зависимости от Хайдарабада.

99. Симоньян ошибается, эта последняя осада Читталдрога продолжалась всего несколько месяцев.

100. Сикршети (Сенгар-Сетх)—о нем впервые говорится в армянском источнике.

101. Известно было, что в осажденном Читталдроге против Палайккара действовала группа предателей, эти подробности впервые сообщает Симоньян.

102. Капитуляция по другим источникам произошла не в конце, а в начале марта.

103. Правитель Читталдрога сдался лишь тогда, когда войска Хайдара в результате измены ворвались в город и барабанным боем известили о своей победе.

104. Пуркам (Пурная)—один из видных политических деятелей Майсорского государства. Своей быстрой карьерой он был обязан тем услугам, которые оказал Хайдару Али еще в самом начале его деятельности.

105. История взятия Карпы изложена очень путано. Получалось так, что Карпу Хайдар Али брал два раза. В первый раз назначил градоначальником Мир Сахиба. Во второй раз он неожиданно снова напал на Карпу, совершив большой переход, хотя часть его войска и не отходила оттуда. Вероятнее вторая версия, т. е. заранее Хайдар отправил в Карпу Мир Сахиба с 600 всадниками, а потом прибыл туда сам. Возможно, что А. Симоньян хотел рассказать о событиях при Карпе, прервал изложение и в дальнейшем начал снова, притом более подробно.

106. Седот (Садхост)—крепость вблизи Сира.

107. Об этом инциденте между Хайдаром и его сыном Типу Султаном другие источники ничего не сообщают.

108. Саванур—небольшое княжество на северо-западе Майсора, находившееся в вассальной зависимости от маратхов.

109. Керим Схаб (Керим Сахиб)—младший сын Хайдара Али.
110. Балмукундас (Боламукунд)—один из богатых кушцов Майсора.
111. Бокенадж—об этом купеческом доме ничего не известно.
112. Катак (Каттак)—город в Индии, до 1756 г. административный центр штата Орисса; расположен в дельте реки Маханда.
113. Пона (Пуна)—город на юге Индии, в XVIII в. столица державы Пена, административный центр Маратхского государства Махараштры.
114. Нетрудно догадаться, что в этих секретных письмах, отправленных Хайдаром в Дели и Каттак, он уговаривал заключить союз против англичан.
115. Обращение Хайдара к английским войскам для ходатайства перед Мухаммедом Али и двойная игра англичан объясняются легко. Правда решением парижского договора 1763 г. Муххамед Али был признан правителем Аркота, т. е. правителем Карнатика, однако фактической властью он не обладал и был марионеткой в руках англичан. См. К. А. Антонова, Английское завоевание Индии..., стр. 195.
116. Явная ошибка издателя. А. Симонян не мог говорить о событиях 1780 г., очевидцем и участником которых он сам был по его словам и датировать это событие 1787 г.
117. Мани (Моз)—маленький портовый город в Южной Индии, на Малабарском побережье Индии, южнее Телличери. В указанный период был небольшим поселением, центром французских колониальных владений на этом побережье Индии. В Моз, кроме порта и поселения, входило несколько деревень. ныне входит в состав штата Керала.
118. Тут речь идет о Людовике XVI.
119. Васаладжанк—(Салаварджанг).
120. Муси Лали (Лали Толланда)— См. комментарии к «Истории Индии» Т. Ходжамалияна.
121. Пиморен—командир французского отряда воядников (около ста человек), посланного к Хайдару.
122. Махмуд Бандар—Портново (Порто-Ново)—небольшой город-порт на Бенгальском побережье между Куддалуром и Девикно-та. Тут автор говорит о неожиданном захвате Порто-Ново войсками Тиму Султана и об ограблении домов богатых кушцов в 1780 г.
123. Кера (Кора)—округ, близ Ауа.
124. Амургар (Амбургарх).
125. Чтур (Читтур)—город в Карнатике.
126. Насирдола Абдолхаб-хан (Насир-уд-доул Абд-ул-Вахаб-хан)—о нем впервые говорится в армянском источнике.
127. Абд-ул-Вахаб сдался с условием, что ему и семье будет разрешено поехать в Мадрас, но Хайдар, вместо Мадраса, отправил его в Серингапатам.
128. Гунтур (Гундур)—город в Андрхе, находившийся в вассальной зависимости от Хайдарабада.
129. Беле (Бейле Дж.)—полковник английской колониальной армии в Индии. У Симоняна Бейле ошибочно называется генералом.
130. Нелур (Неллур)—город в Южной Индии в штате Андхра-

Прадеш, на реке Панна. В упомянутое время был крупным портом и торговым центром Карнатика. В 1769 г. вместе с Девикотской областью Неллур был передан Мухаммедом Али англичанам в джагир.

131. Монро (1751—1827)—генерал английской колониальной армии в Индии, служил в секретном отделении английской армии, активный участник второй англо-майсурской войны, участник осады Серингапатама.

132. Кондживарам (Кондживерам)—город в Южной Индии на реке Пеннар, между Неллуrom и Чинкленатом на юго-западе от Мадраса.

133. Такур-Пурибак (Поллалур-Перамбакум)—местечко на расстоянии 9 миль юго-восточнее от Триколора.

134. По-видимому, в самом деле очень хорошо работала майсорская разведка. Из других источников мы знаем, что Хайдару были известны самые мелкие подробности о войсках Бейле. Есть предположение, что проводник Флейча, который привел английские войска по другой дороге, также был агентом Хайдара.

135. Чинклет (Чингалнат)—небольшая крепость в Аркате.

136. Лигус (лут) на перс. яз. означает «грабеж», «с»—обозначает английское множ. число. Автор имеет в виду нерегулярные войска, которые остались с гарнизоном и нанесли ущерб противнику, грабя страну.

137. Велур (Веллур)—город в Южной Индии на севере штата Мадрас, на реке Палат. Хорошо укрепленная крепость, образец индийской военной архитектуры.

138. Колонель (Colonel—англ.)—полковник.

139. Симонян ошибается. Тут речь идет о полковнике английской колониальной армии в Индии Джоне Вуде.

140. Джон Вутл (Джон Вуд) благодаря своим связям был назначен Мадрасским советом главнокомандующим английской армии, действующей против наваба Бахадура. Он так бездарно руководил армией, что его отстранили от командования.

141. Трикбар (Транкебар)—город в штате Мадрас.

142. Некапатнам (Негапатианам)—город в Индии, в штате Мадрас, в дельте реки Кавери.

143. Мучли Бантар (Мачлибантар)—город и порт в Индии, в дельте реки Кришна в штате Андхра-Прадеш.

R. A. ABRAHAMIAN

EIGHTEENTH CENTURY ARMENIAN
SOURCES ON INDIA

Summary

The mutual economic, cultural and scientific relations and ties between Armenians and Indians are of long standing. They originate before our era and continue in our own days. They intensified as the first Armenian settlers set foot on the hospitable land of India where they won the affection and respect of the Indian people and presently began to enjoy the patronage of the local authorities.

It is but natural that this age-old friendship and relationship should be reflected in Armenian historiography and sources of origin. Manuscripts in profusion on the history of India and the Armeno-Indian relations have been preserved in the repositories and archives of Armenian manuscripts and documents in Yerevan, Venice, Vienna, Jerusalem, New Julfa and other cities. Those unpublished writings have not so far been handled for special study. To be more precise, the present publication deals for the first time with the sources relating to the history of India. A number of problems on the relationship of the Armenians and the Indians are touched upon in outlines of the history of the Armenian people or in writings treating of Armenian communities in India.

In this respect the works of the following authors are worthy of mention: Seth (Setian), Harutyun Ter-Hovnanian, Ghevond Alishan, Prof. Leo, archbishop Torgom Kushakian, S. V. Ter-Avetissian, academician A. B. Karinian, Arshak Alboyajian and others.

The foregoing studies are as interesting as valuable, yet they shed light only on one aspect of the problem under discussion. In them the Armenian sources are very infrequently referred to as far as the above-named problem is concerned. In almost all of those works the history of the Armenian communities in India and the Armeno-Indian relations are viewed independently of the history of the political and economic life in India.

Despite the multitude of evidence, both hand-written and archival, on the issue, their bulk is not as yet published while some of them, written in classical Armenian, have sunk into oblivion.

Unfortunately, no reference list or any other similar work is available as yet that might include the more significant Armenian sources on India and Armeno-Indian relations with a collation of the classical Armenian texts with the Russian translations. A task of that magnitude would prove not only of inestimable value to the history of India but would alike lay bare, to a great measure, some perversions of historical truth by bourgeois and particularly by English historians who have approached the matter from colonial standpoint.

It is common knowledge that many representatives of old and modern English and West-European historiography seek to picture in their publications the colonial conquest of India as an illustration of peaceful intentions. They professedly claim that the English had gone to India as mere merchants, and that disturbances had hindered their trade. They conclude therefore that those trades-

people had been compelled to take the reins of power into their hands and bring law and order to India.

The bourgeois historians qualify the liberation movement of the Indians as a rebellion against the Europeans, as fanaticism and barbarism and praise, on the other hand, the oppressors of the Indian people, presenting the brutal acts of the Europeans as „defence of the legitimate rights and property of the tradesmen“.

The English bourgeois historians are out in their efforts to convince that the colonial countries including India and her people had from the start put up with colonialism and were even profoundly grateful to it for the civilising mission it carried. In fact British rule over the people of India resulted in abject poverty and recurrent starvation that took away millions of lives, kept the people in a state of total illiteracy and the like.

The peoples of India would never submit to the enslavement of their motherland. From the very first inroads of Europeans into their country they put up a heroic and stiff resistance to the invaders.

The Armenian sources, especially those under study, are diametrically opposed to the English sources. They tell us of numerous interesting instances of the heroic struggle that the people of India waged against British and other colonisers from the very first day of the country's conquest. They also truthfully picture the exploitation of the people together with the terrific consequences. The Armenian sources assist in repudiating the so-called civilising role of the colonisers as claimed by British bourgeois historiography. Thus the Armenian chronicles present a true picture of a number of issues on Indian history.

Furthermore, they give a clear idea of the more than 200 year-old friendly ties of the Armenian and Indian peoples. They betoken the identity of culture, language,

mythology, creative endeavours that have brought the two peoples together. No trace is to be found in those sources and chronicles that would hint at some hostility or conflict between those two peoples.

An investigation of the Armenian sources and chronicles on India and the Armeno-Indian relations would also considerably promote the study of the long-standing bonds between the peoples of the U.S.S.R. and those of India and thereby further the friendly feelings that exist between the two great peoples today.

We have accordingly entitled our book: „Armenian sources on India and Armeno-Indian relations in the 18th Century“ (a. „A History of India“ by T. Khojamalian; b. „The Biography of Hyder Ali“ by Hakop Simonian).

We have picked out those evidences among others not only because the existing rare printed copies of those sources in classical Armenian preserved in the museums of the U.S.S.R. and remaining so far untranslated into other languages, have not won recognition in the world of science and are not as yet made the object of special study. We have been guided also by other motives in making the choice: the former almost entirely and the latter substantially deal with the heroic struggle of the Indian peoples against British colonisers.

To give a fuller notion of „A History of India“ and „The Biography of Hyder Ali“ the author has translated, in addition to an historic analysis and investigation, both texts from classical Armenian (Grabar) into Russian. They have not been translated into other languages and are rendered into Russian for the first time.

The author has also sought to restore, as far as possible, the correct orthography in the classical Armenian text and rectify the lexical distortions so as to offer the reader the accurate text, the closest to the original.

We thought it necessary to correct in the Russian

translation certain proper and geographical names and point to the obvious mistakes some of which are made, in all probability, not by the authors themselves but by the scribes or publishers. All such cases are mentioned in the references.

The proper and geographical names in the classical Armenian texts are preserved as they are written by the authors themselves whereas the footnotes and remarks of the Russian translation are reproduced in modern orthography.

The major designations, geographical denominations and terms are elucidated in remarks and notes.

The First Chapter of the present publication treats of the Armeno-Indian relations from ancient times to the 18th century.

The Armeno-Indian economic, cultural and scientific relations go deep into the past. Being situated on the cross-roads of caravan routes between the East and the West, Armenia had achieved cultural and economic ties with India before our era.

The long distance, the split up of India into various kingdoms and princedoms and the subsequent loss of sovereignty of the Armenian state could not possibly lead to the conclusion of a political alliance between Armenia and India. These were, in the main, contacts of economic nature. According to both Armenian and foreign sources the Armenian towns of Artashat, Metsbin, Dvin and others were, in the Middle Ages, centres of barter with India. The information at hand points to the fact that the journeys were mutual.

The chief items of Indian export to Armenia were: precious stones, medicinal herbs and substances. The Armenians exported to India largely coloured hides and various dyes.

The Armeno-Indian trade relations continued also in the succeeding centuries. They strengthened and acquired a new quality; the visits of Armenians to India grew in number as the first Armenian colonies began to appear on the hospitable Indian soil. Until recently the emergence of the first Armenian settlements in India was dated back to the 17th century. Fresh evidence shows that one of the first Armenian communities to spring into existence on the Malabar coast of India was as far back as the 7th century.

During the 16th—17th centuries regular Armenian communities were already in existence particularly in the coastal towns of India. They had won the affection and respect of the Indian people and enjoyed the patronage of the local authorities.

Emigration of Armenians from their native country meant, during the 17th—18th centuries, the setting up of Armenian colonies in India. As time went by they multiplied in number, and the part the Armenians began to play in Indian life grew more significant. The Armenians adapted themselves in the 18th century to the new historic conditions, consolidated the old communities and contributed to the emergence of new settlements in India. This process was also measurably fostered by the rulers of Moghul India. They often persuaded the Indian Armenians to invite to India their kinsmen artisans and merchants from Persia and Armenia.

It is but natural that these time-honoured amicable relations and friendship should be reflected in Armenian historiography and sources of origin since days past.

This chapter of the author's book also handles the motives that prompted the Indian Armenians to align with the Indians against the British colonisers. The chapter is based largely on fresh data.

The Armenians were thoroughly familiar with all the

corners of India long before the Europeans had set foot on the soil of that country. It was the Armenians who had preceded the English in being the principal representatives of Indian export. They carried on extensive trade with nearly all the major countries of Europe and Asia. The representatives of the East India Company studied the trade methods of Armenian merchants. Realising the position and connections of Armenians in India they were at great pains to make the most of those bonds. The importance and the wide range of activities of the Armenians confined at the same time the possibilities of European investments in Indian trade. Therefore the Europeans tried to limit somehow the activities of the Armenians in India. In the initial stage the European merchants were in no position to oust the Armenians by force. There remained one way open—to win over the Armenian merchants to their side and gradually take control of their activities.

With this aim in mind the English struck in 1688 an agreement with part of the Indian Armenians entitling the latter to the rights of British subjects and to great privileges over the territory of the English East India Company.

The condition of almost all the section of the Armenian population in India sharply deteriorated following the penetration into and the subsequent conquest of India by the Europeans, especially in areas where the English began to play the master. The first heavy blow was dealt at the Armenian merchants and artisans. At first by peaceful competition but then forcefully they were ousted from the Indian markets over a short period. The Armenian merchants, artisans and other related sections of the Armenian population succumbed to a hard economic plight.

Individual Armenian merchants, artisans or small „companies“ of Armenians could not, naturally, stand the power of the East European Company. The Company's

commercial and economic operations would often result in bloody expeditions and onslaughts.

The author produces a number of new facts indicating the speedy worsening of the condition of the Armenians as from the mid-eighteenth century, despite the generous promises and the solemn oath to abide by the 1668 agreement of the Armenians and the English East India Company that entitled the Armenians to all the rights of British subjects over the territory of the East-India Company. In the meantime the English had already got a firm footing in India and were in no need of their Armenian „allies“.

The English began ever since not only to oust the Armenians as their rivals in trade but they took to outright persecution: the Armenians were sentenced, thrown into prison, their goods taken away and their merchant vessels confiscated.

The Armenians in India were not only dealers and wealthy men, however. The Armenian communities consisted basically of petty traders, artisans, various employees, workmen etc. The bulk of the Armenian community lived together with the working people of India in the same economic and political conditions, sharing the joy and sorrow of their life. That is why they would side with the Indian people in fighting the colonisers.

Coming out against the English the primary concern of the Armenians was their own interests. Indian history contains many a record of joint Armenian and Indian armed struggle against the English. Yet the brightest page of joint struggle remains certainly the part of the Armenians in the anti-British uprising of Mir Kasim. Referring to the participation of the Armenians in the anticolonial struggle one should not unduly infer that anti-British feelings ran high with all the Armenians and therefore all

of them rose up, as one man, against British rule. There were Armenians who were of positively pro-British orientation and defended British interests. But those Armenians were well-to-do merchants who formed a negligible percentage of the Armenia population in India.

The **Second Chapter** of the book examines the Armenian sources on India and Armeno-Indian relations.

The author splits into two the information available on India, the Indians and the Armeno-Indian relations traceable in the Armenian sources of origin: the first part comprises data recorded by Armenian historians and chroniclers in connection with the general history of the Armenian people. In them India is depicted in an outline; for the most part they comprise unconnected facts. The authors have not themselves been to India. They have taken down in the main the gossip of their compatriots who had visited India or had had recourse to older Armenian sources. Nevertheless these sources convey a concrete and fairly clear idea of India. Here lies the main proof of the close and definite relations of the two countries. The facts those sources disclose are of value inasmuch as they testify to the old-time trade relations of the two countries. Particular mention of those Armenian sources deserve the writings of Agatangueghos (5th c.), Movses Khorenatsi (5th c.), Yeghisé (5th c.), Yeznik Koghbatsi (5th c.), Abraham Khostovanogh (6th c.), David Anhaght (6th c.), bishop Sebeos (7th c.), Movses Kagankatvatsi (7th c.), Stepanos Asoghik (10th—11th centuries), Tovma Artsruni (10th c.), Aristakes Lastivertsi (11th c.), Matevos Ourkhayetsi (10th—11th centuries), Vartan Areveltsi (13th c.), Stepanos Orbellan (13th c.), Vartan Ayguetsi (12th—13th centuries), Grigor Daranakhetsi (16th—18th centuries), Arakel Darvizhetsi (18th c.), Zakaria Akuletsi (18th c.), Khachatour Joughayetsi (18th c.) and others.

The second group of Armenian sources sharply differs from the first. In it India and the Indians are made the object of special study; and the investigator should find there invaluable authentic information both on the history, economic and commercial life and culture of India and on Armeno-Indian relations. The authors of those studies have turned to reliable sources, at times being witness to or a participant of the events they have described.

„The History of Taron“ attributed to Zenob Glak (4th c.) should be singled out for mention; this writing descants on the Armenian community in India, now with a history of more than 400 years. The measure of importance attached to India in Armenia during the 4th—7th centuries can be judged of by Ananya Shirakatsi's geography, a 7th century author. He assigns India a leading place in his book. Interesting materials on India and Armeno-Indian relations in the late old centuries can also be found in Armenian manuscripts that have either been unpublished or were done so a long while ago and are quite forgotten now.

An analogous writing is the geographical text written in classical Armenian (12th c.), entitled „Names of Indian and Persian Cities“. It becomes quite clear from its contents that the author is thoroughly familiar with India.

The Armenian sources on the history of India assume particular value as from the 17th century when in the various corners of India Armenian communities emigrating from their motherland, come into being. Here we have in mind those authors who were residents of India or wrote their works while living in India.

The latter includes „A Manual for Trade Schools“ by Kostand Joughayetsi which is of great value as it entirely deals with India. In it data are available on the commercial and economic life of the country in the 16th—

18th centuries. Kostand Joughayetsi gives particulars of the prices of hundreds of goods, the correspondence of various measures of weights and banknotes in the various regions of India, the methods of dealing in goods and raw materials. The manual is also provided with scores of tables on the weight and price of precious stones and various currencies in India.

It should be noted, too, that a brief description of the Brahmans has also reached us in MS No. 3079 (17th c.) in the Matenadaran i.e. the book repository of ancient manuscripts, now made into a research institute of Yerevan. In this brief text the author speaks of the Hindu-Brahmans with great warmth and depicts them as honest, industrious and peaceable people.

Interesting chapters on India are to be found in one of the collections of geographical—ethnographic texts in MS No. 5026 (17th—18th centuries).

The author of those lines has detected an analogous text in two other MSS of the Matenadaran: No. 1787 (18th century) and No. 1783 (18th century).

Manuscript No. 1770 (17th c.) of the Matenadaran contains brief data concerning Chinupatam (Madras). A treasurable manuscript-collection of documents in several hundred pages relating to India and the Armeno-Indian relations of the 17th—18th centuries written in Surat, Calcutta, New Julfa etc. during 1733—1740 is on the shelves of the British Museum.

In the present chapter the author touches on the general features of the now known „A History of Tahmas Kuli-Khan“ by Tambourist Arutin (18th c.), „A Chronology of Indian Kings“ by Stepanos Dashtents, „A Geography of India“ by Ar. Gover and G. Injijian (18th c.) and others, in addition to the writings of Hovhannes Trapezoontsi (18th c.) and Avetis Karbetsi (19th c.) discovered by the authors. We have also made due mention

in the closing pages of the chapter of other manuscripts that were brought to light principally by the author. Those records bespeak the cultural relations of the two peoples. Highly valuable is, in this respect, the 18th century „A Text-book of Sanskrit“ found out by the author, aside from books on medicine, astronomy and other subjects.

Chapter Three of the present publication encompasses the life and activities of Tovmas Khojamalian, the author of „A History of India“, the MSS of „A History of India“, its sources and publications.

Prior to our study the life and activities of Tovmas Khojamalian of Julfa, the author of „A History of India“, remained in the dark.

Relying on old and recently uncovered facts the present study is the first to give an outline of the life and activities of the author of „A History of India“. We have succeeded in ascertaining the fact that he is a native of New Julia where he was born about the twenties of the 18th century. He received his elementary and secondary education in his native town. Subsequently, he took to sea-faring. As a great ship-owner and merchant Khojamalian was well-known in India and was closely affiliated with the ruling circles of that country.

Apart from Armenian he was conversant with classical Armenian, English, Persian, Bengal and several other languages and was perfectly at home with the histories of Armenia and India. Khojamalian died in 1780 in Agra and was buried in Delhi.

It becomes evident from the memorandum inserted in T. Khojamalian's „A History of India“ that genuine historical facts derived from the royal archives of Shah Alam, lie at the base of the book. He had access to those archives and wrote out the relevant excerpts.

Considering the events of his days, the author made

use of the stories of his contemporaries and participants of those events, apart from publications.

Examining his work one arrives at the conclusion that T. Khojamalian has also made use of charts and atlases while pegging away at his „A History of India“.

Until recently the following was known of „A History of India“:

In 1845 the MS had been with the noted publicist and enlightener Mesrovp Takhiadian who began to publish various extracts from the book in his magazine as from the eighth issue and in 1849 he published the second part of the work in full. The circulation of „A History of India“ was very limited and is now a bibliographic rarity.

Thus we had at our disposal only the second part of the study which could not, certainly, give a fair idea of the work done by Tovmas Khojamalian Joughayetsi.

To our regret, the original copy of the MS has not attained us. Until lately it was conventionally held out that the complete edition of „A History“ was lost to science.

It was therefore essential to find the first, unpublished part or the complete edition of the book. The author's efforts in this direction were to a certain measure fruitful. A re-written copy of T. Khojamalian's writing was traced in Isfahan. However, we tried in vain to get photo copies of this book. We had to content ourselves with the discovery of a detailed description of the contents of „A History of India“ and five chapters of the first part published in the magazine „Shtemaran“ in 1822. Oddly enough, the published chapters have escaped the attention of those studying „Shtemaran“. They are as follows.

1. „On the Christianity of Malabar (from ancient times to the year 1750);
2. „On the Armenian and Assyrian Communities of Kochin“;
3. „On the Religion of India“;

4. „On the twelve holy rivers and the twenty-four holy lakes“.

The author could also get the „Chronology“ to „A History of India“ written by T. Khojamalian. It was printed in the magazine „Azgasser“, No. 8, 1845 and in No. 55, 1846 where no mention of the author is made.

Unfortunately, those chapters are of no particular value nor are they characteristic of the first part of the work. Nevertheless, as mentioned above, a comparison of the two descriptions of the first part and the four foregoing give a clearer idea as to the first part of „A History of India“.

We have not dwelt in detail on the discovered chapters of part one, since four of them are of purely religious nature while „The Chronology“ discloses nothing new.

The Fourth Chapter considers the history of Bengal in the years 1757—1760.

The second part of T. Khojamalian's „A History of India“ begins with an introductory chapter „as to how and when the Europeans began to penetrate into India“. Presumably having at hand publications, the author treats in this chapter entirely of the discovery of the sea route to India by Vasco da Gama, the construction of the first factories on the Indian coast as a stepping stone to the further penetration into the deep of the country. They were also preliminary to the first clashes of the European colonisers aimed at conquering India. In this part the author informs nothing new or interesting on the history of India.

The subsequent two chapters of T. Khojamalian's „A History of India“ speak of Anglo-French rivalry in Southern India, Deccan and Karnatika. Relying on old and new facts he gives a detailed account of three wars in Karnatika. It is true that Khojamalian reveals certain fresh facts in those chapters, yet they are of no great consequence. He must not have been so much familiar with the

history of southern India as he was with Bengal's. Referring to one event or another or to one statesman or another he mixes up the events, dates, names etc.

T. Khojamalian's history begins with the rule of the Nawab Murshid Kuli-Khan—the first independent ruler of Bengal. He also considers the rules of the following nawabs—Shuja-ud-Din, Sarafraz-Khan, Alahverdi-Khan and the like.

In his writing T. Khojamalian dwelt to a certain measure on the events in Bengal in 1756—1760, the study envisaging the period of the nawabshtp of Siraj-ud-Dowla. The Armenian source speaks quite unfavourably of the Nawab Siraj-ud-Dowla, even with some bias; and the reader can sense his enmity to the Nawab. As to other matters the author of „A History of India“ sets forth the historic truth.

It can be seen from the Armenian source that upon ascending the throne, the young and energetic Nawab took at once in his hands the reins of power and exercised a strict control on all government bodies. The first thing he concerned himself with was the financial system, But soon he found himself vis-à-vis the powerful banker and merchant Jagat Seth. The latter, together with other representatives of the feudal oligarchy of Bengal affiliated with the English East India Company, were dissatisfied with the young Nawab and had an eye to replace him.

It is commonly known that the malcontents fled from Siraj-ud-Dowla to enjoy the protection of the English in Calcutta. T. Khojamalian notes that the list of quislings who ran off to the English included Raj-Ballabkh. The English refused the Nawab's demand to hand the defectors over to him. Khojamalian instances two similar cases. The British refusal served a pretext for the Nawab to turn his armies to the British colonisers. The Armenian source

informs that the Nawab's army comprised also Armenian volunteers.

British bourgeois historiography is out to present the anti-British action as of non-political nature and lays the stress on the Indians' desire to rob the rich merchants of their wealth.

Criticising those tendentious perverstions the author shows that Siraj-ud-Dowla's action was a just cause, a national liberation struggle levelled at the British colonisers who were the political and economic enemies of the Bengalis.

Next T. Khojamalian outlines the seizure of Calcutta. Referring to the capture of this city by Nawab's armies and the consequent events in „Chronological Notes on the History of India“ Karl Marx points out: „On the evening of June 21, 1756, „the tradesmen“ took to their heels. Hallwell defended the port illumined by blazing factories; the fort was taken by storm and the garrison captured„. Hallwell, an employee of the East India Company, tells that Siraj-ud-Dowla ordered the 146 Englishmen taken prisoner to sit in a small room, 20 sq. m. in area with a tiny window. The next day only 23 people were found surviving. „This was the so-called „Black Hole of Calcutta' about which the British bigots still raise a clamour“.

Referring to the events in Bengal in 1757 nearly all of the bourgeois historians grossly distort the historic truth and present those facts in a false light: the English, those „peaceful merchants“, were a victim to the bloodthirsty plunderer Siraj and the Indians.

Many scholars look upon the „Black Hole“ as a piece of forgery. However, no sound plea has been at hand to disprove this overstatement of Hallwell's. Such evidence of key importance is to be found in the Armenian source that sheds light on those events, at least in part.

The author quotes another new-found fact from a different Armenian source that serves an added proof to Hallwell's slander of the Indian people.

The Armenian sources which are based on documentary evidence and eye-witness accounts, enable us to eventually repudiate the deliberate perversion of truth by the British of the story of „The Black Hole“.

Almost every writing relating to the English conquest of Bengal underlines the fact that the English annihilated the Bengali forces during the first attacks. The author relies on data produced by the Armenian source in proving the fact that the Indians put up a stiff and heroic resistance to the English beating off enemy assaults on many occasions. The defence of Kasimbazar was particularly stubborn. The defenders of the fortress repulsed all the attacks of the English who could eventually break up the resistance owing to the treachery of Monik Chanda.

The chapter also provides a detailed account of the preparations for the battle near Plassey. Speaking of this battle bourgeois and particularly British historians usually state that the Indians showed almost no resistance, were readily smashed and they quitted the battlefield. Unfortunately, this view is shared also by a number of Soviet historians. The author of this book endeavours to show that this had not been quite the case. Dividing his army into three, the Nawab began to fight the English all along the front. Mir Madan, the brave commander loyal to the Nawab, and his men were especially distinguished for their bravery.

The general feeling was such that even the traitor Mir Jafar could not refrain from joining the battle. At first one could not say which party was the winner. And only after general Mir Madan's death and Mir Jafar's betrayal did the scales tip in favour of the English.

Aside from exposing the slander of bourgeois histo-

riography, the evidence produced in the Armenian source on the history of Bengal under Siraj-ud-Dowla proves useful in revealing the historical truth. It is evident from „A History of India“ that Siraj-ud-Dowla's campaign was in effect an act of self-defence. The Bengalis would not reconcile themselves to the thought that uninvited guests should rule supreme in their motherland; accordingly, they rose up to liberate their native country. No wonder that Soviet historiography ranks Siraj-ud-Dowla's name with those of the outstanding military men of India trying to unite the country and drive out the foreign colonisers.

The Fifth Chapter of the book canvasses the records of „A History of India“ on the events of 1760—1764 in Bengal. It takes up nearly one-third of the writing. As compared to other sources on the history of Bengal over the same period it is one of the most detailed parts.

According to Khojamalian, Grigor Harutyunian from Murshidabad, a close friend of Mir Kassim, assisted the latter greatly in seizing power in Bengal.

Indian and Soviet scholars consider Mir Kassim a „strong and energetic ruler“. In fact he differed from his predecessors. Strong and energetic, Mir Kassim hoped to become the true ruler of Bengal and not a mere stooge in the hands of the English Company.

Mir Kassim fully realised the fact that to achieve independence one needed allies. He looked upon the new ruler, the Grand Moghul -Shah Alam I and the ruler of Aud, Shouj-ud-Dowla, as his most reliable allies. He arrived in Aud, where the Grand Moghul lived, to sign a treaty with him against the English. As Shah Alam and Mir Kassim met, Grigor Harutyunian, the new commander of the Bengali armed forces, was received in audience by the ruler in person. He conferred on the Armenian the highest military rank. It was then that Shah Alam named him Gorgin Khan, and he was known as such to the end

of his life. Gorgin-Khan is also the name recorded in history.

Having struck an alliance with Shah Alam and transferred the capital to a safer place, Mir Kassim set out to organize a new Bengali army. Mir Kassim and Gorgin-Khan could in a short time assemble a large army. The new army was trained in the pattern of European troops.

Kassim Ali appointed Indians and Europeans as commanders, including Armenians. According to the Armenian source the following Armenian officers of the Bengali army, under whose command the Bengali forces fought the British colonisers and who were marked off by Kassim Ali-Khan, achieved distinction: Markar Harutyunian, Hovhannes Kalantarian, Harutyun Markarian, Grigor Nahapet-Ayvazian, Petros Astvatsatran, Ghazar Hakopian, Martiros Grigorian and others. The number of junior and senior officers in the Bengali army amounted to one hundred. An Armenian battalion also fought in the ranks of Nawab's troops.

Having organized a regular army Mir Kassim was faced with serious difficulties in arming it. Grigor Harutyunian turned to Indian and Armenian armourers in organizing the local production of armaments. After building up the army, supplying it with arms and consolidating the alliance with the Grand Moghul, Mir Kassim attempted to secure the rear and render the influential Anglophiles in the country harmless. The records of the Armenian source on the campaigns of the Bengali army, aimed at safeguarding the rear, are valuable inasmuch as no mention is made on the subject in other sources.

The author draws on the new data of the Armenian source and Kassim. Great attention is given to Nawab's policy of cancelling the duties, for this sound decision of Mir Kassim came as a heavy blow to the Company. The English were not only deprived of the monopoly of the

dhastaks in trading in the richest areas of the country but had also to survive the competition with Indian, Armenian and other merchants. This decision paved the way for Bengali merchandise to a brisk trade enabling the local market to receive goods essential to the Indian economy.

Inconclusive negotiations led to an open armed conflict between Mir Kassim and the English. The Armenian source divulges many interesting facts on the rout of the English in Patna when the Bengali troops were led by Markar Harutyunian. The Armenian battalion also took part in the battle.

The records of the Armenian source on the events in Patna indicate that it was not to the British an action of lesser consequence during which the Bengalis „took over“ from the enemy, as it is customarily phrased. The utter defeat of the well-trained British troops by the new-organized Bengali army with 1370 dead left on the battlefield, has gone down as one of the most brilliant pages in the heroic battle of the Indian people against the British colonisers. Patna was followed by defeats of the English troops at other fronts.

In those decisive and heroic days for Bengal the participation of the Armenians in the liberation struggle was so significant and their Hindu allies held them in such a high esteem that during the victory day celebrations flags with crosses in honour of the Armenians were also raised along with Indian flags.

The author has also examined in detail the facts in the Armenian source concerning the battles and all the remaining events up to the defeat of Mir Kassim, having recourse to the new data of „A History of India“ and of other lately discovered sources in Armenian. A number of events so far either unconsidered or incorrectly elucidated are viewed from a different angle.

The Sixth Chapter of the book treats of the appendix

of T. Khojamalian's „A History of India“ where he speaks of one of the noted men of the Armenian community, the political figure and poet Mirza Zul-Karnain. The author interprets all this semi-legendary story in the light of historical facts.

Zul-Karnain lived in Jehangir's days. Jehangir himself as well as many contemporary sources mention him more than once. According to those sources Zul-Karnain ran the salt-mines in Lahore and Zambahare and was the deputy of Hugle. As the relations with Jehangir became strained, Zul-Karnain gave up all activity and took to composing Indian songs.

The existing ample evidence in Indian and European sources confirms the fact that Zul-Karnain was indeed a distinguished poet and song-writer of his time. Subsequently he attained such accomplishment that his productions found their way into the palace of the Grand Moghul. This is evidenced by the sovereign of India Jehangir himself in his famous memoirs. He appreciated highly Zul-Karnain's musical and poetic talent.

Contemporaries maintain that Zul-Karnain was not only a venerable poet and an acknowledged composer but also a playwright, singer and raconteur. He wrote exclusively in Persian which was in those days the state language of the country of the Grand Moghul. But the most precious information in Tovmas Khojamalian's story remains, of course, the news of the settlement of one of the oldest Armenian communities in India in the new capital of the Grand Moghul Akbarabad (Agra) and the solicitous care shown to the Armenians by one of the great sovereigns of India Shah Akbar.

The Seventh Chapter of the book is devoted to another 18th century Armenian source—„The Biography of Hyder Ali“ by Hakop Simonian. It is the first attempt

in Soviet oriental studies to highlight the original source of Hyder Ali.

„The Biography“ is written by a man who was a friend of Hyder and knew him quite well. Simonian was a tradesman and was in close touch with the local rulers.

It is uncertain when he set about his work and when he concluded it. The fate of the manuscript is as uncertain. Its unabridged contents are published in the magazine „Azdarar“ in Madras, in 1793—1795. Two unique copies of this first Armenian printed periodical have been preserved in the U.S.S.R.

Hakop Simonian's „The Biography“ is one of the earliest biographical works on Hyder Ali.

This treasurable writing divulges facts that have so far been unknown. From cover to cover the author expresses his affection to his hero, the „happy, lucky and brave ruler Hyder Ali“. In addition to other motives the author's attitude is also accounted for by his personal friendship with Hyder Ali. „The Biography“ is all the more valuable for the author has not confined himself to a mere description of the private, intimate life of Hyder but has outlined it as against the background of the political and military events in the history of Mysore during 1762—1782.

In this way „The Biography“ can serve as a source for the history of Mysore of this period. The basic merit of this writing lies in the fact that it is written by a man quite familiar with Hyder, the numerous men surrounding him and the events of those days. Frequently he himself was a witness and at times participant of those events. He would take them down on the spot and elaborate them later. There is one more point of moment: the author renders an impartial account of the events. No attempt at twisting the facts can be discerned. Only at times to testify Hyder's failures he shuns speaking of them or if he mentions them he tries to find some plea. True, „The

Biography" speaks little of the history of Armeno-Indian relations, but even this little entitles us to asserting the fact that the Armenians of Mysore enjoyed the patronage of Hyder and the local residents.

The appendix of the book is composed of the following parts:

a) translation of the collations of T. Khojamalian's classical Armenian text: „A History of India“ and „Hakop Simonian's „The Biography of Hyder Ali“;

b) Remarks and textological corrections to the Russian texts.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Произведения классиков марксизма-ленинизма

- Маркс К.* Британское владычество в Индии (*Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., т. 9, изд. 2).
- Маркс К.* Будущие результаты Британского владычества в Индии (Соч., т. 9, изд. 2).
- Маркс К.* Военный вопрос. Парламентские дела Индии (Соч., т. 9, изд. 2).
- Маркс К.* Капитал, т. 1. М., 1955.
- Маркс К.* Индийский вопрос. Ирландское арендное право (Капитал, т. 1. М., 1955).
- Маркс К.* Ост-Индская компания, ее история и результаты ее деятельности (Капитал, т. 1. М., 1955).
- Маркс К.* Хронологические выписки из истории Индии (664—1858 гг.), М., ОГИЗ, 1947.
- Энгельс Ф.* Индийская армия (*Маркс К. и Энгельс Ф.*, Соч., т. 12, изд. 2).
- Энгельс Ф.* Анти-Дюринг. М., 1917.
- Ленин В. И.* Пробуждение Азии (Соч., т. 19, изд. 4).

Источники в оригинале, архивные документы

- Անանուն հեղինակ. Նորագույն արս իրմայր որ կայ լերկրի մարդիկը պրամականր անուն: Մաշտոցի անվան Մատենադարան, ձև. № 3079:
- Անանուն հեղինակ. Վասն հնդկաց տան թև ներքին և թև արտարին Կենճեղետերովն: Մաշտոցի անվան Մատենադարան, ձև. №№ 5026, 1787:
- Անանուն հեղինակ. Անուն րադարաց հնդկաց և պարսից: Մաշտոցի անվան Մատենադարան, ձև. №№ 1770, 1814, 1898, 3691, 5950, 7993:
- Ավետիս Կարբեցի Հարությունեան Մաղկեան. Ստորագրովին ճանապարհորդութեանց Աւետիս վարդապետի Կարբեցոյ, արեղայի որոյ էջմիածնի: Մաշտոցի անվան Մատենադարան, ձև. № 2884:
- Կոստանդ Զուղայեցի. Վասն նորատու մանկանց և երիտասարդաց, բրիտանեից վաճառականաց խրատ, Մաշտոցի անվան Մատենադարան, ձև. №№ 5994, 8443:

Հովհաննես Տրապիզոնցի. *Թուղթ Հնդկաց ի կողմանցն նորակ Տրապիզոնցի Յոհաննես վարդ. զոր գրի առ Շամախեցի Հակոբ կաթողիկոսն, Մաշտոցի անվան Մատենադարան, ձեռ. № 618:*

Использованы также рукописи №№ 372, 461, 618, 1518, 1770, 1782, 1787, 1788, 1999, 2335, 2722, 2821, 3095, 4166, 6924, 7117 и другие Матенадарана.

Архив Института истории АН Арм. ССР, Архив С. В. Тер-Автецияна—«Каталог армянских рукописей монастыря св. Аменаркич в Новой Джуке».

Архив Института истории АН Арм. ССР, дело 145, л. 346.

Архив Института истории АН Арм. ССР, дело 148, тетрадь 21, лл. 28—31.

Архив Матенадарана Арм. ССР, фонд католиков, дело 72, л. 457.

Архив Матенадарана Арм. ССР, фонд католиков, дело 77, л. 499.

ЦГАДА, фонд Сношения России с Персией, 1713—1715 гг., л. 580а.

Архив Матенадарана Арм. ССР, фонд католиков, дело 77, л. 499.

ЦГАДА, фонд Сношения России с Персией, 1713—1715 гг., л. 580а.

Источники опубликованные

Արբանամ Խոստովանող, *Վկաիր Արևելից, Վաղարշապատ, 1914:*

Ագարանգեղոս, *Պատմութիւն Հայոց, Թիֆլիս, 1909:*

Ամիրդովլար Ամասիացի, *Անգիտաց անպետ կամ բժշկական բառարան, հրատարակություն Կարապետ Բաստամաճեանի, Վեննա, 1927:*

Անանիա Շիրակացի, *Մատենադրություն, հրատարակություն Ա. Գ. Աբրահամյանի, 1944:*

Աբխտակես Լաստիվերոցի, *Պատմութիւն, Թիֆլիզ, 1912:*

Անանուն Բեղիմեակ *XII դ., Անուն քաղաքաց, հնդկաց և պարսից:*

Գրիգոր Դարանաղեցի, *Ժամանակագրութիւն, Երուսաղիմ, 1915:*

Եգեթիկ Կողբացի, *Նղծ Աղանդոց, Թիֆլիզ, 1914:*

Եղիշե, *Պատմութիւն Վարդանաց, Թիֆլիզ, 1913:*

Բովսա Աբժուրեհի, *Պատմութիւն տանն Արծրունեաց, Կ. Պոլիս, 1952:*

Թ. Խոջամալեան, *Պատմութիւն Հնդկաց, մասն 2-րդ, Կալիաթա, 1849:*

Կորիւն վառդապետի, Մամբրէ Վերածնողի, Դաւիթ Անյադրի *Մատենադրութիւնը, Վենետիկ, 1931:*

Հերոս Ասամիշ, *Վենետիկ, 1847:*

Մատրեոս Ուռույեցի, *Ժամանակագրութիւն, Վաղարշապատ, 1891:*

Մովսէս Խորենացի, *Պատմութիւն Հայոց, Թիֆլիս, 1913:*

- Մովսէս Կաղանկատուացի, Պատմութիւն Աղուանից, Թիֆլիս, 1912:
 Յովնան Մամիկոնեան, Պատմութիւն Տարսնոյ, հրատարակութեան Ա. Գ. Ար-
 րահամյանի, Երևան, 1942:
 Պաղոս Լազարովիչ, Ստորագրութիւն Կալիվա քաղաքին, Կալիվա, 1948:
 Սերէոս Էպիսկոպոսի Պատմութիւն, հրատարակութեան Սա. Մալխասյանի,
 Երևան, 1939:
 Սիմոնեան Յակոբ, Պատմութիւն բաշին շախար Ալի խանին, «Ազգարար»,
 1793—1795:
 Ստեփանոս Բաշուցի, Կարգ թագաւորաց Հնդկաց, Վ. Ոսկանյան, 17—18-րդ
 դդ. Մանր ժամանակագրութեաններ, Երևան, 1959:
 Ստեփանոս Օրբելեան, Պատմութիւն տանն Սիսական, Թիֆլիս, 1910:
 Ստեփանոս Տարսնեցի Ասողիկ, Պատմութիւն տիեզերական, Սանկա-Պետեր-
 բուրգ, 1885:
 Վարդան Արեւելցի, Հասարածն բանին, Վենետիկ, 1838:
 Վարդան Ալզեկցի, Ազոտնագիրք, Երևան, 1935:
 Թ. Տեր-Հովնանեան, Ուղեգրութիւններ, «Նոր Ազգարար», Կալիվա, 1955:

Л и т е р а т у р а

- Արբանամյան Ա. Գ. Անանիա Շիրակացու Մատենագրութեանը, Երևան, 1944:
 Արբանամյան Ա. Գ. Պատմութեան հայ գրի և գրչութեան, Երևան, 1959:
 Արբանամյան Վ. Արհեստները Հայաստանում, Երևան, 1959:
 Արբանամյան Ռ. Ա. Հայկական ձեռագրերը Հնդկաստանի մասին, «Սովետա-
 կան Հայաստան», 1957, № 6:
 Արբանամյան Ռ. Ա. Հնդիկ ձագրերի 1760—63 թթ. հակաանգլիական տ-
 պրոտամբութեանը և հայ գագրութիւնը, «Պատմա-բանասիրական հան-
 դես», 1960, № 2:
 Արբանամյան Ռ. Ա. Հնդկաստանի աշխարհագրութեանը հայ հին և միջնա-
 դարյան աղբյուրներում: ՀՍՍՀ ԳԱ «Տեղեկագիր», Հասարակական
 գիտ. բաժանմանը, 1962, № 6:
 Արբանամյան Ռ. Ա. Հովհաննէս Կարբեցու Պարսկա-հնդկական ուղեգրու-
 թեանները, «Սովետական Հայաստան», 1960, № 1:
 Ազոնց Գովիւր և Իննիկեան Ղ. Աշխարհագրութիւն շարից մասանց աշխարհի,
 Երզրայց, Ասիայ և Աֆրիկայ, հատ. 4, Ասիա, մասն 1, Հնդկաստան,
 Վենետիկ, 1806:
 Ալիշան Վեռնի, Սիսական, Վենետիկ, 1893:
 Ալպոյանյան Արշակ, Պատմութիւն հայ գագրականութեան, հատ. 1—3, Գա-
 հրք, 1958—60:
 Ալպոյանեան Արշակ, Պատմութիւն հայ Կեսարիոյ, հատ. 2, Գահիրե, 1947:
 Գոշախեան Ռուզոմ Արեւկ, Հնդկահայք (ուղեգրութեաններ), Երոտաղեմ,
 1941:
 Գրիգորչան Մ. Հայքի Հնդիկա հարավային, «Բագմավիպ», 1927, №№ 3,
 5—6:

- Իճճիճեան Ղուկաս, *Հեկախոսութիւն Հայաստանեաց աշխարհին, Վենետիկ, 1836:*
- Իճճիճեան Ղուկաս, *Գարսպատում, (1750—1757), Վենետիկ, 1924:*
- Կարիճյան Ա. Բ., *Ակնարկներ հայ պարբերական մամուլի պատմության, հատ. 1—2, Երևան, 1956—1961:*
- Կո, *Հայկական տպագրություն (պատմագրական ակնարկ), հատ. 2, Թիֆլիզ, 1901:*
- Կո, *Խոջաշահան կապիտալը և նրա հասարակական-քաղաքական դերը հայոց մեջ, Երևան, 1934:*
- Կոնյան Գարեգին, *Հայագրի մի հնդիկ բանաստեղծ, «Հայկաշեն», Երևան, 1918, № 1:*
- Թելիք-Քալիշյան Սա., *Ստեփանոս Գաշակցու մի մամանակագրությունը, «Համալսարանի գիտական աշխատությունների ժողովածու», 1955, № 47:*
- Շերեր, *Անդրիական առևտրի պատմությունը, Թարգմանութիւն Ազարեղեան, Կ. Պոլիս, 1822:*
- Պալատանյան Սա., *Պատմություն հայոց հնագույն մամանակներից մինչև մեր օրերը, Թիֆլիզ, 1857:*
- Տեր-Աստվածաբեան Հար., *Պատմութիւն հայ վաճառականութեան Ռուսաստանում, 7—18-րդ դդ., Փարիզ, 1906:*
- Տեր-Ավետիսյան Ս. Վ., *Նիւթեր Հնդկահայ զաղութի պատմության համար, Երևանի համալսարանի «Գիտական նյութերի ժողովածու»:*
- Տեր-Հովհաննեան, *Պատմութիւն նոր Զուլայ, հատ. 1, 2, նոր Զուլա, 1880:*
- Абрамян Р. А. Из истории армяно-индийских взаимоотношений. *Абрамян Р. А. Армянский путеводитель по Индии («Историко-физиологический журнал АН Арм. ССР», 1958, № 2).*
- Абрамян Р. А. Армянские источники по Индии и армяно-индийским взаимоотношениям (а. «История Индии Томаса Ходжамаяна»; б. «Жизнеописание Хайдара Али»). М., 1963.
- Абрамян Р. А. Армянские источники и архивные документы по Индии и армяно-индийским взаимоотношениям («Вестник архивов Армении», 1965, № 3).
- Абрамян Р. А. Об одном армянском источнике по истории Индии. («Сообщение Ереванского университета», 1967, № 2).
- Антонова К. А. Аграрные отношения в Индии накануне английской завоевания («Известия Академии наук СССР, серия история и философия», 1949, т. V).
- Антонова К. А. Англо-французская борьба за Индию и роль государства Майсор в 1769—1784 гг. («Из истории общественных движений и международных отношений»), М., 1957.
- Антонова К. А. Английское завоевание Индии в XVIII веке. М., 1953.

- Антонова К. А.* Предисловие к книге Паниккара «Очерки истории Индии». М., 1961.
- Антонова К. А.* Отчет Бьюкенена о Майсоре 1800—1801 гг. как исторический источник («Ученые записки Института востоковедения», т. XVIII, М., 1957).
- Антонова К. А.* Русско-индийские связи («Материалы первой Всесоюзной конференции востоковедов в Ташкенте 4—11 сентября 1957 г.»), Ташкент, 1957.
- Арунова Т. Р., Ашрафян К. Э.* Государство Надир Шаха Ашрафа. М., 1958.
- Баруш бе Напози.* Индия под английским владычеством. Перевод с французского. т. I—II. М., 1848—1849.
- Биоренштиерн М.* Британская империя в Индии. М., 1847.
- Виско де Гама* или открытие морского пути в Индию. СПб., 1901.
- Кабирадж Наразари.* Национально-освободительное движение в Бенгалии. М., 1916.
- Касимов А.* Борьба народов Майсара против английских колонизаторов в 1792—1799 гг. М., 1956 (автореферат).
- Комаров Э. П.* Аграрное отношение и земельно-налоговая политика английских колонизаторов в середине второй половины XVIII века. (Рукопись диссертации и автореферат), М., 1952.
- Комаров Э. П.* К вопросу об установлении постоянного обложения по системе заминдари в Бенгалии («Ученые записки Института востоковедения», т. 12, Индийский сборник. М., 1955).
- Люстерник Е. Я.* Из истории захвата Бенгалии англичанами «Ученые записки Ленинградского гос. нед. института им. Герцена», т. 62, 1948.
- Мир Гулам Мухаммед Чабар.* Ахмед шах—основатель афганского государства. М., 1959.
- «Независимая Индия».* Сборник статей. М., 1948.
- Перу Джавахарлал.* Открытие Индии. М., 1955.
- «Новая история Индии»*, под ред. К. А. Антоновой, Н. М. Гельдберга и А. М. Осиповой. М., 1948.
- «Новая история колониальных и зависимых стран»*, т. I. М., 1940.
- «Новая история стран зарубежного Востока»*, т. I. М., 1956.
- Паниккар К. М.* Очерки истории Индии. М., 1961.
- Райциг П. П.* Страница из истории французского империализма в XVIII веке. (Дюпле в Индии 1722—1754). Ярославль, 1929.
- Рейснер И. М.* Основные моменты освободительной борьбы народов Индии. «I Всесоюзная конференция востоковедов» (тезисы докладов), Ташкент, 1957.

- Рейснер И. М.* Развитие феодализма и образование государства у афганцев. М., 1954.
- Семенова И. И.* Англо-маратхская борьба за Индию и Паншатская битва в 1761 г. «Очерки по новой истории стран Среднего Востока». М., 1951.
- Семенова И. И.* Государство сикхов. М., 1958.
- Синха И. К., Банерджи А. Ч.* История Индии. М., 1954.
- Соловьев О. Ф.* Из истории русско-индийских связей. М., 1958.
- Abuer P.* Rise and progress of British power in India, London, 1839.
- Ashari K. M.* The black Hole Debote, „Bengal Past and Present“, XI, Calcutta, 1915.
- Basu P.* Oudh and the East India Company, 1785—1805, London, 1934.
- „Bengal Navabs“ translated into English J. N. Sarkar, Calcutta, 1952.
- Chand Mahajan,* History of India... London, 1955.
- Churchill Y.* History of the English speaking peoples, vol. III. London, 1957.
- Dodwell H.* The Cambridge history of India, vol. V. (British India), Cambridge, 1929.
- Dunber G.* A history of India... London, 1943
- Dutt M.* The Chronology of India... Calcutta, 1889.
- Dutt R.* The economic history of British India... London, 1901.
- Emin Josep Emin.* Life and adventures of Emin Josep Emin Written by Himself, London, 1793.
- Franzer R. W.* British India, London, 1917.
- Fuller B.* The Empire of India, London, 1913.
- Gupta B. K.* Sirajuddaulah and East India Company...
- Keith N. B.* A constitutional history of India, 1600—1935, London, 1937.
- Khojamall T.* Indostan Alahabad, 1764.
- Kulkarni V. B.* British statesmen in India, 1961.
- Little J. H.* The Black Hole: Question of Holwe's veracity „Bengal Past and Present“, XII, 1916.
- Hunter W.* A statistical Account of Bengal, vol. V.
- Malcolm J.* The political history of India from 1784 to 1823. London, 1926.
- Masani R.* Britains of India, Oxford, 1960.
- Mitney H.* Clive of India, London, 1958.
- Mill J.* History of British India, vol. I—III. London, 1818.
- Roy A. Ch.* The career of Mir Jafar Khan (1757—1760), London, 1918.

- Rao E. H.* History of Musore, vol. III, (1766—1799), Bancalore, 1948.
- Sen S. P.* The french in India, Calcutta, 1958.
- Seth M. J.* Histori of the armenians in India. Calcutta 1895.
- Seth M. J.* Armenians in India from the the Earlies tims to the Present day, Calcutta, 1937.
- Seth M. J.* Corgin khan, Calcutta, 1928.
- Seth M. J.* Armenians as Political steping-standes (Khoja Israei Sahrds), Calcutta, 1936.
- Seth M. J.* Armenians and East India Company, Calcutta, 1906.
- Seth M. J.* Armenians in Chandernagore, Calcutta, 1931.
- Sinha N. K.* The economic history of Bencal from Plessey to the Permanent Settlement. vol. I, Calcutta, 1956.
- Sinha N. K.* Haidar Ali, Calcutta, 1949.
- Smita V. A.* The Oxford history of India, vol, II, Oxford, 1958.
- Williamson J.* Great Britain and Empire, London, 1944.
- Wilks M.* Historical sketches of the Sources of India in attert to trace the history of Musore.... I—III, London, 1810—1814.
- Talboys W.* A history of India, London, 1880.

Периодическая печать

- «Ազգասեր», Կալկաթա, 1845—1848:
- «Ազգասեր Արարատեան», Կալկաթա, 1848—1852:
- «Ազգարար», Մադրաս, 1713—1795:
- «Արև», Կահիրե, 1925:
- «Բազմազեպ», Վենետիկ, №№ 1—12, 1868, 1880, 1886, 1922, 1932, 1937:
- «Եվրոպայ», Փարիզ, 1852, 1858:
- «Զարթոնք», Բելյուսթ, № 133, 1956:
- «Հայկաշեն», Երևան, № 1—2, 1918:
- «Կոչնակ Հայաստանի», Նյու-Իորք, № 9, 1929:
- «Մասեաց աղանի», Թեոդոսիա, № 1, 1860:
- «Նոր Ազգարար», Կալկաթա, 1949—1955:
- «Շտեմարան», Կալկաթա, 1822—1823:
- «Սրտն», Երուսաղեմ, 1930:
- «Փյունիկ», Նյու-Իորք, 1918—1919:

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Из истории армяно-индийских связей и армянских общин в Индии	11
Армянские источники об Индии и армяно-индийских взаимоотношениях	19
Жизнь и деятельность Товмаса Ходжамазяна и рукопись «История Индии»	27
«История Индии» о восстании Сирадж-уд-доула в Бенгалии	35
«История Индии» об антиколониальной борьбе в Бенгалии во главе с Мир Касимом и участие в ней армян	50
Приложение «Истории Индии»	71
«Жизнеописание Хайдара Али-хана» Аюба Симоняна	83
<i>Товмас Ходжамазян. История Индии</i>	115
Комментарии и текстологические исправления	181
<i>Аюб Симонян. Жизнеописание Хайдара Али хана</i>	195
Комментарии и текстологические исправления	258
Eighteenth century Armenian sources on India (резюме)	267
Список неиспользованной литературы	290



АБРАМЯН РАФІК АՇՈՏՈՎԻՐԻ

АРМЯНСКІЕ ИСТОЧНИКИ XVIII ВЕКА ОБ ИНДІИ

*Печатается по решению ученого совета
сектора востоковедения АН Арм. ССР*

Отв. редактор *В. К. Восканян*
Редактор издательства *В. Б. Андриясян*
Художник *Ю. А. Аракелян*
Технич. редактор *Э. С. Аветян*
Корректор *М. Т. Дильсаянц*

ВФ 03377. Заказ 648. Изд. № 2783. РИСО 1023. Тираж 1000.

Сдано в производство 8/VI-1967 г. Подписано к печати 9/IV-1968 г.
Печ. л. 18,63, бум. л. 9,32, усл. и. л. 15,28, изд. л. 15,24.
Бумага № 1. 84×108¹/₃₂. Цена 1 р. 16 в.

Типография Издательства АН Армянской ССР, г. Эмбизани

Замеченные опечатки и исправления

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
33	3 снизу	Պատմութիւն Հնգրաճաշ	Պատմութիւն Հնգրաճ
69	13 сверху	Ривазяна	Արւազяна
-	14 -	Удхунаэми	Удхунала
79	15 -	Садаха	Салеха
-	16 -	«Քերկնգր»	«Քերկնգր»
98	13 -	Метр д' Стелл	Метр д' Отейл
169	22 -	Шуджадвуле	Шуджадовле



ԳԱՍ Հիմնարար Գիտ. Գրադ.



FL0409630

P II
400080